

1. АЛЬТЕРНАТИВА ВЫБОРА

В четвертую часть книги вошли материалы, посвященные памяти Александра Михайловича Люцко и некоторые из его собственных неопубликованных произведений.

*Во Славу Старинного Друга
Саши Люцко, Сына Михаила,
Завершившего Свой Доблестный Путь на Этой Земле
как Истинный Воингь!*

Биографические сведения: А.М.Люцко - выдающийся белорусский физик-радиолог, создатель и ректор Международного института радиоэкологии (ISIR) в Минске, призванного научить и заставить людей не повторять Чернобыльских катастроф, альпинист, путешественник, поэт, художник, писатель, одинокий, ранимый и бескомпромиссный романтик.

Погиб 4 сентября 1997 года при восхождении в Сьерра-Невада (Испания).
Свой последний день в этом мире он встретил упорно продвигаясь вверх.
На фотографии встречи Нового 1978-го от Рождества Христова Года в Минске

Александр Михайлович Люцко - в центре.

*...И может в царстве тьмы
Того, кем все они,*

*Согреют эти строчки
Прочитаны до точки...*

Фото В.А. Мамонтовой

Баллада Во Славу Саши Люцко и его Славного Времени

(автобиографическая Альтернатива Выбора)

[впервые опубликовано в: «Компьютерная электрофизиология в клинической и
исследовательской практике», М.: ИнКо, 1998]

*Слова, слова, слова,
приходят Ниоткуда,
Как талая вода,
прорвавшая запруду.*

*Уходят в Никуда,
истертые до точки,
Как в первые снега
последние листочки...*

Вводная: Вспомним вступление Евангелия от Луки: «*Какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ*». Точно так же начнем и мы: «Как уже многие кумиры, лауреаты, главы и вожди ельцин克林тонного конца второго тысячелетия н.э. оповестили прогрессивную публику о восхитительных потерях своей девственности, восторгах орально-анальных сексов в президентских кабинетах, эйфории обмана, ограбления и ускорения вымирания подчиненного населения и т.п. своих шалостей и забав». Так же и мы, следуя этой славной традиции, несказанно обрadowаны счастливо открывшейся возможностью добавить к достигнутому уровню общечеловеческого величия избранные интимные подробности своей собственной незамысловатой жизни.

Саша Люцко, сын Михаила, всегда был и останется самым дорогим и близким другом, которого воспринимал как своего старшего брата, по нему ровня, так или иначе, все свои дела и жестоко и эгоистично требуя быть соответствующим идеалом. Аллегорически Саша и многочисленные наши неповторимые друзья-минчане образовывали некий постоянно висящий за спиной щит, который в трудную минуту можно было вытащить и мысленно сказать: «остальное ерунда, ведь на этом свете всегда уже будет существовать вот Это». Большинство же прочих *больших и малых* людей, встреченных в жизни, выглядят в этом сравнении просто неприметными пигмеями (за исключением считанного числа Великих Исторических Примеров).

Исходная встреча наша произошла в альплагере Узункол в июле 1967 года (итога за тридцать лет до завершения его Пути). А предшествовало этому вот что. Уже минуло 20 лет жизни и лет пять до этого начались поиски личной Задачи: с чтением фантастики, квантовой физики, релятивистской космогонии, индийской философии, с упорными занятиями йогой, бегом, лыжами, плаванием, обливанием холодной водой на зимнем ветру (прочитав, что посвящение некоторых йогов состоит в высушивании мокрых полотенец на спине в Гималаях) и соревновательным питием водки (с великой целью самопроверки, для этого в тогдашней компании лихих авиа-техникумовских любителей футбола «в канадку», где разрешались, как в хоккее, силовые приемы телом, был жесточайший проверочный тест: надо было встать, поставить ноги одну вперед другой на прямую линию, вытянуть руки, запрокинуть голову и закрыть глаза), но в полном и отчаянном духовном одиночестве. Работа тогда протекала в Государственном научно-исследовательском институте гражданской авиации с участием в летных испытаниях сверхсовременных навигационных систем посадки, когда можно было вдоволь насмотреться на нашу прекрасную землю с высоты и в разном цвете, и летом, и зимою, и весною, и осенью, и в дождь, и в снег, и в солнце, и в облаках, и в ночь. Однажды один наш исследовательский эки-

паж в ночном северном полете встретил несколько сияющих как тысяча солнц летающих тарелок, которые его долго сопровождали, и по возвращению институтские художники со слов летчиков рисовали картины, которые с подробным отчетом были отправлены в Академию Наук. Загоревшись этим, напросился (уже учась в МАИ) в гости домой к знаменитому исследователю НЛО Ф.Ю.Зигелю (преподавателю МАИ), наснимал у него с различных монографий кучу негативов, а затем скомпоновал и вывесил в институте красочную стенгазету. Как-то вслед за этим старший коллега по работе в ГосНИИГА Женя Никонов увидел, как здоровый молодой парень лихо пьет водку и лихо отплясывает на праздниках в отделе, посоветовал ему взять в Спартаке путевку в альплагерь (захожу спустя годы как-то в Спартак на Красносельской и, не веря своим глазам, вижу там спокойно прогуливающегося всесоюзного героя Вячеслава Старшинова с классическим профилем древнего викинга). И тогда же Женя свел со своими знакомыми — молодыми исследователями искусственного и естественного интеллекта из МГУ (выпускниками МВТУ) и они организовали пацану спецзапрос на перевод. После двух лет ругани с Министерством ГА в 1969 году все-таки отпустили (Юрьев День для молодых специалистов наступал только через 3 года). Но после этого Женя Никонов (а также многие другие из его компании, например, знаменитый отшельник по прозвищу *Генерал* — путешественник и изумительный фотограф) совсем исчез из поля зрения, как будто полностью выполнив свою благотельную миссию.

Встреча с минчанами дала сильнейший толчок и именно в направлении предыдущего движения, действующий и по настоящее время. С Сашей сразу же образовалось естественное сродство душ: мы одинаково и беззаветно верили в торжество и силу науки и прогресса, блаженство гор, а также в абсолютную истину древнеиндийской и дальневосточной философии (да и оба мы — Водолеи). Просматривая сейчас ретроспективно персональную 50-летнюю историю, становится несомненно очевидно, что степень духовной близости и энергии, испытанные в той минской команде, нельзя поставить рядом абсолютно ни с чем во всей последующей жизни (чувствовалось, что даже люди, приходящие туда с тяжелыми личными проблемами, моментально преображались). Поэтому это стало главным пунктом отсчета и опоры на многие годы. Без этого судьба моя стала бы неизмеримо иной и бедной. Возможно, что этот энергетический импульс вообще принадлежал тому короткому отрезку времени воспарения после кромешного ада страха, войны и последующей нищеты. Ведь совсем только накануне появились: Юрий Гагарин, Валерий Брумель, Юрий Власов, Володя Высоцкий, Окуджава, Стругацкие, Шукшин, Тарковский, Кукин, Визбор, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина (что можно вполне назвать возрождением серебряного века Русской Поэзии в самом широком смысле этого слова) со множеством других подобных им звезд из оттепельной плеяды, которым в последующем нет и близко равных. Однако в 1980–1982 годах случилось несколько феноменов, которые стали также значительными *points of reference* и повлекли постепенное дополнение философии религиозным миропониманием (если же отнять у человека религиозную основу — что мастерски высветил еще наш великий соотечественник Федор Михайлович Достоевский: «*Все дозволено!*» — то единственным его поведенческими преимуществами перед всем остальным животным миром и его высшей звериной частью останутся только два: а) перманентная сексуальность; б) патологическое пристрастие к организованному убийству себе подобных). После

возвращения из Владивостока в конце 80-х Саша (полагаю, что там он пережил сильный душевный кризис и крушение надежд, хотя его фотоальбомы с поэтическими летописями о многочисленных заморских плаваниях были восхитительны) по непонятным причинам начал замыкаться, оправдываясь тем, что не хочет нам мешать. Но, тем не менее, он продолжал оставаться истинным идеалистом и оптимистом, надеющимся образовать духовное сообщество творческих единомышленников, хотя столько раз его была судьба и предавали друзья. Сейчас же он уже знает Истину неизмеримо яснее и глубже, чем я.

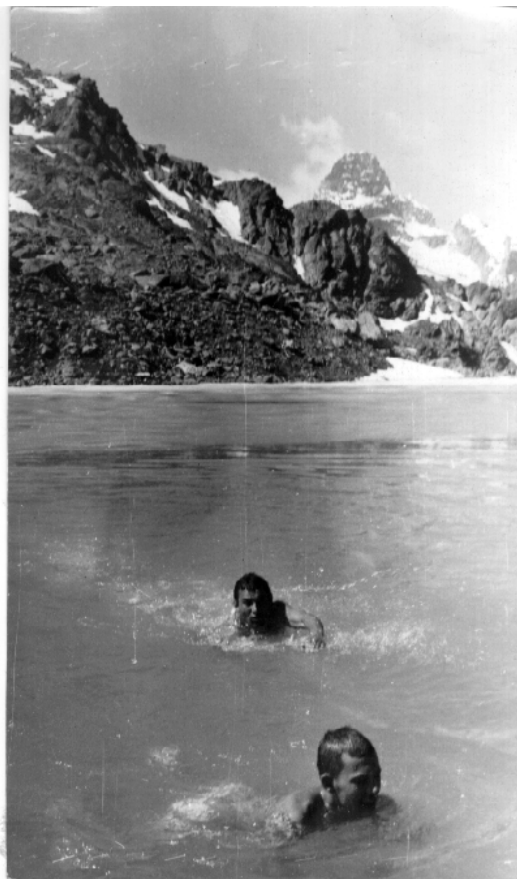
Саша Люцко — грандиозно возвышается слева впереди в неотъемлемых дымчатых очках и тельняшке, Данилка — как озорной *буратино* с хохотом выглядывает слева, сказитель — четвертый в центральной шеренге за спиной могучей альпинистки, а/л Узункол, июль 1977, выход на зачетное восхождение (фото В.А.Мамонтовой)

Первой из большой компании минчан в Узунколе столкнулись с *Данилкой* (в миру — Людмила Данилевич, впоследствии по мужу — Товчигречко, на снимке 1978 г. — справа). Горы очаровали еще на подъезде, и в привычку вошло после утренней зарядки купаться в Узунколе (дословно — «*Летящая вода*», примерно 6—7 градусов по Цельсию при убийственном течении в нескончаемых порогах — для тех, кто не знает). И вот на 2—3-ий день пробегает мимо какая-то девчушка и нагло кричит, мол: «*мужик, смотри, не утони и не простудись!*» После столь наглого вызова молодой герой отважился осторожно пойти и посмотреть «*А что это, мол, и кто это за?*» — и вот так неожиданно и сразу он попал в фантастическую компанию минчан. А там еще были: великолепный 17-летний бард по прозвищу *Малек* [в миру — Саша Косенков, на снимке 1978г. — слева], стажер *Бобок*, Олечка Лы-

сенко и многие другие. К Данилке же тоже всегда отношение было, как к своему младшему любимому брату, без намека на какие-либо различия в хромосомах (она всегда была изумительно грациозной девчушкой, с тончайшими, словно резными из мрамора пальцами и прочими формами, озорной, отчаянной и непосредственной). Повидать друга при мало-мальски доступном случае было величайшим счастьем, которому ничто не способно было противостоять. Так и Данилка могла вдруг возникнуть из Ниоткуда в моей 9-метровой комнатке на Патриаршах (окно которой выходило прямо в стену в пяти метрах рядом стоящего дома), всего лишь на полчаса с пересадки с минского на северный поезд в очередной зимний поход на приполярно-уральский район горы Манарага, бросив в неизвестности всю свою команду, чтобы просто повидаться! Вообще-то говоря, у автора с сексом всегда были довольно натянутые отношения — он всегда в этом плане чего-то простого и ясного для окружающих патологически недопонимал (кроме неразрывного единства и субстанциального блаженства Шива-Шакти в изначальной Реальности, неизмеримо позже в знаменитой филевской бане один эзотерический мастер решил оказать небывалую честь ученику личным выполнением глубинного массажа позвоночника ступнями ног, на что последовал моментальный рефлекторный отказ: «к моему телу дозволено прикасаться только трем стихиям: Солнцу, Воде и Ветру»). Как-то позднее, рано утром из этой же квартирки, после проговоренной наполовину с возлияниями ночи вытащил Сашу на 5-км пробежку по Патриаршам. Я тогда был в лучшей своей форме, но и Саша, не подавая явно виду и сжав зубы, держался, не отставая.

Сашу впервые отчетливо помню на бергшрунде страшно крутого снежного перевала Кичкиникол (мы шли в перевальный поход с двумя ночевками с полным запасом дров и это было испытание для истинных мужчин). Гордо стоя в вышине на перильной перестежке, вижу как Саша (он был разжалованным новичком после окончания школы инструкторов и последующей трагедии в горах, случившейся с другом его юности) не менее гордо подходит снизу без всякой страховки и поощрительно кричит, мол: *неплохо стоишь, восходитель!*

В завершение этого труднейшего двух-перевального похода было купание в высокогорном озере (примерно 4 градуса по Цельсию, напротив — ослепительные вершины Трапедия и Далар). Отчаянных было немного. Только вдвоем с Бобком доплыли до льдом покрытой половины, хотя голова была стянута, как ремнями, но и Данилка тоже проплыла пару метров: *«Ты идешь по крошке ледника, взгляд не отрывая от Вершины. Горы спят, вдыхая облака, выдыхая снежные лавины!»* Затем был безумный коллективный побег в день отдыха с Сашей во главе на верхнее озеро ущелья Мырды (примерно 1 км по вертикали, куда бежали по огромным валунам, задыхаясь от такой высоты, наперегонки).

Купание в ледниковом озере, Бобок — в центре, на дальнем плане — вершина Далара (фото А.Люцко)

Потом было невероятно длительное и медленное эшелонное (8—10 отделений новичков) восхождение на ослепительную снежную гору Гвандра (высшая вершина района), оставившее только мучительно острое чувство принципиально неудовлетворимой малой нужды. Потом был рывок в ближайший поселок Хурзук за 20 км вниз опять же под верховодством неугомонного Саши и возвращение оттуда с набором 1 км по высоте и с полным рюкзаком муската, который разбил всю спину, но виду показывать нельзя было (к примеру, приходит как-то раз в гости один великий учитель *единоборств* и сразу же начинает учить дочку самообороне, начиная с простейшего силового приема заламывания кисти двумя пальцами: «Ну как, чувствуешь?» — а она молчит..., тогда у учителя начинают закрадываться сомнения в своем мастерстве и в даре Учителя: «Ну а теперь—то, наконец, чувствуешь?» — и тут у упрямо мол-

чащего ребенка начинают просто—напросто литься из глаз слезы — ему же никто и никогда не объяснял, что от боли надо падать на колени и орать о пощаде во все горло!) И в тот же день был вечерний поход в верхнее ущелье Мырды, опять же затеянный неутомимым на выдумки Сашей, за покупкой барана в горном *коше*, и было растушевание и жаренье беззаботного барана в прокопченном *коше* с пастухами—кабардинцами до самой темноты, и было позднее возвращение с рюкзаками недожаренного мяса в лагерь, и была фантастическая и тайная ночная пирушка в сырой, набитой до отказа тремя отделениями новичков 4—местной палатке при свечах, где Бобок на спор глотал сырую берцовую баранью кость и нескончаемо пелись песни под гитару: «Опять я Баксаном, любуюсь как сказкой, Чудесно прошедшей и неповторимой...» Потом был бросок через Кавказский хребет в Домбае и вниз по Ингурскому тракту в переполненной овцами и людьми грузовой машине с отчаянным водителем—сваном, который не тормозил на крутых и слепых виражах, а только постоянно сигнализировал на нескончаемых спусках, чудом расходясь со встречными. Далее на туристкой пло-

щадке в Сухуми был страшный ночной ливень, когда, проснувшись, мы по щиколотку плавали в воде в палатках, и было ночное купание в сверкающем микроорганизмами, соленом и штормящем первом в нашей жизни Черном море с Данилкой и другими сорвиголовами. И был переезд в Сочи, и была полуголодная жизнь с морем, солнцем, пляжами, эрмитажами и даже... со стаканами сухого вина за 20 копеек. И были неповторимые проводы единственного москвича всеми минчанами на поезд домой с хоровым пением под гитару нашего общего гимна *«Даже в дозоре можно не встретить врага, это не горе, если болит нога. Петли дверные многим скрипят, многим поют — кто вы такие? — вас здесь не ждут! Но парус! Па-а-арва-али-и-и парус-с-с! Каюсь, каюсь, каюсь»* и с обещаниями вечных встреч. Вот так все и начиналось. Могут ли случаться в нашей жизни более благословенные времена?! [Саша на море тогда не пошел, он торопился на юбилейную альпиниаду на Эльбрус в честь 50-летие Октября с восхождением 10 тысяч участников и домой в Минск по проблемам кандидатской диссертации].

Саша же о своих тогдашних впечатлениях записал в своем очередном фотоальбоме—отчете о прожитой жизни коротко и четко: *«Половина лагеря — минчани. Отделение Володи Бобка — молодые хулиганы, присланные на исправление и воспитание. Там меньше всего дисциплины и больше всего песен. Среди хулиганов — гитарист Саша Косенков. Поет «Леса Белоруссии», «Туман» и т.д. Из москвичей подружился с Лешей Кулаичевым — он аскет и все свободное время посвящает спорту»*.

Как потом постепенно выяснилось, Сашина предыдущая судьба была тоже непростой. Он родился 23 января 1941 года и своего отца никогда не видел, ибо он погиб на фронте, и всего, что от отца осталось — это толстая пачка фронтовых писем к жене с нигде не виданными и неопишутыми чувствами и лирикой, еще ждущими своего опубликования. Поступив в БГУ, он жил в общежитии, но редко там появлялся, поскольку существовал в постоянных передвижках по друзьям с бесконечными идеями и планами. Однако после вышеупомянутой гибели своего друга в горах у него случился глубокий душевный кризис, вызвавший туберкулез и дыру в легких, после чего он был госпитализирован в Крыму в легочном санатории. Там можно было только лежать и ни о чем не думать, все остальное было нельзя: *«Там я продумал всю свою жизнь на много лет вперед. Решил твердо: или загнусь, или же вылечусь. Больным и слабым жить не хочу!»* А за окном палаты шумело море и сияло южное солнце, да и было много еще всего привлекательного для простых смертных, но больным вредно солнце и море, поэтому им не разрешалось даже вставать. Тем не менее, Саша убежал из санатория с самого утра и весь день жарился на солнце, купался до изнеможения, нырял, бегал, таскал камни, окреп и... выздоровел, излечился от дырки полностью. От этого—то, наверное, у Саши на всю жизнь и осталось чувство скоротечности времени, краткосрочности бытия и желание жить в полную мощность, успеть как можно больше, сжигать свою свечу сразу с обеих ее сторон. И он много успел из задуманного, но еще больше не успел... Воспитывала его мать и отчим (тоже фронтовик). Близких родственников в результате войны почти не осталось. Тем самым Саша уже изначально был субстанциально одинок и чужероден даже в мире столичных и научных интеллектуалов.

Эльбрус 23.7.95 (фото автора, см. Последние слова Саши Люцко студентам)

Спустя 28 лет, в июле 1995 снова посчастливилось оказаться в Узунколе (в подкорке сидело: а вдруг встречу Сашу: *«А распахнутые ветра снова в наши сердца стучатся, к синеглазым своим горам не пора ли нам возвращаться!»*) с группой лицеистов и дочкой-новичком, из которых решил вылепить суровых разрядников давнишний молодой товарищ Адрюша Ханкевич (который 17-летним мальчишкой всю свою первую ночь не мог уснуть от очарования, впервые оказавшись на скалах в Крыму, а потом — мастер спорта и неоднократный участник чемпионатов Союза, обгонявший меня аж на целый круг на 50-км лыжных гонках, но выбитый из дальнейшей колеи артритом). И там, в ностальгических воспоминаниях ходило и по необъятным зеленым и плоским, как стол, лугам ущелья Мырды, и мимо озера знаменитого купания с видом на Трапезию, и плавать в бурном Узунколе, и взирать на грандиозные шестёрочные стены Кирпича, Далара и Ушбы и на многое другое: *«Вот это для мужчин — рюкзак и ледоруб. И нет таких причин, чтоб не вступать в игру. А есть такой закон — движение вперед. И кто с ним не знаком, навряд ли нас поймет. Прощайте вы, прощайте, писать не обещайте, Но обещайте помнить и не гасить костры. До послевосхождения, до будущей Горы! До послевосхождения, до будущей Горы!»*. Был там и "турецкий" поход на Приют 11-ти через ущелье Ак-Су и перевал Хотю-Тау и через крупнейший ледник Эльбруса, рассказы о прохождении которых уже слышал давным-давно от Саши: *«Азиатские — желтые реки! Азиатские — Белые Горы! Раз увидел — так это Навеки! А забудешь — так это Нескоро!»* И было второе в жизни восхождение на Седой Эльбрус, занявшее не 15 часов, как в 1968, а всего лишь 7 часов туда и обратно (в старости время бежит быстрее). Перед стартом в 3 часа

звездной безоблачной ночи была торжественно и тайно пропета знаменитая мантра: *ляйиллахайьллахамуахмядарассуллулла* (ведь древний Эльбрус, хранящий половину льда Кавказа, — гора мусульманская), которую выпросил перед отъездом у своего собрата по водным походам Акзама Сабитова. После седловины в 7.00 нас внезапно накрыла ураганная и ослепляющая пурга при минус 20 (на Эльбрусе такое часто случается, а высота 5200 там критическая — тело наливается свинцом и дальше идешь уже буквально *на бровях*), и по возвращению Андрей признался, что если бы полоумный старик не вырвался недосыгаемо вперед, то, безусловно, последовал бы приказ всем повернуть назад (другие же группы, включая супер-мастеров из Германии, покоривших накануне Ушбу, в тот день вернулись на Приют-11 не солоно хлебавши). После возвращения греюсь очередной раз с Андреем в лагерной парилке (а рядом в горном ручье сделан бассейн с ледяной водой!). Время — за 11 вечера и освещение уже отключили. И тут к нам просится попариться только что приехавшая молодая чета. Пустили (не выгонять же!), сидим голышом рядышком молча в абсолютной темноте и вдруг чувствуем какой-то непереедаемый и давно забытый тончайший аромат. Потом долго мучился вспомнить и попросил помочь Андрея, а в ответ: «Ну это наверняка ...!» И тут меня словно током ударило прозрение: «Нет! Так пахнут только молодые и чистые женские легкие!» Вот точно также и то далекое неповторимое время было наполнено никогда не забываемыми тончайшими запахами Истинных Стихий из нашей Истинной Реализации: Огня, Воды, Воздуха, Земли и Неба!

Восток

Осенью того же 1967 года Саша неожиданно позвонил из Москвы и пригласил на встречу не куда-нибудь, а в самую главную Ленинскую библиотеку и в самый-самый научный читальный зал №2 (до этого пару раз случалось быть только в общем читальном зале). Уже при входе в эту Цитадель Знания было неописуемое потрясение от ее величия. А когда внезапно увидел Сашу за столом в коридоре, а у него на столе — небрежно разваленную грудку англоязычных монографий по йоге и буддизму (категорически запрещенных к прочтению в других местах), то уже не мог опомниться. Пару лет до этого прошло в упорном освоении английского языка с единственной целью прочитать Йога-сутру Патанджали, поэтому уже вполне уверенно можно было читать некоторые ключевые фразы в тексте (а Саша уже тогда свободно владел английским, немецким и эсперанто, и в первый мой приезд в Минск он привычно wygrеб из своего почтового ящика целую кучу зарубежных писем, потрясение от чего трудно передать). А главный текст был: *Dr. P.Pott. Yoga and Yantra*.

Именно там впервые пред глазами возникло навсегда изображение *Шри-Янтры* и моментальное и полное очарование им. Десять лет затем свободное от работы в МГУ время было посвящено исследованиям этого феномена на самой легендарно феноменальной супер-ЭВМ БЭСМ-6 (созданной академиком Лебедевым, на 5 лет законсервированной по причине использования существующей, а не перспективной элементной базы, а затем еще на долгие 20 лет — самой мощной машиной на 1/6 части суши), с консультациями на кафедре высшей алгебры мехмата МГУ и получением феноменальных результатов, с большим трудом дважды опубликованных в Индии и крайне сокращенно и неохотно — в СССР. Как недавно выяснилось, согласно

Internet за прошедшие десятилетия никто не продвинулся, к глубокому огорчению, в данном направлении, видимо исследователи стали заниматься намного более прагматическими задачами.

После феноменальной личной экспедиции в Индию (январь 1989) послал эти публикации, как благодарность, Саше, но он почти не реагировал, наверное, его окружили уже неизмеримо более тяжелые и печальные проблемы. Саша любил говорить: *«Что-то действительно значимое может получаться только с первой попытки или же не получаться никогда»* (однако в моей жизни чаще получалось только после изнурительного долбления в одну точку). А вообще-то Саша имел обыкновение изъясняться стихами, и когда в 1980-м он получил мой автореферат, то из Владивостока отреагировал немедленно телеграммой: *«Ты, Лешка, просто молодец, Что выдал все же, наконец. Теперь пора начать другую, Пока ж за первую целую!»*.

За полтора месяца экспедиции по Индии удалось погостить у всех многочисленных письменных друзей, появившихся после публикаций: на окраине Дели в семье у доктора Бага (глава секции истории науки Индийской Академии Наук), в университетах гг. Коляпур, Пуна и Мадрас, в семье Р.Рангараджана из тамильского городка Тирипур, у Ануракты Картикейя из ашрама Шри Ауробиндо в Пондичерри (в прошлом – *бура* из Южной Африки, а в Ашраме – директора маленькой фабрики изумительно красивой рукодельной бумаги), неторопясь побродить по Ауровиллю (городу Солнца несбыточного будущего) и поплавать с обеих сторон в Индийском океане. В ашраме Ауробиндо посчастливилось регулярно завтракать у великого Амбу (еще в далеком 1965-ом покорившего весь СССР своим гимнастическим мастерством из ошеломляюще ворвавшегося документального фильма «Индийские йоги, кто они?»), где по утрам на неторопливые беседы собирались ветераны (а один раз даже удалось угостить всех сразу понравившемся русским завтраком из картошки в мундире со сливочным маслом и салатом из помидоров, огурцов и лука с подсолнечным маслом, и рассказать знаменитый русский анекдот о производительности труда после третьего стакана), беседовать со старым русским литературоведом Димитрием Сергеевичем фон Мохреншильдом (вводившим в свое время Солженицина в архивы и библиотеки США), и бродить по южным храмам с ветераном Второй Мировой, морским офицером и веселым балагуром Джеком Моррисом-Великим (*Jack-The-Great*). Посчастливилось увидеть и Святослава Рериха в жарком Банглоре (он выглядел постаревшим и уставшим, а посетители к нему шли вереницей весь день) с угощением за получасовым разговором целыми двумя чашками изумительного русского чая с лимоном (в Индии по английской традиции везде пьют только чай с молоком).

Swami Shri Chaitanganandnatha Bhairav (Guru Swamiji), Bombay, January, 1989

тетом *Шри*), за это короткое время, шутя и балагурия, обучил древнему мастерству энергии глаз без всяких слов (из 7 человек только двое владели английским, что совсем не мешало общению и пониманию). Всего же всего пройденного, говоренного, услышанного и увиденного не перечислишь (и только живого бога Раджнеша—Бхагаван—Оша в Пуне лицеизреть не сподобилось — для этого неземного "счастья" не хватило медсправки на спид).

**Есть еще вишнуистский храм
в самом центре Нового Дели,
посреди людской толкотни
и тридцатиградусной жары,
с просторными и пустыми
светлыми залами
и ледяющим мраморным полом,
обжигающим босые пятки.**

**Туда утром приходит
одинокий музыкант
в белом облачении пандита,
он садится в самом углу
и извлекает из ситары
тихую неземную мелодию
для прозрачного воздуха,
для бликов солнечного света...**

В другой книге «Zen» на том Сашином столе в той легендарной библиотеке впервые прочел удивительнейшие древнейшие афоризмы: «Знающий не говорит — говорящий не знает» и «Сиди спокойно, делая Ничего, весна придет и трава вырастет сама собой». Вот так вот, собственно, с предельным трудом воспоминается и утверждается неизвестное персональное жизненное назначение.

А собратья из ашрама *Shri Raja Rajeshwari Shri Vidya Niketan* в Бомбее по повелению своего Гуру Свамиджи (все свои 73 года изучавшего и собиравшего по всей Индии древние знания о Шри-янтре) организовали на микроавтобусе неожиданное и ошеломляющее недельное паломничество по древнейшим храмам Центральной Индии. Печальные и глубокие карие глаза Свамиджи (очень напоминавшие глаза моего отца) и его настоячивые наставления (благословенно появившемуся на исходе долгого пути молодому и ученому северному ученику) навечно оставили неизгладимый след (это было его последнее путешествие, он уже тогда это знал и сделал свой последний вдох на этой земле, спустя всего два года, 6 июня 1991). Один из его учеников, Паранджапи (брахман по касте, а вскоре — и с почетным эпи-

Да и сколько еще Великих Книг потом еще пришло через Сашу. Здесь и внезапно возродившаяся и долго недоступная «Мастер и Маргарита» Булгакова, здесь и полуподпольная «Улитка на склоне» Стругацких с *«Тихо, тихо ползи улитка по склону Фудзи, вверх и до самой вершины»* и со странным институтом, непонятно зачем изучающим и пытающимся обустроить таинственный *Лес*, и «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке» с *«Ротор поля наподобие дивергенции градуирует себя вдоль спина и там, внутри, обращает материю вопроса в спиритуальные электрические вихри, в коих и возникает синекдоха ответа...»*. Потом уже через Женю Волкова (окончил Биофак в 1980 и аспирантуру, но отказался от диссертации и уехал на Памир на высокогорную биостанцию: *«Как исследователю, ответ мне ясен уже после постановки задачи, а доказывать это всем и много лет — бессмысленно»*) пришли и многие другие Великие Книги: «Город» Саймака, «Обмен разумов» Шекли, «Гимн Лейбовицу» Миллера, «Синий фонарь» Пелевина, «Роза Мира» Даниила Андреева, а через внезапно появившегося и исчезнувшего в 1982 Мишу Володина (из Старого Оскола) «The Teaching of don Juan». А задолго до этого через мою тетю и крестную мать Прасковью Тимофеевну пришло Евангелие 1901 года моей бабушки Веры восхитительно изумрудного цвета, откуда в юности я переснимал, отпечатывал и параллельно расклеивал 4 канонические истории, надеясь впервые на этой Планете сделать их сравнительное сопоставление, не ведая, что такое было уже осуществлено еще полторы тысячи лет назад. Помните, как в фильме «Сказка Странствий» А.Митта: заблудший и погрязший в роскоши и жестокости красавчик—брат всю жизнь разыскивающей его нищенки—сестры на руинах им же разрушенного проклятого золотого замка вдруг, как откровение, начинает чертить никогда им не виденную схему *«рукотворного нетопыря, поднимающего человека»*, хранившуюся в сгоревших архивах давным-давно погибшего от чумы странствующего лекаря—поэта (все—таки еще возникают в этом мире и вечные произведения!, после которых можно уже и ничего больше не создавать)

В этот же промежуток Саша защитился (под руководством впоследствии печально известного господина Шушкевича, бывшего тогда простым профессором на физфаке БГУ, да и из *паркомсэлиты* МГУ тоже потом вышло много разрушителей Величайшей Империи, видимо хорошие там были *школы*), обручился с Валерией Андреевной Мамонтовой (знаменитая горная и зимняя путешественница), и у них 29.1.68 родилась дочка Таня (в Рождество 1978 мы с ней от души играли в салочки на льду минского озера). После этого в мае 1968 Саша пригласил в водный поход на ялах по рекам Белоруссии, но сам не смог пойти, у него возникли непреодолимые личные проблемы в связи с рождением дочери, и он горько переживал. Поход был тоже изумительным в ежедневной роли неутомимых гребцов на древнегреческих триерах, с мастерским воровством гуся из байдарки на 1 мая в прибрежной деревушке и с песнями великоленного минского поэта—барда Арика Крупна, погибшего вскоре в снежной лавине: *«Над головой небосвод голубой, зелен лесов по бокам. Три шлюпки идут одна за другой — не пристают к берегам. Все дальше на север уходит их путь и до костра не дает отдохнуть. Раз, два, три — зеленое и голубое. Раз, два, три — а в каждой шлюпке трое. Раз, два, три — прошли по Браславским озерам. Путь позади, а впереди — снова город...»*.

В январе 1972 Саша пригласил в фантастический многодневный зимний лыжный поход из Минска на оз. Нарочь. Было человек 30—40 и достаточно холодно, но малоснежно. Мы шли неделю по селам и городкам Белоруссии и каждое утро намеревались заночевать в лесу. Но в конце каждого дневного перехода в быстро надвигавшихся сумерках неумолимо тянуло к жилью и мы договаривались ночевать в очередной местной школе (обычно в спортзале) на условии чтения лекций на следующий день и с обязательным вечерним жарением белорусских *драников* из тертой картошки на подсолнечном масле. Несколько раз и вполне воодушевленно удалось читать лекции (уже работая в МГУ) о неизмеримых возможностях вычислительной техники и искусственного интеллекта перед морем любопытных и жадных глазенок провинциальных школьников. Там у нас было два забойных шлягера. Первый — довольно фривольный — для активного разогрева на привале после очередного перехода: *«Холодно, холодно, холодно, на морозе песни петь, потому что не умеешь, милый, губы лаской отогреть»*. Второй — философский: *«Я — потомок хана Мамая, подо мною играет конь. Сколько душ погубил, не знаю, азиатский в груди огонь!»*, а также: *«Всё леса, леса, леса Белоруссии...»* и многие другие. Тогда же упросил обучить белорусской песне: *«Постой паровоз, не грухайте колы, кондуктор нацысни на хаповик, я к мамочки родной с опошним привитаньем спешаюсь показаться на очи!»* В конце путешествия случилось глубокое потрясение от захода в старый полуразрушенный католический костел, в котором в прислоненном вертикально к стене и открытом гробу стояла обнаженная мумия некоего польского воина (и все это также явно через долгих 30 лет!). В одной из битв его взяли в плен и казнили, но его страстная поклонница выкупила у неверных тело, мумифицировала и добилась сохранения в этом костеле. У нас была с собой общая тетрадь, в которую была привилегия любому желающему заносить свои ежедневные впечатления. В тот день появилось и моё бело-поэтическое повествование о печальнейшей судьбе древнего воина, обнаженное тело которого жуткие современные турики из любопытства и без всякого возмездия могут запросто тыкать пальцами в пустые глазницы, пока, столько веков сохраняемое, оно не рассыплется в прах. В последнюю ночевку мы были вынуждены своим обетом заночевать в палатках на оз. Нарочь. Наутро спальник был весь в инее, и, еле-еле одевшись, замерзший народ начал раздувать костер (толстые бревна даже под мощным слоем свежавывавшего снега сохранили горячие угли!). Остальной день прошел в невероятных соревнованиях по фантастическому альпинистскому каскаду, навешенному под Сашиным напором на окружающих древних и могучих соснах. А затем был путь в предельно жарком после мороза, комфортабельном и полупустом Икарусе в Минск, где попытка выполнения нескольких эмоционально-мальчишеских гимнастических трюков (после пущенной по кругу бутылки портвейна) была резко и сразу осажена водителем.

Перед чемпионским стартом, октябрь 1972
(В.Парфенов – справа)

В конце лета 1972 года Саша был в Москве (тогда были страшные торфяные пожары и весь город жил в крошечной мгле) и пригласил в Минск и на рижское взморье. Перед этим мы съездили с ним в прекрасное тогда подмосковное Царицыно на место традиционных альпинистских трениров-

вок с показом нескольких наших учебных ственных маршрутов. Зная их все наизусть, демонстрация проходила в свободном стиле, а Саша всерьез испугался за бесшабашного друга и категорически приказал спуститься. В сентябре того же года удалось выиграть в паре с тренером и другом Володи Парфеновым (у Володи перед выходом на скалы был коронный жест: римский салют с приветствием гладиаторов «*Ave Cesar! Moriture te salutie!*») в Ласпи (Крым) первенство Москвы по связкам (у следующей пары чемпионов–одиночников мы выиграли на 15-минутном маршруте аж целых 30 секунд, перед этим упорно отрабатывая технику работы с веревкой и днями на скалах и вечерами на кроватях пионерлагеря, но Володя тоже вскоре полностью и навсегда исчез в личных проблемах – вот такие постоянно получают sentimentальные отступления). Поехали мы с Сашей из Минска в Ригу спецпоездом, в котором поразило невиданное по тем временам и вкуснейшее кушанье–деликатес – цыпленок табака с гарниром из жареного зеленого горошка (потом удалось покорить окончательно будущую супругу именно жареным горошком). Затем была неделя полнейшего одиночества на пустынно–дождливом сосновом рижском пляже с чтением Рамачарака («*Пути достижения индийских йогов*» (доступной только в спецхранах), гимнов Ригведы и философии Упанишад в чудесной желто–зелено–красной и удивительно легкой капроновой палатке (большая редкость тогда), в которой даже дождливый день кажется солнечным, с дискуссиями о жизни и смысле, с питьем черного кофе с черным рижским бальзамом, с прогулками по пляжу, с переездом на оз. Нарочь в прекраснейший лес (всего и не упомянуть). По этой памяти потом тоже шил себе такую же сказочно–солнечную палатку, которая прошла сложнейшие водные маршруты по Карелии, Кольскому, Уралу и Алтаю как в одиночестве двойкой с супругой Галей Черноглазовой (в этой одинокой двойке врезал всем непрерываемым нормам безопасности в 1976–79 гг. мы прошли высшие по сложности реки: Катунь, Бухтурма, из Азии в Европу по Халмерью, Нороде и Кожиму, от Белого моря в Онежское через Воньгу, Илексу и Водлу), так и позднее в 1985–91 гг. в команде друзей–кайекеров уже и с обоими нашими детьми. По своей натуре крайне люблю одиночество и природу и впоследствии часто тосковал по такому

одинокому общению с Сашей, но он больше нуждался в обществе и часто брал (возможно, как опору) в разные незнакомые и высокие компании и рестораны, где часто приходилось чувствовать себя лишним. Там же в Риге мы пошли в увеселительный парк и решили покататься в качелях—кабинках. Но как мы не раскачивали качели (буквально, обливаясь потом), нам не удалось выполнить "солнышко", видимо, уже тогда начали действовать неумолимые внешние *тормозные* силы.

Тогда же Саша показал удивительное произведение: перевод Бхагавад—Гиты А.Каменской [Париж, 1925] из Ленинской библиотеки Минска (он имел тогда счастливую возможность брать "по благу" подобную литературу на руки прямо из *спецхранов*). Потом Саша собственноручно перепечатал это Величайшее Произведение собственными руками на пишущей машинке со всеми старостильными твердыми знаками и "і" и подарил второй экземпляр мне, который бережно храню, и многие афоризмы откуда запечатлелась в памяти навечно:

«Санджая сказать:

*Ему, охваченному жалостью, съ глазами, полными слезъ,
повергнутому въ отчаяніе, Мадхусудана молвить:*

Благославленный сказать:

*«Откуда напало на тебя въ минуту опасности, это позорное,
недостойное Арійца отчаяніе, закрывающее небо и не ведущее къ славе, о
Арджуна?»»*

*[Так въ достославныхъ Упанишадахъ,
благославленной БХАГАВАДЪ—ГИТЫ,
науки о ВЕЧНОМЪ, писаніи Йоги,*

*гласит вторая беседа между Шри—Кришной и Арджуной,
именуемая: Йога путемъ Санкхія]»*

В 1980—82 гг. посчастливилось перевести с английского избранное из уникального исследования древней мистической традиции толтекков, долго хранимого в знак признательности для подарка Саше, но возможность так и не представилась: «Любой Путь — это всего лишь путь, и вовсе не оскорбительно для себя или других отбросить его, если так говорит тебе твое сердце ... Вглядывайся в каждый путь пристально и неторопливо. Делай это столько раз, сколько сочтешь нужным. Затем задай себе и только одному себе единственный вопрос: обладает ли этот путь Сердцем? Если — да, то путь хорош, если же — нет, то он бесполезен».

В сентябре 1973 года был еще один замечательный случай. После окончания вечернего факультета МАИ случился призыв солдатиком (выражение штабистов полка) в армию с попаданием (после снятия с эшелона в Германию и после 2 месяцев стройбата, по письму отца—ветерана на имя самого замминистра Устинова и по льготам единственного сына) в знаменитую подмосковную авиационную дивизию пос. Кубинка в Краснознаменный, ордена Октябрьской Революции и Александра Невского, гвардейский Проскуровский авиационный полк им. 25 Съезда ВЛКСМ. Новобранцу было уже 26 лет, а вокруг 19—летние пацаны—деды, но относящиеся с опаской «До дембеля осталось 100, 99,... дней — похлопаем дедушкам, салаги!» — только пару раз были легкие сшибки. Но в стройбате психофизиологическое состояние

было крайне тяжелым: каждая царапина гноилась, отчего все тело покрылось разрастающимися язвами, и жрать хотелось мучительно, но до каждой следующей столовки все тело горело нестерпимой изжогой, поэтому, когда часто наказывали позорнейшим нарядом на кухню — наступало время блаженства. Единственным лекарством служила природа — самоволки в окружающий лес, как только представлялась возможность (именно тогда восприятие вечно одинокой и постоянно меняющейся природы было наиболее явным и острым). Тогда же написал Саше два длинных письма со своим переводом с английского фантастического рассказа Бредбери о смерти Хемингуэя и с собственным очерком о судьбе доблестного генерала Вермахта в сибирском концлагере. Видимо, в этих сочинениях были столь пронзительные ноты истинной ностальгии, что вдруг зеленого салагу (тогда он уже достаточно оклемался и повеселел, а скоро должен был родиться и сын) ни с того ни с сего вызывают к старшине: *«Тебе увольнительная — приехал друг, но чтобы не баловать!»* Смотрю и не верю глазам — Люцко. Приехал из самой Москвы на такси (80—90 км по бездорожью и неизвестности) с литровой бутылкой венгерского пермута. Пошли с ним в осенний золотеющий лес и часов пять говорили до темноты о философии, жизни и вечности. Все это время такси его ожидало...

Из печальных событий обязан упомянуть себя невольным пособником смерти отца Данилки. Перед отъездом (мы с женой, Галей Черноглазовой [на фото 1978г. — в центре], жили тогда в квартире Данилки, а она отъехала) накормил его гречневой кашей с молоком и он долго, глядя прямо в глаза, за это благодарил, как будто знал, что это будет последняя его благодарность в этом мире. Уезжая, мы не туда положили ключ, поэтому квартиру за нами смогли открыть только следующим утром, когда он уже долго лежал без дыхания под балконом. Любимая собака убежала гулять утром и не вернулась, и он, видимо, пошел ее искать и звать с балкона...

К этим же воспоминаниям (каждая мысль цепляется за следующую и от этого никак не отделаться) была великолепная команда скалолазов из Спартакса под руководством великолепного мастера Саши Воронова (то же исчезнувшего вскоре в личных проблемах) и каждый май и каждый ноябрь (надоевшие эти праздники) мы проводили в Крыму, на Никите или на Крестовой, купаясь в 6-бальные штора в Черном море на холодных волнах 2—3-метрового прибора.

Как-то раз на Никите после изнурительной тренировки с восхищением наблюдаем, как приходит вдруг какая-то хрупкая незнакомая девчушка из Красноярска и, ни говоря ни слова, совершенно спокойно начинает идти по отвесной скале с минимумом зацепок в простом стареньком домашнем халатике, босиком и без всякой страховки — там, где мы весь день, изнурительно обливаясь потом и с дрожащими ногами, выползали из последних сил наверх на полнейшей верхней страховке: *«Вот это — жизнь, а тут Бермуды, вот те раз, нельзя же так!»* (такие хрупкие девчушки, должно быть, передадут свою познанную Истину избранным потомкам, не передаваемую ни по каким свободно-дерьмовым теле- и радио-каналам).

Победный финишный дюльфер Х.1972г.

увидеть своими глазами знаменитую Крестовую скалу в Мисхоре — традиционное место проведения первенств Союза. Потом несколько раз уже в многочисленных следующих пеших путешествиях с детьми по Крыму мы завершающе ночевали в молодом соснячке на южном выезде из Симферополя, где в последний раз в 1978 трое сумасшедших юных альпинистов-разрядников ловили попутку к своей конечной цели — Ялте, и мы с печалью и восторгом смотрели перед сном в подзорную трубу на ярчайшие, как алмазы, созвездия южного неба.

Таково было то неповторимое время, всецело связанное с образом Саши Люцко. Когда же еще вспомнить об этом славном времени, как Во Славу Наилучшего Друга! Может быть, какой-нибудь дальний потомок и прочитает с удивлением эти невероятные строчки в старом, забытом и истлевшем архиве.

С Сашей мы встречались неисчислимо много и в Москве: мне довелось жить на знаменитых Патриарших прудах и моя мама, Анна Тимофеевна, Сашу очень любила, всегда радостно встречала и помнит до сих пор: *«Он всегда был такой вежливый и интеллигентный, а когда вы начинали с ним говорить часами обо всем, обо всем, о всяких космосах и намного выше, я уже и не знала, что делать и что думать...»*. Именно тогда Саша впервые рассказал о величайшем и малодоступном произведении Булга-

Потом были длинные дождливые морозящие дни, лизать было невозможно, и в один из них мы двинули на экскурсию на Крестовую. Вдруг — смотрю и не верю глазам — Данилка — *«в меру упитанная и в полном расцвете сил!»* Дальнейшие слова здесь, понятное дело, бессильны! Мы просто и сразу обнялись и расцеловались. Кстати, до этого в 1968, втором году в горах, после смены в Шхельде, с двумя сотоварищами из Питера (тоже вдруг и навсегда исчезнувшими) предприняли безумное путешествие через Кавказский хребет и далее от Сухуми до Ялты, не платя ни единой копейки за проезд. И на чем мы только не ехали: на электричках, на товарниках, на попутных машинах, на паромках, с постоянными полными рюкзаками винограда, персиков, помидоров, огурцов и т.п., найденных на окружающих полях, от чего лил перманентный понос. А величайшей нашей конечной целью было

кова «Мастер и Маргарита» со многими Сашей любимым афоризмами: *«Потому что Аннушка уже разлила подсолнечное масло», «Кирпичи на голову просто так никому и никогда не падают»*, и мы ходили с ним за просто по всем местам легендарных событий. Благодаря сродству душ и своей чувствительной натуре Саша часто поверял мне свои самые глубокие душевные отчаяния и даже именовал в письмах своим духовником. Но в те молодые годы трудно было быть безупречным духовником, особенно когда нуждаешься в духовнике для самого себя, и как-то раз непроизвольно вылетающая жесткость сильно ранила Сашу. К своему счастью этого момента не помню, а Саша, несмотря на вопросы, отказался напоминать. И здесь ничего не исправишь, поскольку наш жизненный долг часто никогда не позволяет переступить крайне легко переступаемые барьеры.

Помню, как в один из своих приездов из Владивостока, Саша показывал созданный под его руководством миниатюрный радиометрический прибор-рюкзачок, позволяющий кардинально и в кратчайшие сроки проверить, скорректировать и переиначить всю историографию Земли по исследованию древнейших ледников, начиная с Антарктиды и Гренландии. Видимо, и этой его грандиозной мечте не суждено было сбыться.

Повторю, что воспринимал Сашу как старшего брата, и, ровняясь на него, требовал безупречности. Поэтому был не вправе часто звонить ему. По негласному статусу это он должен был чаще звонить и интересоваться, жив ли его младший брат (во взаимоотношении истинных друзей часто существуют непреодолимые стены!) И я очень много знал о его жизни и потерях. Но он очень мало наяву знал обо мне, поскольку по негласному статусу старший брат должен сам все видеть и знать по делам и поступкам своего младшего брата. Но все же именно я изредка звонил ему в последние годы и заезжал к нему домой. Он все более замыкался в себе. А тут наступил и развал Великой Державы и ездить из Минска в Москву стало уже не за чем. В последнее посещение Минска в июне 1991 он ненароком обронил: *«Как же трудно жить с самим собой»*. Ему, видимо, было безумно одиноко, и он все ждал, что жена, дочь и внук приедут к нему насовсем в Минск и подготавливал для этого свою пустую квартиру, планировал, как переставить холодильник и переделать кухню. Единственным производственным инструментом в его квартире была старая пишущая машинка, на которой он печатал все свои воспоминания, литературные и научные труды. Я уговаривал его вырваться из своих стен и приехать на слаломный канал поплавать и подышать (туда приехала феноменальная команда друзей-кайекёров). Он был, как всегда, в отличной физической форме, мягок, заботлив, с неизменным бронзовым загаром и осанкой гомеровского героя, немного печален, скуп на слова, с упрямыми морщинками вокруг всех губ и складками от улыбок, тянувшихся от самых глаз через все щеки, и обещал, что приедет, но на этот раз уже не приехал Навсегда!

Собратья-каякеры в пороге (фото А.Сабитова)

Об упомянутой выше интернациональной команде водных слаломистов стоит сказать отдельно несколько добрых слов. В нее входили: классный каякёр и белокурый долговязый славянин Леша Попов (конструктор авиалайнеров в КБ Ильюшина), отважный каноист и семит Миша Брук (физик по нелинейной оптике из Академии Наук) и истинный татарин Акзам Абрарович Сабитов (по славянски, *Леша* — атомный подводник, водолаз, выдающийся и первый в СССР тренер дельфинов). Эта невероятно слаженная команда *пожирателей пространства* с 1985 по 1991 год обкатала в фантастическом темпе сложнейшие реки и пороги Карелии с неисчислимым множеством импровизаций и афоризмов («*Что-то стало холодать* [очень часто бывает достаточно холодно находиться целыми днями, не просыхая, в северной воде], — *вдруг сказал серый волк, натягивая красную шапочку по самые уши!*», «*Каков стол, таков и стул*», «*В кругу друзей не щелкай клювом...*», «*Выступаю без ансамбля, сам-бля, один-бля, во-бля!*», «*Воды по-колено, а рыбы — до х..я!*», «*Около птицы!*» [near a bird] и пр.). К примеру, на 3-метровом водопаде Падун реки Водла один лопух на двадцаток секунд ушел на пару метров под воду вместе с головой и с каяком — на берегу при этом, говорят, было завораживающее зрелище. В конце концов, мы настолько обнагтели, что взяли привычку после каждого сплава купаться в пройденных порогах. И вот, после вышеупомянутого нашего приезда в Минск, 2 сентября 1992 года (через год после *путча*, где с Сабитовым порознь, но непонятно для кого останавливали танки мифической *империи зла*) мы пошли кататься на вшивый полуметровый водопадик под мостом подмосковной речушки Володарка. Но особенность, все-таки, была: там не было выноса, а только мощный обратный противоток, из которого можно было выбраться лишь при максимальном напряжении сил и реакции (что удалось только одному балбесу в первом самосплаве), поскольку вертикально уходящая вниз струя водослива моментально топила застрявшего (чему помогала

низкая плавучесть из-за насыщенности воды пузырьками воздуха, да и от промышленных стоков была еще и густая пена высотой в полголовы). Но во всех последующих прохождениях и потоплениях в этом омуте каждый из нас последовательно, не раздумывая ни секунды, бросался в водопад, спасая друга выталкиванием его инерцией своего тела и оставаясь там погибать сам (*«вот это жизнь — и вверх и вниз идешь без конвоира!»*). Там же после очень резкой демонстрации эскимосского переворота в нижнем пороге один чужак влетел головой в подводную скалу (откуда он, все-таки, встал, уже истекая кровью), отчего на его лбу навечно остался глубокий боевой шрам. Уже давно кажется, что все мы реально погибли в том водопаде, а вынырнули лишь наши тени уже в совершенно другом мире — там, где не существует вечных ценностей, а отдельные жалкие щепки шутя разметают за *мозгай* неумолимые и мощные ветра безумных перемен. Так же и нас всех после этого зверские ветра выживания разбросали в пустоту разделённости. И встречаться мы продолжаем только один раз в году на наш общий день рождения 2 сентября (за два дня до гибели Сашей!) и в любую погоду купаемся без всякого купального ансамбля (*сам—бля, одни—бля, во—бля!*) в подмосковном пруду моего детства в Востриково, где много лет тому назад мы долго и упорно самоучились безупречно выполнять из любого положения эскимосские перевороты, а до этого плавали с Сашей при луне. Как от такого трагического разрушения не вспомнить у Стругацких «Пикник на Обочине»: *«Счастье на всех даром!... Даром!.. Сколько угодно счастья!.. Все собирайтесь сюда!.. Хватит всем!.. Никто не уйдет обиженным!.. Даром!.. Счастье!.. Даром!.. — распевал красавчик Арнольд, спускаясь по склону и пританцовывая. А потом он вдруг замолчал, словно огромная рука с размаха загнала ему кляп в рот. И Редрик увидел, как прозрачная пустота, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйка скручивает белье, выжимая воду. Редрик успел заметить, как один из пыльных башмаков сорвался с дергающейся ноги и взлетел высоко над карьером. Тогда он отвернулся и сел»*.

«Златоглавая Дочь Громовержца
Богиня Афина Паллада»

[Илиада]

«Пятый Прокуратор Иудей
Всадник Понтий Пилат»

[Мастер и Маргарита]

Ну, уж после всего этого обязательно следует вспомнить и многих дорогих ветеранов и предков. Мой дед Кулаичев Алексей Иванович с бабушкой Сашей (а до него были: Иван и Лукерья, Степан и легендарный праотец *дед Кулай*, откуда и пошла Фамилия) и другой мой дед Румянцев Тимофей Васильевич с бабушкой Верой (а да него еще были: Василий и Агафья, Филипп и Татьяна, и 3-кратный прадед Аксён) были уроженцами Калужской губернии Високининского уезда (в 10 км. от родины маршала Г.К. Жукова) и еще задолго до *Переворота* работали простыми хлебопеками в знаменитой булочной Филиппова (их славного земляка—труженика). Дед Алексей ушел на Ваганьковское кладбище еще в 30-х (никак не соберусь разыскать его могилу). По одной из недавно пришедших легенд он был активным коммунистом в хлебопекарне, но после командировки в деревню для раскулачивания пришел в партком, положил партбилет на стол и затем бросился под поезд (мой отец несколько раз вскользь обмолвился, что чем-то глубоко виноват в смерти деда, возможно, в этот решающий момент, видимо, сказал что-то вроде: *«Батя, ты что, Ленина предаешь!?!»*),

а тихая его жена Саша умерла вскорости, и осталось детей от них четверо: Павел, Мария, Иван и Анна. Дед Тимофей несколько лет поживал летом с пацаном—внуком на участке в Востриково и любил выпить вечером рюмочку винца, да поиграть в подкидного или петушка (а детей у них было шестеро: Прасковья, Сергей, Анна, Клавдия, Александр и Владимир). Помню также в 5—летнем возрасте бабушку Веру Румянцеву, последнюю нашу крестьянку из деревни Горяново (земляки посоветовали ей в 30—х годах поскорее уезжать в Москву от раскулачивания за единственную оставшуюся у нее корову, а она часто говорила: *«Как же я люблю все делать, так бы вот все делала и делала...»*), грустно смотрящую в окно нашей квартиры в Новых домах на Красной Пресне, где вся наша семья ютилась в полукомнатке. А в июле 1997 года всей семьей, наконец—то, съездили и на древнюю родину предков в деревню Горяново, поскольку жившие там каждое лето родственники Арбузовы рассказали об обнаруженной на старом кладбище надгробной плите с нашей фамилией. В первый день за три часа в одиночестве облизал все это небольшое кладбище, переворачивая и изучая каждую надгробную плиту. На следующий же день поехали уже на машине сына все вместе и столько же лазили по буеракам кладбища. И, потеряв всякую надежду и собираясь возвращаться, в последний раз решил перевернуть много раз уже пройденную плиту (после разрушения церквушки древние и толстые надгробные известняковые плиты много лет служили отличным стройматериалом в фундаментах коровников и свинарников). И вдруг, очередной раз очищая толстую боковую сторону плиты (а именно там, а не наверху, в старину выполняли надписи) от многолетнего мха, гляжу и не верю: *Куланчева Мария Нитичевна 1836—1891 гг.* — наша неизвестная пра—пра—бабушка, жившая еще крепостной в обширных владениях князей Долгоруких! (в дзеновской традиции такие слепые и упорные поиски называются собиранием необходимого количества *кенсё*). В конце августа (за неделю до Сашиного *Exhale!* — выражение пришло от братьев из Индии в 1991) с сыном еще раз съездили на родину и установили на условной могиле предков дубовый крест (изготовление которого потребовало целого месяца труда и поисков, поскольку дубовый брус в России практически уже не производят). И проезжая на машине, показывал ему невероятно чистую и стройную березовую рощу, где 12 лет назад в золотую осень перед началом первого пешего путешествия по его Родине мы ночевали в похожей на Сашину всегда солнечной палатке с его маленькой 5—летней сестренкой, у которой тогда были и сейчас еще есть: *А у нашей Дашушки — ножки заплетушки! Ножки, ножки заплетушки — у нашей Дашушки!*

Отец в апреле 1943

Далее о моем отце Павле Алексеевиче, главном мелиораторе Гостроя и лейтенанте СССР, громившем врага простым солдатом — вторым номером пулеметного расчета от румынской границы с утра 22 июня 1941 года, через Сталинград, Белоруссию, Польшу и добивавшего его в Берлине, беззаветно верившего в Сталина и Партию и сгоревшего за 20 дней от пневмонии с редкими посещениями сына январем 1983 года в больнице Кашенко. Он рассказывал уйму военных историй. Их командующий, не взирая на басни, готовился к нападению, держал свою дивизию под ружьем вблизи границы и бросил ее вперед после сообщения от пограничников, которые сдержали первые атаки. А навстречу уже сплошным потоком и в полный рост, распевая песни, шли немцы и румыны. Первый

номер пулеметного расчета косил их как траву, не переставая, но новые цепи все шли и шли вперед, как ни в чем не бывало. От всего этого безумия он вдруг схватился за голову, дико закричал и начал кататься по земле, навсегда потеряв рассудок. И потом еще больше недели дивизия держала рубеж, ни отходя ни на шаг, но и не переходя границу, пока на других фронтах не образовались огромные прорывы, и пришел приказ отступить. Затем внезапно всех с высшим образованием быстро собрали и отправили в учёбки, и отец остальную войну служил уже в полевой авиации техником. Рассказывал, как отступали по волгодонской степи, как образовывались дикие пробки на переправах, несчадно бомбимые немцами, и как танкисты, прорываясь на восток по мостам, давили гусеницами свою же пехоту и таранили автомашины, как впервые он приказал расстрелять своего же солдата, заявившего: *«моя хата осталась зади, я пошел до дому»*. За выход из окружения без личного состава офицеру полагался расстрел на месте, за потерю автотехники — штрафбат. Под Сталинградом отец был на аэродроме левого берега, видя всю эту чудовищную мясорубку, куда месяцами отправляли эшелоны дивизий, но не возвращался оттуда никто. И еще он говорил, что много было на войне и такого, о чем вообще никому нельзя никогда рассказывать. А в феврале 1943-го после взятия Сталинграда шли на восток нескончаемые колонны пленных и охрана непрерывно, деловито и сноровисто пристреливала отставших, а какой-то шутник раздел догола замерзший труп немца с поднятой рукой и установил его в качестве указателя подле дороги. Под Варшавой с июля 1944 отец долго стоял без движения на высоком правом берегу Вислы и видел, словно на ладони, как немцы педантично уничтожали варшавское восстание, поднятое прозападным правительством с целью опередить Сталина (наша армия полностью истощилась после только что закончившейся

грандиозной операции по освобождению Белоруссии и Прибалтики, да и Сталин подобного хамства не терпел, хотя в январе 1945 он все-таки начал раньше срока Варшавскую операцию по просьбе Черчилля, после того как немцы наголову разбили союзников в Арденнах и неудержимо рвались на Запад). В ноябре 1944 поручили как-то отцу (по блату — для верного ордена) пойти арестовать одного скрывающегося полковника этой прозападной армии Крайовы. Взял он пару солдат-автоматчиков и пошел в указанную хату, но никого там подозрительного не нашел. И вдруг, какой-то маленький пацанчик в длинном тулупе просится на двор по малой нужде, конечно же, его выпустили, а оказался это — тот самый переодетый полковник, и отец долго переживал за упущенный орден Красной звезды (орденов у него нет, а только медали: *За оборону Сталинграда, За взятие Варшавы, За взятие Берлина, За Победу над Германией* и другие). В Берлинской операции отец замыкал окружение с западной стороны около Потсдама, стоял разгар весны, до Великой Победы оставались считанные дни, и было относительно тихо, но вдруг утром 2 мая по шоссе выползает огромная и черная прорывавшаяся колонна эсэсовцев с пантерами и тиграми. Счастье, что по бокам шоссе было болото, да и зенитчики прикрытия аэродрома отца быстро развернули свои орудия на прямую наводку, а им помог и командир соседнего артиллерийского дивизиона. Подбили несколько передних танков и колонна намертво застыла, а тут подоспела тяжелая авиация и до самой ночи непрерывно утюжила шоссе, ни оставив на нем ничего живого (см. Г.К. Жуков, *Воспоминания*, М., 1974, т.2, стр. 364). Когда же розовеющий малец по незнанию и для укрепления личного авторитета среди дворовых Краснопресненских пацанов напрямую вопрошал: «А много, папа, ты убил на войне немцев?», отец коротко и сухо отвечал «Нет».

Выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г.

— Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства

было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 г. г., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы

поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

Потом отец еще год был в Берлине и вдоволь наслаждался всеми плодами непревзойденных Воинов-Победителей, коих еще много поразбивалось и перестрелялось в кутежах бесшабашной радости, а за этим пришла и демобилизация с возвращением на руины нищей, голодной Родины. А там уж — в начале самого голодного 1947 года, когда прекратилась продовольственная помощь по Ленд-Лизу, появился и составитель этого сказания. А через три года он заболел страшной токсической дизентерией, как-будто скупав, по выражению врача, целую ложку микробов, после того как родители по большому блату сводили его отожраться в ресторан самой гостиницы «Москва» (там, в поварской работала тетя Мария Алексеевна). Было состояние комы, и задний проход уже раскрылся, что было верным признаком близкого конца. Спас малыша Алексей Андреевич Череп-

нев — партнер отца по футбольной команде и деревенским гулянкам (да и жены их были подругами), страшно засекречено курировавший (как недавно выяснилось) всю свою жизнь в Кремле атомные проекты, — ему в последний момент удалось достать новейший антибиотик. От выхода из комы остались смутные, но жуткие воспоминания, откуда вернулся в совершенно незнакомый мир, долго потом, почему-то, стесняясь своего голого тела (еще много десятков лет снились страшные подземные лабиринты с ужасающими и безысходными *водоворотами пространства-времени*). В 50-х отец пару лет был советником по мелиорации в Китае, неоднократно встречаясь с Мао-Дзе-Дуном и Ден-Сяо-Пином, и получил за эту свою миссию почетный китайский орден. Потом по партийному призыву отец года два работал председателем подмосковного колхоза, и малолетний сын гостил у него в деревне летом, купался в реке Протва, а однажды получил сильную порку за воровство папирос «Беломорканал». За неделю до смерти отец с увлечением рассказывал о добрых цыганках, которые и днем и ночью навещают его и поют ему песни, а потом вдруг посмотрел на меня удивительно чистым взором и сказал: *«Какой же ты стал красивый»*. Последние дни он уже не приходил в сознание. И похоронили мы его в присутствии всех оставшихся старых друзей зимней стужей 1983 года на Химкинском кладбище под Москвой в прекрасном и тихом лиственном лесу.

Был также и любимый тесть, истинный богатырский рязанский мужик и подполковник авиации Иван Никифорович Черноглазов, имеющий 13 официально сбитых и не потерявший ни одного ведомого (ведомые — это расходный материал, которым известные асы швырялись как туалетной бумагой, Иван же по-братски делился со своими ведомыми сбитыми фрицами), но все-таки не заслуживший звания Героя СССР (Героя давали за 14 сбитых и то при благосклонности начальства). Поэтому-то все его многочисленные ведомые и регулярно приезжали повидаться к нему в его хрущёвку близ Серебряного Бора со всей России на разные праздники, и тогда мы наслушались от них невероятную уйму боевых эпизодов. За высокое пилотажное мастерство в начале войны тестя держали инструктором в летном училище (а был он там в звании старшего сержанта, хотя всем его выпускникам-курсантам сразу давали звание лейтенанта), но в 1942 после многих рапортов ему удалось-таки прорваться на фронт, который проходил тогда под Вышнем Волочком в страшных валдайских топях, откуда не выбирался живым ни один сбитый. А летал он на американской *аэрокобре* — своенравной в динамике машине, но не уступающей при умении немецким мессерам (*кобру* никогда не менял и Великий Русский Асс и четырежды Герой СССР Ал-др Ив.Покрышкин, несмотря на все басни массовой пропаганды). Как-то раз у его ведомого Семена Федоровича Колмыкова после отчаянного боя кончилась горючка. Не дотянув до аэродрома, он рухнул на вспаханное поле, и от удара о колпак кабины у него на всю жизнь осталась вмятина глубиной в два пальца и в половину черепа. И вдруг в отходящем полусознании он слышит, как едут по полю на телеге старик со старухой и ведут меж собой такой вот разговор: *«Смотри-ка дед, наш ероплан никак на поле горит. А гляди-ка дед, и летчик унутри ероплана тоже никак горит. Давай-ка дед, снимем хоть сапоги-то с няго, ведь совсем же новые сапоги, а то пропадут-ведь зазря. Ба! Да никак он вроде еще и живой!»* И вытащили они летчика из горящей машины и отвезли

его на своей телеге в ближайший лазарет. А из части уже похоронную на родину отправили. Но вдруг выясняется, что герой-то лежит в прифронтовом госпитале. Тогда тесть заправляет свою любимую *кобру*, взмывает в воздух, садиться в чистом поле, врывается в больничную палату, находит друга и в полном больничном белье улетает с ним в родную часть.

Эскадрилья Ивана Никифоровича Черноглазова (в центре) в мае 1944

В другом эпизоде тестя (уже командира эскадрильи) берет в очередное задание своим ведомым командир дивизии. Отработали, значит, они боевое задание и легли на обратный курс. Вдруг Иван видит (в полку его звали *Глазок*, поскольку все время крутя головой взад-вперед, он не зевал ни одного захода фрица в хвост), что сзади тихо пристраивается мессер, еще минута, другая — и абзац, а командир и ухом не ведет, летит себе вперед, не шелохнется. Ну и Иван, понятное дело, сделал пару привычных переворотов — фриц все быстро прочухал и отвалил от греха подальше, а ведущего уже и след простыл. Приземляется, значит, Иван на родном аэродроме, подходит к командующему, тело по струнке — честь, как положено, отдает: *«Разрешите получить замечание?»* — *«Так летай и дальше, Иван»*. В следующем эпизоде комдив бросил своего очередного ведомого Ивана Шишкина, а бой происходил прямо над нашим аэродромом и его наблюдал весь полк, но Шишкин уже больше не приземлился. Вспоминал тесть и о редчайшей своей боевой удаче попадания бомбой прямо в паровоз мчащегося на фронт фашистского эшелона. Ну а уж недоступных пониманию саляг иллюстраций боевых эпизодов на спаренных ладонях была просто чертова прорва. Закончил же тесть войну в жесточайших боях за Восточную Пруссию возле Кенигсберга, продолжавшихся уже после Полной Капитуляции Германии. Воевал он и в Корее, но там была уже не

Великая Отечественная, поэтому в лобовые тараны за чужую землю не лезли.

А родная деревня тестя и добрейшей тещи Анны Ивановны (парализованной и обезноженной от артрита) и бабушки Дарьи Андреевны находится в южной Рязани и называется Можары: это — более 7 км в длину и свыше 10 тысяч жителей, и неисчерпаемый чернозем, в который воткнешь палку, а она растет, и необъятный лес, где на каждом шагу сшибаешь ногами белые, и разрушенный монастырь с могущественной колокольной, и река Пара с карасями, и крутые песчаные откосы над рекой, и вековые дубравы над откосами, и, бог знает, чего там еще всего есть. Как-то раз, в последнем деле с тестем складировали мы около его деревенского дома сборный садовый домик для его же несбыточно-планируемого подмосковного участка (который и до сих пор, наверное, там еще гниет). После этого иду в магазин по бесконечному пустынному деревенскому шоссе и вдруг вижу вдалеке какого-то мужика навстречу. Не доходя аж полкилометра, этот парень уверенно переходит на мою сторону шоссе. Повстречались — «Ты чейный? Неужто можарский?» — Но, не желая врать и помятуя, что москалей не любят нигде, отвечаю — «Я — российский» — «А российских-то ведь положено бить!». На том мы и поняли друг друга. Вот так-то просто, по-философски, и знакомятся залётные чужаки с неизбалованными частыми новыми встречами местными в российских глубинках. С другой стороны, в наших-то заброшенных родовых деревеньках Калужской губернии типа Алтухова и Горянова, населения-то совсем мало, домов всего-то, считай, 20–30, да и того не будет. А местность-то какая пересеченная! Идешь вроде, идешь — и ничего не видно в округе, кроме поля и дальнего леса. Но еще один шаг или два вперед — и, откуда ни возьмись, внезапно из-под склона начинает подниматься уютная малюсенькая деревенька. Вот такие вот и дела!

Иван Черноглазов тоже погиб (он так и не собрался записать свои воспоминания, несмотря на многочисленные наши просьбы) как Истинный Воздушный Асс — прецизионно точно вбив затылок (через год после похорон жены) в острый бетонный угол с переломом основания черепа после 47-го Праздника Победы 10 мая 1991 года, совсем немного не дожив до *Кровавой Шоковой Терапии* (устроенной половыми шестерками заокеанских миллиардеров). И был он похоронен на Митинском кладбище, где лежат теперь все ликвидаторы Чернобыльской трагедии [но в двух шагах от этого всероссийской святыни и на более престижных местах с ослепительными памятниками лежит целая свора авторитетных бойцов за окончательный передел госсобственности СССР — воистину человеческое блядоблудство подчас не знает никаких пределов!], и с полным воинским салютом, а им любимый зять надел по этому случаю свой традиционный торжественный удлиненный пиджак любимого коричневого цвета из хрущевской эпохи и французской шерсти (в котором он женился, защищал диссертацию и хоронил отца) с гвардейским знаком русского победоносного авиационного полка, а молодые воины из роты почетного караула, безупречно выполняя свои прощальные обязанности, имели глаза видеть: *«Встретил летчика сухо райский аэродром — он садился на брюхо, но не ползал на нем. Он уснул — не проснулся, он запел — не допел. Ну а я вот вернулся, а я вот вернулся, ну а он не успел! Кто-то скуп и четко отсчитал нам часы, нашей жизни короткой, как бетон полосы. И на ней*

кто разбился, кто взлетел навсегда, ну я — приземлился, а я — приземлился, вот какая беда»

Метафизика сознания

Рисунок Вадима Мисюка.

(вырезку подарил Женья Волков)

потери СССР за все долгие 13 лет жесточайшей афганской войны. Об этом, почему-то, упорно молчат по миллионам *свободно-дерьмократических* телевизоров, зато обильно льют оттуда непрерывные потоки лжи и абсурда. И сколько же сотен лет потомкам еще придется расплачиваться за многомиллиардные кредиты, взятые не просто под разграбление, а под уничтожение мощи и славы Великой Державы? От всего этого временами становятся до чертиков страшно за будущее психическое здоровье нашего Великого Народа. Однако вслед за этим приходит и понимание, что всех уже случившихся уродов смертельным битием никак не вылечишь. Многие из этих несчастных животных, не видя никакого смысла своего существования, а лишь крошечный мрак вокруг, временами в безысходном отчаянии превращаются в диких обезумевших зверей, остервенело рвущих друг на друге куски кожи и плоти. А молодым людям, которые под вседавлением их *массово-западной культуры* еще не успели превратиться в безнадежных дебилов и ублюдков, можно помочь только безответным личным контрпримером. Может быть, самые стойкие из них и откапывают подобные древние контрпримеры из-под гималаев современного дерьма. После своего очередного 24-го дня рождения в декабре 1997 сын Юлий сказал вдруг напрямую и решительно: «*Ты уже всех заколебал, батя. Тебе везде мерещатся только великие идеи и подвиги. А люди хотят просто жить! Пойми же ты, наконец-то, — хотят просто жить!*» В чем-то он, наверное, и прав, однако в данном переходном мире *просто жить* — совсем не так уж просто (со слов Ю.Кукина), за это сладкое удовольствие часто приходится обильно платить обманом и предательством.

Однако несколько раз в этой жизни все же не удалось сдержаться. Как-то раз, в феврале 1997 были на дне рождения собрата по водным походам, сидели, выпивали, закусывали, слушали чудесную музыку Баха и говорили, как обычно, о нашем боевом прошлом. Но когда пришла уже пора расходиться, то старый и довольно симпатичный отец друга вдруг загнул и ушел в свою комнату. И тут одного христианского ортодокса потянуло влезть в душу к несчастному старику с религиозными утешениями, на что ошеломляюще выплеснулся отчаянный взрыв ярости и оскорбле-

ний. От такой неожиданности внутри как будто переключатель какой-то щелкнул и рефлекторно, но предельно жестко и отточено вылетело (по «Калина красная» Шукшина): «Ну что, дед, много дырок наделал в свое время в головах?» Старик на мгновение аж остолбенел, что-то соображая, а затем в ужасе раскрыл глаза и, дико заорав: «Дьявол! Дьявол! Дьявол!», бросился бить неистребимого дьявола из последних сил, пытаясь попасть прямо в его мерзкую рожу, каждый раз разбегаясь от противоположенной стены и размахивая кулаком аж за целых два метра. А дьявол все также стоял неуязвимо, как скала, и из его огненных неумолимых глаз лились потоки нестерпимого пламени. Наконец, силы покинули старика, он завалился спиной на диван с неестественно запрокинутым затылком и безумными глазами, судорожно глотая воздух и хрипло зовя единственного сына на помощь, как свою последнюю надежду. Тогда смущенный дьявол в страхе выбежал в соседнюю комнату и закричал другу: «Что-то с твоим отцом неладное творится!» А до этого был еще и случай на пруду моего детства. Однажды остервеневший защитник экологии подошел к наиболее далеко продвинувшемуся на зеленый лужок водиле с покорнейшей просьбой: «Не мой свою говённую машину там, где купаются дети из Солнцева, а уёбывай поскорее отсюда к чертовой матери!», при этом так отчаянно хлопнув дверью раскрытой нараспах изумительной машины, что она аж вся зашаталась от страха и отчаяния. Естественно же сразу несправедливо обиженный частник бросился иступленно душить за горло наглеца и хама. После парирования нескольких неудачных попыток удушения неловким движением случилось порвать водиле рубашку, и мерзопакостный хам, моментально забыв свое первоначальное намерение, в искреннем и глубоком сожалении подался вперед, застыв в традиционной позе истинного раскаяния с возгласом «Ну извини, нечаянно!», вслед за чем молниеносно последовал убийственный прямой удар в его наглую и неподвижную морду, отбросивший мерзавца метра на два. Хам с трудом поднялся, медленно подошел, положил руку на плечо водилы и тихо сказал: «Уезжай-ка, голубчик, отсюда и поскорей», что было исполнено моментально и безропотно. А потом я еще долго стоял и смотрел ему во след, после чего сбросил наземь одежды и поплыл любимым стилем *дельфин* с разбитыми в кровь губами по безнадежно обреченному пруду моего безвозвратного детства. Будем надеяться, что этот *любитель-авто* больше уже никогда не мыл свою тачку в родниковых прудах, где купаются дети. Но сколько же подобных кретинов (от *creature* = живое создание) еще осталось в разных жизненных планах, и на убеждение всех их не хватит никаких окровавленных морд.

Вместе с тем, если внимательно прислушиваться, иногда задаются крайне интересные вопросы: «*просто жить!*» — а собственно для чего же это уж так невыносимо и неизбежно нужно *просто жить*? Для того ли, чтобы побыстрее промелькнула эта непонятно откуда и зачем навязанная жизнь? В которой все так жестко определено и ограничено, и многое тупо повторяется раз за разом, и нельзя возвыситься моментально над всеми презренными и надоевшими смердами, да и поймут ли они это, и достойно ли в веках прославят подобное возвышение? И за какие же это грехи выпало такое наказание ограничением изначальной и безграничной Свободы?! Вот здесь-то уже, несомненно, пахнет неплохими вопросами для персонального ответа! Как говаривал легендарный Жуан Матус: «*Вполне мо-*

*жет придти время, когда ответы станут выскакивать из тебя также легко, как сейчас выскакивают вопросы». С другой стороны, полезно привести и следующее интересное наблюдение: Извечные Силы Мрака, стремящиеся к разрушению мироздания и являющиеся порождением изначального Хаоса (по древнегреческой мифологии), имеют для этого только принципы страха и подавления, чтобы сгрудить этими принципами вокруг себя воинство уничтожения из массы испуганных и шатающихся, образуя из них грандиозную иерархию паханов и зон. Представители же Светлых Творительных Сил не имеют между собой никаких связующих цепей, кроме изначального и вечного огня сострадания и милосердия, негасимо горящего в них — поэтому они всегда и везде субстанциально одиноки. Они подобны одиноким звездам, светящим на сотни миллиардов километров мрака и пустоты вдаль друг от друга, но образующих своим непоколебимым *Примером и Силой* упорядоченное движение планет и межзвездной пыли, в конце концов, порождая бесплатно, безвозмездно и ежедневно кров, тепло и пищу даже и для мириадов таких безнадежных слизняков и тупиц, как мы: «*Слушай пацак, все равно же сейчас копыта откинешь, скажи хоть раз правду, почему тогда с тем козлом не переместился? Чего хотел? — малиновые штаны, бассейн ПеЖе ...?*»*

Истинного же Человека в его глубинной сущности — познавателя и открывателя — всегда влекли неведомые просторы (к таким немногим принадлежал и Саша Люцко). В стародавние—древние времена, когда весь мир был неизведан, отважные одиночки (а под их воздействием и целые племена и народы) постоянно устремлялись и одухотворялись идеями открытия, познания и освоения неизвестных земель и таинственных культур, и каждое такое продвижение служило двигателем развития на многие эпохи (Сашины мысли по этому поводу сконцентрированы в его неопубликованном блестящем эссе «Теория ненормальности»). В конце же 20 века человек уперся во все свои естественные пределы: планета стала быстродоступной во всех направлениях и все величайшие географические вершины и физиологические пределы были покорены. Ранее существующая последняя движущая сила так называемого *научного и технического прогресса* — противостояние и состязание двух идеологических систем — неожиданно рухнула, что сразу приостановило внешнее пространственное продвижение в космос и внутреннее познавательное продвижение в науке (которые уже и до этого начали выходить на естественные оконечные технические, экономические и интеллектуальные тупики технократической цивилизации). И это разрушение во многом показательно, поскольку его зарождение вызвало необычайный эмоциональный и энергетический подъем в тончайшей интеллектуальной прослойке, длившийся самую малость, но в этот кратчайший промежуток прослойка отдала весь свой накопленный за многие десятилетия запал и потенциал. И как все это контрастирует с душевным подъемом в начале 60–х, который был вызван не предвкушением разрушения, а прорывами и перспективами в созидании (никогда не забуду уникальную весну 1961, после полета Гагарина, распахнутую как широкие врата в безграничный для созидания мир с теплыми и мощными ветрами неизведанных перспектив)! А за этим очень быстро наступила жесточайшая расплата за совершенное разрушение: из открытого ящика Пандоры на неожиданную и безграничную Свободу хлынул мощный поток самой черной, накопив-

шейся за десятилетия грязи, быстро затопивший и поработивший все вокруг. И быстро выкричавшиеся интеллигенты на глазах стали или поглощаться (ассимилироваться) грязью, вырождаясь в смысленных и хитреньких пакостников–воришек (никогда не забуду в 1991 году смущенно идущего мимо внезапно увидевшей его и бросившейся приветствовать толпе на лужниковский митинг в стареньком, развивающемся по ветру плаще академика Сахарова, а за ним гордого и молодого, с иголочки одетого Станкевича, наворовавшегося затем до умопомрачения со всей сворой подобных *собчаковичей!*), или исчезать в бесспросветность примитивнейшего выживания или же просто массово вымирать за абсолютной ненадобностью с чувством горечи и тоски (вспомним несокрушимое *Да!–Да!–Нет!–Да!* по всем телевизорам из уст многих кумиров в поддержку перевыборов госбандитизма). Открытые окна на Запад (в противовес петровским временам) принесли оттуда лишь самую последнюю гниль и затхлость, моментально разлившихся по необъятным российским просторам, да и поток радостных эмигрантов *в Туда* за куском сладкого и легкого хлеба быстро сник: *«Нас вместе отослали в порт Находку, меня отпустят завтра, пусть завтра их. Мы с ними встретились, как три рубля на водку, и разошлись, как водка на троих...»*.

Исчезла последняя преграда на пути западного прагматизма и духовной деградации (выразителем которой является суперимперия США), что может символизировать приход ожидаемого тысячелетия Конца Света¹. Однако

¹ В этом плане показательным отношением исконно дикого западного политического мышления к России, как к естественному *Мосту* между Западом и Востоком. Буквально все западные завоеватели, начиная с тевтонов, ливонов и им подобных разных шведов и кончая всякими там самовлюбленными наполеонами, бисмарками и гитлерами (натужено мечтавших о великой славе Александра, хотя никто из них и близко не ходил в учениках Аристотеля) несли на Русь не какие-то там *просветительские* идеи, а только лишь доктрину ее тотального подавления и уничтожения. Иначе бы судьба любого из этих завоевателей могла сложиться совсем по-иному. К слову сказать, многочисленные восточные народы (печенеги, хазары, монголы, татары, а ранее – и варяги) относились к русичам в политическом плане несравнимо иначе (да и само вековечное продвижение России на Восток по Евразии разительно отличается в отношении к коренным народам от истребительной экспансии европейцев на заатлантический Запад!). В 20–м же веке рожденный этой же имманентной западной идеей всеподавления (направленной теперь уже на собственных немцев по унизительному Парижскому миру) *гитлеризм*, несмотря на широкое привлечение восточной символики, абсолютно ничего не понял ни в арийском, ни в индийском, ни в тибетском, ни в японском мирозерцании. Ну а уж в конце II тысячелетия это тупо–дикое западное политическое мышление с неоспоримой убедительностью вывило свою свою низменную и подлую подноготную в полной мере. Действительно, после того как Россия отдала Западу просто *задаром* (усилиями своих *сверхновых* правителей–дебиллов и национальных предателей) все свои вековые завоевания, добытые неизмеримой кровью и голодом миллионов своих сородичей, и провозгласила не имеющее прецедентов в известной Истории *новое мышление* (одновременно начав уничтожение собственного государства и геноцид его населения, да и все бывшие раскормленные "варшавские друзья" России сразу же и безоговорочно предали) — и чем же ответил разжиревший Запад на такую небывалую открытость и доверчивость? — да, как всегда, просто очередным оголтело–тотальным наступлением на Восток.

С другой стороны, и Россия вековечно находилась в крайне незавидном положении. Не имея собственных древних духовных корней, она периодически разрывалась между извечной мудростью Востока и технократическим псевдо–благодеянием Запада. Однако все волно–подобные попытки приблизиться к недостижимому псевдо–процветанию Запада (накопленному на поте и крови всего остального *земного шарика*) приводили лишь о очередному массовому вымиранию и истреблению самих себя, в искусстве чего русские, несомненно, недостижимо превосходили все остальные народы. Имея неисчерпаемые геологические и геополитические богатства и просторы русские всегда отличались феноменальным терпением, душевной открытостью и беспрядельностью в любви, бунте и самоубийствовании. И только продвижение на Восток и впитывание восточной культуры никогда не провоцировало тотальные катаклизмы.

Вместе с тем, эта срединная (мостовая) земля всегда была для Запада вождельным ключом владычества над Востоком (особенно после провала западного покорения Востока с моря). Поэтому единственное, чего Запад боится более всего на свете, больше потери живота сво-

истинно верующие в древние пророчества много веков немного заблуждались только в одном: что Антихрист явится в мир в слабомощном человеческом облике (которому так много времени надо тратить на примитивнейшие нужды: сон, прием пищи и экскрецию отходов). На самом же деле Антихрист уже очень давно и незаметно явился в мир (читать пророчества надо, как и все в этом мире, не буквально, а между строк) и сильно развился в нем в совершенно другом облике социальных суперсуществ, открытых недавно нашим великим религиозным мыслителем Даниилом Андреевым и названных им *уицраоры*. И не стоит это рассматривать лишь как философскую аллегория или поэтическую метафору, поскольку такие сверхсущества не менее реальны (или, если угодно, не более нереальны), чем сами человеки (каждый из которых суть непонятным образом на очень короткое время сохраняющий относительную целостность ансамбль элементарных частиц, с огромнейшими по протяженности пустотами между ними, а в этой тотальной пустоте еще и периодически мечутся одинокие и компактные роишки фотончиков и фончиков, в которых кое-кто умудряется различать низкие и высокие мысли и слова). Феномен сознания у органических тварей возникает необъяснимым образом уже при образовании считанных миллиардов неподвижных нервных клеток с десятками связей у каждой. Но клетки—человеки в этом плане имеют громадное преимущество — они крайне подвижны и могут иметь много сотен и быстро меняющихся связей каждая. Поэтому и таинственное суперсознание на этой *элементной базе* возникает на намного более низком количественном уровне: на уровне миллионов и, может быть, даже уже тысяч структурных единиц—клеток (и любой наблюдатель, чуть-чуть по-пристальнее взглядевшись, прямо под своими ногами увидит десятки признаков существования сверхсознания, не сводимого к сумме индивидуальных сознаний). Сначала на безбрежных просторах Земли *уицраоры* существовали во множестве (с самосознанием где-то на уровне крысы) и предавались, в основном, своим любимым занятиям — размножению почкованием и пожиранию себе подобных. В первой же половине 20-го века можно было наблюдать гигантские смертельные битвы за эволюционное преимущество уже между считанными выжившими *уицраорами*, воплощающими четыре основные социальные идеи—доктрины: самодержавную, социалистическую, националистическую и демократическую. В результате, сначала победили две, а затем и одна единственная — *дерьмократическая*. Тем самым, наряду с хиреющими региональными *уицраорами*, образовались и всепланетарный суперразум. Но эта пиррова победа и есть начало его конца, поскольку далее уже нет ни стимулов, ни противовесов, да и просторов для дальнейшего развития. Достигнув предельных планетарных размеров суперуицраор всецело занялся упорядочиванием жизнедеятельности своих клеток. Ведь от клеток организма только-то всего и требуется, чтобы они исправно в течение своей краткой жизни выполняли возложенные примитивные и узкоспециальные функции, а не рыпалась в приисущие человекам *самокопанию*, поиски *смысла* и безумные *новые идеи*, образующие болезненно разрастающиеся новообразования—опухоли. Как давно и хорошо понял суперуицраор, для этого клеткам следует всего—навсего создать массовую псевдокультуру с недостижимыми, но примитивнейшими псевдоцелями и псевдостимулами (рейтинг, паблисити,

власть, информация, секс, наркота и пр.), достижение которых занимало бы все их время и все силы, в чем планетарный уицраор уже несомненно и крайне преуспел. К несчастью, к этому прилепились различные побочные явления — своеобразный синдром недопонимания у клеток (спид, лейкемия, рак, бездуховность, самоубийства, слабоумие, уродства и пр. и пр.), быстро сокращающие и дебилизирующие сами клетки, отсюда и катастрофическое слабение иммунных механизмов уицраора. Вот в этом—то, наверное, и будет состоять так долго жданный истинными верующими, но постепенный приход счастливого Конца этого безнадежного Мира. Можно было бы еще детально уточнить в этом контексте и концепцию Страшного Суда с падением в Ад грешников и телесным воскресением в Раю праведников, но нужно же оставить и самим читателям хоть что—нибудь для домашней проработки: *«Сказал себе я — брось писать, но руки сами просятся. Ох мама моя родная, друзья любимые... Смотрю, в палате косятся, не сплю, боюсь набросятся — ведь рядом психи тихие, неизлечимые...»*

Саша же принадлежал к исчезающему племени первопроходцев и открывателей (*последних из Могикан*), впитавшем лучшие древние идеи данного мира в темную эпоху Кали Юги, поэтому он был субстанциально чужероден и одинок и мог существовать в конкретном месте (среде) только достаточно небольшой отрезок времени (даже благодаря своей неукротимой и всепобеждающей энергии), нужный *лейкоцитам уицраора*, чтобы осознать чужеродность и опасность его присутствия, особенно после решительных выходов Саши на уровень региональных и мировых *кормушек*. Затем эти *кормушечники—лейкоциты* каждый раз начинали быстро концентрироваться по окраинам его дела, создавая уже одним своим присутствием все усиливающуюся тормозящую силу, а распространяемые ими яды начинали неизбежно пропитывать и саму среду обитания внутри Сашиного дела. Да и романтические надежды на понимание Запада быстро улетучились — там оказалось все давным—давно и безнадежно пропитано духом самого примитивного меркантильного расчета. Особенно, видимо, Саша начал все это интуитивно и остро чувствовать в последние два года, когда один за другим исчезали в неизвестность его лучшие друзья и когда, по отзывам многих, видевших его, он становился все более печален и замкнут (особенно после зверского убийства Саши Чуланова).

В противовес всему вышеприведенному многословию молодой Кришнамурти (уже после самоотречения от инициированной теософами роли воплощенного Христа), увидев как—то на улице юную мать, кормящую грудью младенца, сказал кратко, просто и четко:

«Бог льет Бога в Бога».

Последний раз, в июне 1996 года Саша, впервые за долгие года, сам позвонил, после того как преподаватель его института привез первое издание моей книги по прикладной статистике для обучения студентов. Это было большой радостью и, немного поругав его за долгое молчание (дословно: «Ну, ты, Саш, и засранец!» — это мягчайшее выражение, традиционно обращаемое только к любимым детям), попросил его все—таки как—нибудь заехать, и попрощался «целую». После этого Саша прислал проспект его недавно окрепшего института ISIR с последней в этой жизни дарственной надписью: *«Дорогому А.П. в качестве напоминания о вехах в жизни. 17.7.96»*

Не раз вытаскивал Сашу на свой участок под Москву в Востриково, когда еще не было там все засрано промехами. В 1994—95 гг., как последний шизик, я выходил один каждое Воскресенье к родниковому пруду моего детства (как на *«свою последнюю битву на этой земле»*), где водились золотые караси, и мы с Сашей плавали при луне, с Шашиной—же, купленной давно в Минске изумительно эргономичной лопатой, и копал в полнейшем одиночестве бесконечную канаву против ублюдков—автомобилистов, моющих там свои машины. Эту лопату сломали работяги в июле 1997 (за два месяца до ухода Саши!!!), ремонтируя водопровод у разжиревшего на грабежах *новорусского* соседа, выкупившего участок после вымирания всего рода моего друга детства и поэта Игоря Томилина, навсегда оставшегося 17-летним. Как-то в один год была неимоверных размеров трава и прогулка по такой дикости природы прямо под Москвой буквально потрясла Сашу. Были и самосплавы по минскому слаломному каналу (Саша и Данилка с непривычки не очень—то уютно себя чувствовали в тамошних водоворотах, а открыл для нас этот изумительный олимпийский канал Володя Вейлкин студенческой зимой 1987 года). Были и прогулки на старинное католическое кладбище около Шашиного дома, где он теперь лежит. Были и многочисленные встречи с его друзьями: Сашей Чулановым (телережиссер и оператор — самородок и такой же непоколебимый романтик и бессеребренник), Валея Граковичем (сильнейший альпинист и снежный барс), Марком Дюргеровым (многолетний исследователь Антарктиды), Витей Новожиловым (тренер феноменальной белорусской команды воднолыжников, недосыгаемых мировых чемпионов) и многими другими. Помню как на огромном семинаре в 1973 в Московском Доме Ученых старейший чехословацкий мэтр кибернетики неожиданно и невозмутимо начал делиться с трибуны крамольными воспоминаниями о русской революции и большевиках, а Саша Чуланов заявился туда просто со своей неразлучной мартышкой Чекитой на плече, которая моментально ревновала его к любой встречной женщине, вплоть до телесных увечий. Были и многочисленные встречи Новых Годов в Минске с колядками, и были битком набитые маленькие квартирки с неописуемыми песнями знаменитейших российских бардов в самоотдаче, не снившейся ни в каких концертах. Были проводы Саши во Владивосток на Ярославском вокзале (8 дней пути на поезде через всю Россию) с его гигантскими научными планами на Нобелевскую премию. Были нарисованные им на стенах его квартиры изумительные картины блистающих гор, морей и древнегреческих барельефов Титанов (уничтоженные пущенными жильцами и частично восстановленные им после возвращения из Владивостока). Вероятно, навеяно этими картинами, был и старый метафизический сон (о котором написал в свое время Саша): иду как-то по благословенной долине с ослепительными горами вдаль, но что-то во всем этом великолепии начинает казаться неестественным и слащавым, подхожу ближе, протягиваю руку, упираюсь в стену, хватаюсь за край и начинаю с легкостью отдираю обои с нарисованными на них горами. Но что это за мистика? — за отодранными обоями оказываются точно такие же Горы! Были и Шашины изумительные фотографически—поэтические альбомы—отчеты о прожитой жизни, о блистательно—белоснежных горах и о многочисленных морских путешествиях по дальним и таинственным странам с его великолепными стихами. Были и рукописи неопубликованных им книг, воспоминаний и размышлений. Как-то раз, прослушав мои лучшие записи Битлз в тогда еще страшно редких стереонаушниках, он

немного помолчал и медленно произнес: *«Да... до чего же примитивные тексты...»* (потом он собрал у себя в одиночестве в Минске прекрасную коллекцию метафизической музыки). Были и его многочисленные крылатые фразы: *«Гуны движутся среди гун», «Работать можно только на Нобелевскую премию», «Все зависит от всего», «Все будет так, как оно будет», «Главное — не потерять морду лица», «Из любой безвыходной ситуации существует не менее двух выходов: один из них — ничего не делать», «В чем уверен, то и говоришь, и говоришь только то, в чем уверен», «Мужчина — это тот, кого для выполнения дела не нужно постоянно гладить по головке», «Никто и никогда не может стать большим или маленьким — человек уже сразу рождается большим или маленьким». Всего и не упомнишь. А где и в ком это все? Но был Люцко и всегда будет Люцко, пока воплощены еще в материю и дух подобные строки, а теперь же для нас только: *«Будто нет ни весны, не лета, чем-то скользким покрыта Планета, люди, падая, бьются об лед. Гололед на земле, гололед! Целый год напролет гололед...»**

Помню, как в первом классе (тогда еще не было типовой мышиной школьной формы, а носил сшитый родителями черный френч), холодной зимой 1954 года забыл снять в раздевалке галоши с валенок и, когда учительница вызвала к доске для ответа, то первоклашка не мог заставить себя тронуться с места. После долгих повторных приглашений педагог потеряла терпение от такого вопиющего нарушения общепринятых правил, и, обливаясь слезами в крайнем унижении, мальчонка выдал из себя: *«Но я ведь в галошах!»*. Прошло много десятков лет, пока, наконец-то, пришло осознание постоянного присутствия этих *галош*, о чем свидетельствует и весь вышеприведенный текст. А один родственник по дальней линии Дега Витальевич Деопик (выдающийся востоковед из Института стран Азии и Африки МГУ) прослушав полтора десятка лет назад историю о мытарствах с обнаружением результатов востоковедческих исследований, выразился намного прямее и категоричнее: *«Ты же, брат, — типичный аутсайдер и всегда им останешься»*. Отсюда единственно доступный выход состоит в «провозглашении [этого] Знания как Силы!»

События года 1997 от Р.Х.

Еще одна приметная деталь — с начала сентября навалилась какая-то непонятная слабость и апатия. Бегать удавалось заставлять себя крайне редко и буквально выжимая последнюю волю и скрипя зубами на каждом километре. Пытался несколько раз дозвониться в ISIR (после года молчания, и не Саше, конечно, — здесь действовали некоторые негласные и непереступаемые правила: надо было терпеливо дожидаться, чтобы он сам ненароком узнал о моих делах), но безуспешно. Дозвониться удалось только точно на 40-ой день 13 октября 1997 года (завершение периода *«воздушных мытарств»* по христианской доктрине). А ведь многие убеждены, что *«после смерти все кончается, и что ток не течет по воздуху...»?*

За неделю до этого известия произошло и еще одно трагическое событие: другой мой друг, Толя Чудновский (истинный христианин, с которым мы коротали в одной комнатке лето 1971 в а/л Безенги и где закончилась навсегда моя карьера горовосходителя, когда от одухотворения первопрохождением предпринятого отрицательного 8-м бергшрунда вступил в непоколебимую конфронтацию с утомленным инструкторём, требуя спуска только по сложному пути подь-

ема, вместо попытки проскочить на авось под простреливаемым насквозь днем ледопадом) схватил мозговой инсульт (у него 4 детей, 15 лет назад, чтобы расплатиться за квартиру, он бросил институт физики тонких пленок, пошел работать на стройку, затем самовыучился изумительной резьбе по дереву и теперь преподаёт это детям в дворцах пионеров). При моем содействии лучшие нейрохирурги удалили ему 50 мл (полную рюмку!) серого вещества в правой теменной области, отчего пальцы его левой руки до сих пор плохо чувствуют (а хирург потом сказал: «Ну, ты и счастливчик!»). Его брат и мой старинный знакомый Вадим (истинный иудей), во благо жены и дочки уже 6 лет живет в Ерушхалаиме (Вадим любит повторять: «*В Иерусалим не входят — в него восходят!*»)), и я гостил у них в мае 1997, с восторгом слушаю долгими вечерами рассказы о древней и будущей истории Израиля, и исходил пешком половину Палестины вдоль и поперек (вся Виа Долороза много раз от судного места до храма Гроба Господня, проходимою каждую пятницу монахами-франкиканцами, Гецсимания, Кедронская долина, Бейт-Лехем, Хеброн, Курман с горами Иудейской пустыни, Джерихон с вадии Кельт — горой Испытания, Тиверия, Нацрат, гора Табор — Просветления, Кеннерет, Капернаум с горой Благовествования, Яффа и прочее), что сейчас делают только *лжеспророки* (по меткому определению Нацратского дьякона — урожденного Севастопольца), остальные же порядочные люди ездят только в автомобилях или же с экскурсиями (поэтому прямых путей и тропинок там нет и все заросло убийственно острыми метровыми пустынными колючками), и наснимал обо всем этом никому не нужных 8 часов видеозаписи (как-то утром 11.5.97 смотрю: что-то небо хмурится, как в Узунколе, и говорю, мол сегодня к вечеру наверняка дождик будет — а Вадим безапелляционно: «*За последние 3000 лет на этой земле с мая по сентябрь дождей не бывает*», но в середине дня все-таки дождик покрпал — мы были тогда на кладбище всех воинов, погибших во всех войнах за свободу Израиля, а где же похоронен прах всех воинов, погибших за Россию? — а вечером уже началась мощная гроза: «*Ну ты и Пророк!*» А чего там Пророк — принцип-то ведь простой: чувствуешь Слово — говори, не чувствуешь Слово — молчи). Толина же дочка Вера (еще у него есть Надежда, Любовь и Никита) написала в знак признательности маслом портрет за 4 сенса: с него на нас смотрит куда-то в сторону странно ухмыляющийся старик с печальными желто-зелеными глазами, с лысым черепом, с седой бородой и с глубоким шрамом во лбу: «*И чудаки еще такие есть, вдыхают полной грудью эту смесь, и не наград не ждут, не наказания, и думая, что дышат просто так, они внезапно попадают в такт такого же нервного дыхания...*»

В это же печальный 1997 год своего жизненного 50-летия удалось побить рекорд 40-борья ветеранов МГУ в плавании на 400м в/с (6.44, что всего на 40 сек хуже далекой юности), державшийся с 1971 года (за что впервые в жизни и публично поспособствовало получить букетик цветов от 65-летнего профессора химфака и выдающегося лыжника Владимира Павловича Зломанова со скромным прозвищем *Фюрер*), а также установить феноменальный личный рекорд в 50-км гонке *Лыжня России* в Планерной (3 часа 26 мин 28 сек — на фоне лучшего былого 4 часа 10 мин — то есть из 20.40 каждую пятёрку, за что неожиданно поспособствовало попасть в летопись лыжного спорта России под номером знаменитого советского портвейна, и даже сам Зломанов на этот раз не обошёл, как обычно на 10-м км, но еще в начале своей последней 20-км петли по мегафону передали, что Прокуроров уже готовится финишировать первым: его все-таки обманули судьи на финише, заманив в тупиковый коридор, а трое последующих удалцов забрали все медали, но Прокуроров затем все же вставил всем по первое число на мартовском Чемпионате Мира!). Зрелище же это — незабываемое и грандиозное: когда 30-тысячная орда по выстрелу издает монолитный боевой крик, заполняющий все пространство, подобно громовому эху, срывается с места и бросается вверх в крутой холм, а затем еще дол-

гих 10—15 км извивающаяся, как змея, плотная и широкая живая лавина неудержимо мчится вперед, печатая свои движения в едином ритме! Есть в этом что-то из прочно забытого первородного, чистого и истинного мировосприятия.

«Лыжня России» 1997г., 50 км., мужчины

№	Фамилия	Город, район	Время	№	Фамилия	Город, район	Время	№	Фамилия	Город, район	Время	№	Фамилия	Город, район	Время
1	Гутников Г.	Магадан	2:10.09	38	Киреев Н.	Москва	2:19.29	77	Юфреков С.	Москва	2:23.41	113	Яковлев А.	Москва	2:27.12
2	Пичугин М.	Н.-Кузнецк	2:10.10	39	Рысин С.	Шатура	2:19.53	78	Сазонов И.	Серг. Посад	2:23.44	114	Гаврилов К.	Волоколамск	2:27.16
3	Леготин Вл.	Сыктывкар	2:10.12	40	Кашкаров А.	Москва	2:19.59	79	Кондратов С.	Москва	2:24.10	115	Лысков Ю.	Кашира	2:27.16
4	Прокуров А.	Владимир	2:10.13					80	Зубов М.	Клин	2:24.13	116	Пугачев С.	Ивантеевка	2:27.17
5	Нутрикин А.	Сыктывкар	2:10.13	41	Гришин Ю.	Москва	2:20.00					117	Монастырев В.	Москва	2:27.26
565	Королев В.	Москва	2:58.43	635	Федоров В.	Москва	3:06.01	705	Ефремов В.	Москва	3:13.13	775	Пронкин А.	Видное	3:26.14
566	Никитин В.	Москва	2:58.47	636	Козлов А.	Химки	3:06.01	706	Фадеев В.	Протвино	3:13.15	776	Перегудов Д.	Москва	3:26.27
567	Ганчиков А.	Одинцовский	2:58.54	637	Калмыков И.	Ивантеевка	3:06.04	707	Римачук Г.	Зеленоград	3:13.39	777	Кулиничев А.	Москва	3:26.28
568	Захаров Ю.	Орехово-Зуево	2:59.21	638	Вилков А.	Дубна	3:06.05	708	Судов А.	Балашика	3:13.45	778	Зуев Ю.	Москва	3:26.31
569	Проченкин Е.	Жуковский	2:59.23	639	Смирнов Р.	Одинцовский	3:06.07	709	Частыйский Н.	Москва	3:13.53	779	Засосов А.	Реш	3:26.34
570	Арустамов А.	Москва	2:59.47	640	Каравай М.	Москва	3:06.10	710	Иванов П.	Москва	3:14.32	780	Прудников Н.	Жуковский	3:26.43

Из журнала «Лыжные гонки», N 3—4, весна 1997 (стр. 66—71)

На последующей за этим традиционной и престижной мартовской *Гонке Славы* в Ромашково старт был по типу *гандикапа*: разделяло через 1 минуту в порядке возрастных групп. Там же участвовал и национальный герой СССР — Слава Онищенко (знаменитый скалолаз и снежный барс, участник первого восхождения по феноменально сложной юго-западной стене Эвереста, врач-терапевт по основной профессии, все с тем же неизменным ровнейшим серым ежиком густых волос, как сейчас вижу, как он выигрывал все весенние альпинистские кроссы и в свободном стиле ходил по всем стенам Царицино, а много позже он сутки простоял один как перст на обдуваемой всеми ветрами, отвесной как бритва, непроходимой стене в Швейцарских Доломитах после срыва в камнепаде своего друга и напарника, *Тигра скал* и неоднократного чемпиона СССР Михаила Хергиани). Его группа (55—60 лет) стартовала на минуту позже, но когда ее головной *паровоз с элитным эшеломом* прогрохотал мимо уже на 3-м км изнутри стремглав вырвался крик: «Слава! Давай, жми!!!» Слава аж голову повернул назад от неожиданности: что это, мол, там за неизвестный *чайник* расшвырялся, а проще сказать — Мудак? (*мудак*, как известно, — слово древнееврейское, означающее *озабоченный*, в религиозном смысле, разумеется). Однако еще через километр были два глубоких нырка в овраг, в которых головной эшелон старшей возрастной группы налетел на хвост предыдущей и *все смешалось: кони, люди...* Видя такое дело, быстро сняв лыжи, *чайник* взбежал вверх по склону из нырка мимо застрявшей и чертыхающейся толпы, издав победный оглушительный вопль: «Впервые в жизни обогнал самого Онищенко!!!».

*Убегая от навязчивых мыслей,
утром в Бицевский парк,
где уже готова сорваться
элитарная лыжная гонка закрытия
безвозвратно уходящего сезона,
и скользя под жгучим весенним солнцем,
по сплясшему белоснежному покрову,
в изматывающих подъемах
и головокружительных спусках,*

*Провозжая восхищенным взглядом
прелеотающих мимо
и закованных в доспехи
юных богоподобных героев,
и стремительно-вечных ветеранов,
наслаждаясь полным одиночеством
и неземной торжественной тишиной,
невольно тянет
остаться навечно скользить
по этой немислимо фантастичной
антиреальности... [март 1999]*

Бежалось в этой 30-км гонке тяжело (вся трасса — из сплошных подъемов и спусков, кормежки не было никакой, а истинный *чайник* на ней был только один, поэтому его последовательно обошли сначала все дедушки, а затем — девочки, девушки, женщины, и одни только бабушки катили на равных, хотя конечный результат также был наилучшим в жизни 2.10), и только на последнем отрезке пришел легендарное окрыление, когда ноги ставятся в безупречном ба-

лансе, чувствуя рельеф лучше глаз, тело парит легко и свободно, дыхание ровно и мощно, мысли почти исчезли, а стремительность наката приближается к скорости ветра. Крайне редко удастся попасть в это таинственное отрешенное и свободное состояние духа. Очень точно сказал про него величайший метафизический сказитель нашей планеты Петр Пустота (которого часто путают с никому не знакомым В.Пелевиным) — поэт серебряного века, служивший комиссаром у известного мистика и комдива Чапаева (безвозвратно погрузившегося в воды Условной-Реки-Абсолютной-Любви): *«Золотая Удача — это когда Особый Взлет Свободной Мысли дает возможность увидеть Красоту Жизни»* (образ же Чапаева из одноименного фильма настолько впечатлил в свое время детскую фантазию, что, мечтая о такой же завидной судьбе и часто рубая в одиночестве, стоя на диване, как на боевом коне, всех неизвестных врагов привезенной отцом из Китая микро-саблей, однажды удалось вогнать ее себе в ногу на пол-лезвия и по этому шраму еще долгие года удавалось безошибочно отличать правое от левого, а моя бабушка Вера на аналогичные вопросы своих детей отвечала просто: *«Какой крестишься — та и правая»*). Однако даже и всеми этими "великими подвигами" в тонких (так называемых *астральных*) планах не удалось помочь Саше. Да и кому еще этим удалось помочь?

«Думающий, что он может убить, и думающий, что он может быть убитым, оба одинаково заблуждаются. Человек не может ни убить, ни быть убитым».

Он не рождается и не умирает; раз получив бытие он не перестаёт существовать. Нерождённый, постоянный, в#чный и древний, он не убить, когда тело его убивают»

[Бхагавад Гита, II—18]

А.М.Люцко в июле 1997 на последнем 2-ом выпуске своих дипломированных студентов

Мне представляется жизнь Саши на этой Земле была актом непрерывного подвижничества во имя светлых идеалов, которым противодействовала вся окружающая реальность. Будучи крайне чувствительной натурой, он чрезвычайно болезненно воспринимал традиционно лицемерную, жестокую, подлую и предательскую действительность закулисной борьбы за кор-

мушки в высших научных и политических сферах (вынужденный интенсивно соприкасаться с ней) и все более замыкал это отчаяние в себе. Как говорил более поздний и молодой друг по философии религии Женья Волков (выполнивший все мыслимые и немыслимые исследовательские эксперименты со своей душой и телом: как-то раз, по дурости, я чудовищно обжег сетчатку сваркой и всю ночь корчился на полу от неопишуемой боли, а Женья тогда, по счастью, ночевал у нас: *«Ну, это я уже проверил очень давно на себе — не пройдет и пару дней, как полегчает»*): *«В связи с демографическим взрывом и переходом многих продвинутых душ к выполнению более важных задач,*

астральные врата между животным и человеческим царством были раскрыты шире. И массы вчерашних зверей просто балдеют от неизмеримых возможностей, предоставляемых человеческой формой». Но, несмотря на все эти капканы, обманы, предательства и удушья, Саша всю свою жизнь боролся как **Истинный Воинь**:

- В Белорусском Государственном Университете он создал и читал новейшие, им созданные курсы лекций по многим разделам ядерной физики, и их слушателями были сотни студентов, десятки из которых сейчас, быть может, уже составляют суперэлиту действительной науки братской Беларуси — земли, которая потеряла своих никогда не порабощенных сынов и дочерей в Великую Отечественную неизмеримо больше, чем кто-либо когда-либо еще на этой Планете.
- Бросив все свои звания, достижения и благополучие, в 1978г. он устремился во Владивосток на строительство новых грандиозных научных проектов, надеясь собрать вместе всех единомышленников, и основал с полного нуля в Дальневосточном Институте биоорганической химии единственную по ту сторону Урала радиометрическую научную лабораторию, основав ее по последнему слову современной науки, техники и интеллекта.
- Сразу после Чернобыльской Трагедии он еще раз смог бросить все созданное и помчаться один-одинёшенек на помощь Родине (будучи ведущим в Стране ученым-радиологом), где сумел-таки основать в 1991 с полного нуля и в условиях развала Великой Державы международный учебный центр Радиозкологии во имя исправления последствий чудовишной Катастрофы и предотвращения нашей Матери Земли от подобного. Стоит надеяться, что часть его студентов впитала его всепобеждающие славу, благородство, добродетельность, романтизм и альтруизм.

Степень одиночества, вынесенного Сашей в этой его борьбе, потрясает до глубины костей: много лет он жил совершенно один в совершенно пустой от всякой мебели и друзей квартире на проспекте Пушкина в Минске с одним только спальником на полу, дыша только своим институтом, его студентами, которых надеялся приобщить к восприятию истинной природы нашей Матери-Земли и вырастить из них Истинных Воинов против дьявольского уничтожения человеками Жизни во всех ее проявлениях (и сколько же для этого ему пришлось еще просить и умолять, уговаривать, убеждать и требовать, писать и выступать, и у себя на Родине, и на Западе, вплоть до всяких там ихних Палат Лордов и Всемирных Ассамблей). Но и в этом его, по-видимому, тоже преследовали глубокие разочарования в современной воровско-предательской действительности. Всех старых друзей мерзопакостная реальность изувечила и раскидала по тьме и полумраку, и подзабыли они славный дух их юности: семья живет на краю света, Данилка — в Праге, Вейлкин пропадает в Раубичах, Оля Лысенко, Дюргеров, Малек и другие — зарабатывают кусок хлеба по заграницам, Новожилов — в постоянных командировках на сборах, Гракович исчез, Рем Хохлов (романтический ректор МГУ, с которым Сашу связывало так много надежд и планов) внезапно и славно погиб на восхождении в высочайших горах Памира, и год назад даже Сашу Чуланова (полудервиша-поэта) зверски убили, а сволочь Кулаичев совсем не звонит, зарылся в своей гонимой Москве или уже давно раздавлен танками в 1991 или в 1993. Вот так интересно и получается, что все долгие 30-лет многих жизней скромно умещаются всего лишь в четыре десятка страниц убористого текста! Поэтому не стоит верить всяким пустоболам и фоно-

плётам, сочиняющим о своей жизни целые романы — все это чистейший вымысел, значимых событий в жизни — раз, два — и обчёлся, да и только тогда, если есть глаза, чтобы видеть.

Часто видится, как погиб Саша. В прекрасной солнечной и благословенной земле, в древней стране истинных и веротерпимых воинов-сельджуков во имя Правой Веры в Единого и Невыразимого Бога Аллаха (Элохим — по Библии на древнем иврите, *триединый Святый Дух—Отец—Сын* — по христианскому канону), с прекрасными и сильными друзьями, на пути к прекрасной Вершине он вдруг и Навсегда понял: *«Я страшно устал. Я все уже сделал и показал, но никто ничего не понял — стремиться больше не к чему. Все остальное — не более чем ненужное навязчивое повторение. Более чудесного мгновения уже может не представиться. Прощайте братья!»* Это — как внезапная вспышка — сердце замирает от моментального прозрения и душа устремляется в царство Свободы и Абсолюта.

Последний привал перед Вечностью 4.9.97
(фото Давида Рандалла)

= *Спаси Бог! Врата Перехода* приоткрылись 16 мая 1997 и предо мною в юго-западном Ерушхалаиме на подходе к Православному Храму Святого Креста (с могилой Шота Руставели, посланного туда царицей Тамарой и распившего там, будучи монахом, стены) — пришлось схватить крепко себя обеими руками и долго убеждать, что кое-что осталось еще доделать.

К нам же, еще живущим в этом прекрасном и печальном мире, приходят на память слова из любимых народных песен:

А труды по искусственному дыханию, транспортировке вертолетом в клинику и прочие печальные обязанности взял на себя последний соратник и спутник David Randall (ослепительно бело-брысый атлетический норд, прошедший войну во Вьетнаме), ученый секретарь Кингстонского университета Великобритании: *«Кто сможет интерпретировать эмоции, отразившиеся на лице Александра Люцко в тот самый момент его последней борьбы на [этой] земле? Для меня они виделись как смесь боли, неверия [в происходящее], проклятия этому повороту судьбы, и одновременно это был вызов, как будто он отважился [позволить] своему неподчиняющемуся телу совершить наихудшее»*. И за все это Давиду наше искреннее и земное русское спасибо

«Тече-е-е-т, вот, течет реченька-а-а, ох да по песочечку-у-у,
 Мое-е-ет, о-ох мое-е-ет золотишко-о-о,
 А молодо-о-ой жульман, ох да молодо-о-о-й жульман-н-н
 За-а-а-р-р-р-работа-а-а-л-л вы-ы-ы-шку-у-у,
 А молодой жульма-а-а-н-н-н, да молодо-о-о-й жульма-а-а-н
 Зара-а-а-бота-а-а-л-л вы-ы-ы-шку-у-у.
 Тече-е-ет речечка-а-а, да по песочечку-у-у... »

Все думаю: а может быть тридцать лет назад Саша увидел и сошелся со мной, уже зная о том, что нужен, наконец—то, хоть кто—нибудь на этой пустынной земле и в этом вечно и безумно занятом мире, кто смог бы пропеть балладу Во—Славу после смерти (может быть никому более и не нужную эту балладу)?

«Все года и века и эпохи подряд,
 Все стремится в теплу от морозов и вьюг,
 Почему ж эти птицы на Север летят,
 Если птицам положено только на Юг!
 Слава им не нужна и величие,
 Вот под крыльями кончится лед,
 И найдут они счастье птичье,
 Как награду за дерзкий полет!

Как давно снятся нам только белые сны,
 Все иные оттенки снега занесли,
 Мы ослепли давно от такой белизны,
 Но прозреем от черной полосы земли.
 Наше горло отпустит молчание,
 Наша слабость растает как тень,
 И наградой за ночи отчаяния
 Будет вечный полярный день!

Что же нам не жилось, что же нам не спалось,
 Что нас выгнало в путь по высокой волне?
 Нам сиянье пока наблюдать не пришлось,
 Это редко бывает — Сиянье в цене!
 Тишина — только чайки как молнии,
 Пустотой мы их кормим из рук,
 Но наградой нам за безмолвие
 Обязательно будет звук!

Север — воля, надежда, страна без границ,
 Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья,
 Воронье нам не выклюет глаз из глазниц,
 Потому что не водится здесь воронья.
 Кто не верил в дурные пророчества,
 В снег не лег ни на миг отдохнуть,
 Тем наградой за одиночество
 Должен встретиться кто-нибудь!»

[старинная народная песня]

Саше всегда нравились мои редкие письма. Может быть и это последнее сочинение пришлось бы ему по душе. Да будет волей Господа крупица истины и силы в этой неотвратимой балладе!

Как часто говаривал легендарный Жуан Матус: «Мы всегда одни. Эта — наша судьба, как светящихся существ... Радостность Воина идет от принятия своей судьбы и от принятия того, что лежит впереди»... Дон Жуан опять ласково погладил землю: «Это любимое существо, которое живо в своем последнем убежище и понимающее каждое чувство, успокаивает меня, и когда, наконец, я осознаю мою любовь к нему, оно учит меня Свободе».

[Сказание было сотворяемо ежедневно с 13 октября 1997
и впервые оформлено к 23 января 1998 — дню рождения Саши Люцко]

*«For all you care this wine could be my blood
For all you care this bread could be my body
The End...
This is my blood you drink
This is my body you eat
If you would remember me when you eat and drink... »*

[Tim Rice]

Стихотворение 1

сотворено на окраине столицы СССР к 23.1.82 и посвящено 40-летию А.М.Люцко
в далеком Владивостоке

Называется: *«Некоторые раздумья
о чем-то разумном»*

Посвящение:

*Люцко на кромке континента
Всегда в заботах призван жить,
И с нетерпеньем ждать момента,
В страну фантазии улечь*

Краткое содержание:

*Все, что было, то улечило,
Все, что будет, то пройдет,
Что меня куда манило,
Никто в мире не поймет*

Предисловие:

*Брожу, таская еле ноги,
С трудом решая каждый шаг,
Не по тропе, не по дороге,
А кое-где и кое-как*

Эпиграф:

*Вперед, вперед, мой конь могучий,
Там за простором голубым,
Встают стеной такие кручи,
Взойти куда достойны мы*

Основной текст

*И вот опять вдруг день рождения,
Как будто с крыши снежный ком,
Так озадачил на мгновенье,
Заполнив сразу все кругом
Неужто год уж в вечность сгинул?
Еще один придется жить,
Без подготовки, без каникул,
Как можно что-нибудь решить!?
Куда иду, где суть зарыта?
Ах этих мыслей злая свора!
Как у разбитого корыта,
Ни в ком, нигде мне нет опоры
Так прочь от них — в движенье сила!
Идти, лететь и плыть на волю,
Где наша память не бродила,
Где все проблемы смыло море
Там в океане островами,
Полна вся бездна бытия,
Там, там, там, там — там за волнами
Лежит, что нужно нам, сполна*

Заключение:

*Здравствуй, здоровью, день прекрасный,
Солнце брызжет из-под туч,
Стало все светло и ясно,
Дух наш крепок и могуч!*

*И взор заполнен далью дивной,
Его не мутит ближний мир,
Так в суматохе дел привычной,
Воздвигнут временный кумир
Но вот приходит день заветный,
И все старания — в прах!
Вопрос загадки безответной,
Вновь возникает на устах
Вопрос ребром — воскреснуть снова?
Рожденья муки испытав,
На все, что нам давно знакомо,
Взирать, как малое дитя
И в этот новый день рождения
Хочу с надеждой пожелать,
Чтобы, отбросив все сомненья,
Рождаться каждый год опять
Случился стих, большой, певучий
В морозный ясный день зимы,
Зачем возник он, как попутчик?
Куда уйдет, не знаем мы.*

Основные выводы:

*Творенье завершено
и точка отлита,
Томленья вновь разрешено,
тоска с души снята.*

Некоторые стихи, подаренные Сашей Люцко

*Из края драников, картошки,
Мы, белорусы с колтуном
Тебя дерем за уши, Лешка,
И поздравляем с этим днем!*

*Расту большой, дыши Арбатом,
Но лучшие все же вмести с нами
- На крючьях, с фотоаппаратом
Дышать прекрасными горами!*

*А если хочешь жить без риска,
Не надо пить шотландский виски,
А если пить – то только в Минске,
В кругах совместных, альпинистских*

[подарено на день рождения после дегустации
на Патриарших недавно появившемся виски
Club 66, бутылка которого до сих пор жива]

* * *

*И полководцы всех времен:
Моше Даян, Наполеон,
И мореплавателей круг:
Отважный Беринг, бедный Кук,*

*Любили в час победный свой
Подзорной хвастаться трубой.
От Галилео Галилея
Привет коллеге Алексею!*

[стихотворение сопровождало подарок подзорной трубы на день рождения]

* * *

*Ну вот и лето уж к концу,
Среди болот и просек...
И мокрой веткой по лицу
Меня задела осень*

*И как крадущийся туман
Проводит осень кистью,
Роняя с веток мне к ногам
Желтеющие листья*

*Порой грустим мы без причин,
Но веришь ли в приметы?
Среди пылающих осин
Сгорает мое лето...*

* * *

*Что берег – лиственные кроны,
Куриный мир, домашнее крыльцо...
Такой я, что пассаты и муссоны
Всегда навстречу дуют мне в лицо.*

С рождением задаётся темп желаний.

*И ты своё желание отыщи,
Вот ветер, натянув меридианы,
Свистит сквозь них, как камень из пращи!*

*Где тишина, там скарб фамильный нажит,
Там – затхлостью пропахнувший застой,
А ветер изначально будоражит
И движет в путешествие с собой!*

*Стихии вечно плещутся о сушу,
Длина границы – сотни тысяч миль!
Переступи, наполни ветром душу!*

Уж лучшие шторм, чем самый лучший штиль!

[А.Люцко, 1985] С днём рождения, Лёша! Я тебя поздравляю Сашиными словами. Будь!
[Лера Мамонтова, 2.98]

Стихотворение 2

сотворено на окраине столицы СССР к 8 мая 198? и посвящено 30-летию Данилки в Минске

*Данилке рады мы всегда,
И видеть мы ее желаем,
Хотя она так занята,
Но мы надежды не теряем
Полно забот, везде проблемы:
Семья, работа, масса дел,
Неразрешимые дилеммы:
Быть или не быть и где предел?*

*Сюда успеть и то увидать,
И оправдать доверье масс,
Руководить и все предвидеть -
Да, эта ноша не для нас!*

*На рубеже десятилетий
Данилка в грусть погружена:
А не напрасно ль все на свете,
Неужто молодость прошла?*

*Другая жизнь не наступает,
Идет все эта день за днем,
И все чего-то не хватает,
Чтоб хорошо было кругом*

*Данилка, не тоскуй напрасно,
То, что дано – не потерять!
Есть жизнь лишь эта, а не сказка,
Ее так трудно осознать*

*Несовершенно наше время
Несовершенен наш устрой,
Но разве доля человека
При жизни обрести покой?*

*И все бывшие представленья
Теперь не больше, чем туман,
Что пеленой всеобъяснения
Застит глаза на вещи нам*

*Отбросим принятые мерки –
Кто сколько прожил, что успел,
Родились мы на свет, наверно,
Не чтобы уставать от дел*

*Все то, что было, все осталось,
И было то – всего лишь шаг,
Который сделать нам мечталось
Во многом может быть не так*

*Но все потери – не потери,
А только лишь борьба стихий,
Они для нас – приобретение,
Чтоб осознать, чем живы мы*

*Среди непознанных столетий
Классическим, проверенным ямбом
На стыке трех десятилетий
Данилке поздравленья шлем*

*Мы поздравляем с новым миром,
Который предстоит открыть
За тем, что кажется унылым,
Каким наш мир не вправе быть!*

5. ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Александра Михайловича Люцко,

сказанные им на торжественном выпуске студентов в июне 1997 года,

последние слова вторым и последним в его жизни выпускникам

Дорогие наши выпускники и коллеги! В периодической системе человеческой жизни сегодня такой важный день, значение которого мы с вами еще точно даже не представили. Может быть завтра мы опомнимся и поймем, насколько это важный день.

С перинатального возраста раннее детство вы потратили на то, чтобы просто быть человеком. Еще десяток лет ушло на то, чтобы стать человеком разумным. И вот после второго этого важного периода люди обычно уже могут обеспечить свою судьбу, собственную. А третий период, важнейший, который кончается сегодня, не для всех... Это особо избранная судьба, важная, поскольку это самый красивый период юности... человеческой. Который совпадает с учебой, с большой любовью, самой памятной, со всем, что запомнится навсегда.

Вот этот период, если он успешно пройден, после него человек может обеспечить не только для себя хорошую жизнь, но и качество, новое качество жизни для огромных групп людей, а может быть и для всего народа. Это принципиально и важно.

Я очень надеюсь, что в вас, во-первых, в каждого из вас мы постарались вложить не только свои знания. Но в каждом из вас — кусочек нашей души, наших нервов, может быть даже доля нашей жизни, здоровья. И может быть мы так бы не отдавали себя вам, если бы мы не предполагали, что ваша жизнь потом не скажется немножко, может быть на склоне наших лет, на всем качестве нашей жизни тоже, потому что мы все соскучились по красивой, нормальной, человеческой такой, гуманной, какой хотите, — стране, обществу и так далее.

Я хочу сказать от имени своих коллег, что мы будем без вас скучать. Обычно молодые люди все равно немножко эгоисты — они уходят, потому что они себя ищут. Мы прощаем этот эгоизм. Но мне кажется, что, по крайней мере, первое время, самое первое, вы тоже будете без нас немножко скучать. Приходите сюда, приходите в свою Альма Матер, где вы будете всегда желанными. Вы немножко поддержите нас, ваших старых учителей. И не забывайте, что за вами есть еще и маленькие ваши братья: первокурсники, второкурсники, третьекурсники... Они ведь на вас смотрят. Смотрят на выпускников.

Все, что мы сделали сейчас,... вы очень выросли, мы это заметили, особенно в последний год. И сейчас мы уверены, что у вас есть все, для того чтобы ваша судьба сложилась. Сложилась удачно. Я желаю вам счастья. И — в добрый путь.

Прошедшее ваше время было красивым, потому что жизнь была очень интенсивна, и мне в ней было очень много вещей любопытно, вот, посмотреть, узнать... А когда любопытно, тогда..., когда все хочется знать, тогда живешь интенсивно.

Так я вот с этой точки зрения вам скажу одну вещь, которая мне кажется важна. В самом начале 70-х годов ко мне пришел как-то, или привели, парнишку, спортсмена, очень хорошего спортсмена, тогда еще второразрядника по фехтованию. С бо-ольшими амбициями. И он сказал: «Знаете ли что, а вот я не хочу быть перворазрядником, потом кмс, потом мастером, потому что как только начнешь себе ставить вот эти ступени по очереди, обязательно на какой-то очередной споткнешься. Я хочу стать олимпийским чемпионом. И я думаю, что если я вот такую задачу себе поставил, все остальные эти самые ступенечки сами собой последуют». Это сказал человек, который стал олимпийским чемпионом мюнхенской олимпиады через три года. Я никогда этого не забуду...

И я тоже вам советую, не ставьте себе маленьких целей, ставьте большую, с самого начала, самую большую, на которую хватает фантазии. Вот... Да, может быть все не достигнуто. Но вы наверняка будете гораздо лучше по квалификации, по имиджу, по авторитету, чем человек, который хочет стать вот сначала там кандидатом, потом доктором, потом вот там еще

кем-то..., да, академиком... Сразу, сразу! — нобелевским лауреатом! Вот, хочу быть нобелевским лауреатом! Поставьте вот себе такую задачу. Не все будут нобелевскими лауреатами. Уверен. Но докторами будете все.

Вот я за этот максимализм. И я думаю, что мы вас отбирали так. А сейчас еще строже отбираем. Ваши последыши сейчас так отобраны, что будут тянуть до последнего. Я хочу, чтобы вы все стали людьми с совершенно необычной биографией, с совершенно необычной судьбой, где бы вы не начинали. За максимализм вот такой. Но максимализм просчитанный. Не максимализм дураков, а вот такой просчитанный. Прагматизм, во-во, правильно подсказываете. Садитесь. Покушайте с нами. Выпейте с нами. Хорошо.

Давайте вот в такие игры играть. Мы давно по сути начали так играть. Я призываю вас в сообщники. Хорошо? И поэтому я вот отвечаю просто на один вопрос. Сейчас театр, который вы послушали. Вот туда, в Эдинбург, поедет наш театр. Вы знаете наверное Пенегина, все слышали. Да, ну самый модный. Да, Коля Пенегин. Ну самый лучший режиссер, вообще известный сейчас. Он будет с сентября наш театр курировать. Потому что нам нужно тянуть за собой. Театр — так должен быть самый лучший. Стихи — так самые красивые. Да? И девушки должны быть самыми великолепными. Вот за это. Ладно?

Мы живем в непростое время и все должны отслеживать. Но мы выиграем. Мы всё считаем очень хорошо. We'll win — что называется. Все понимают? Потому что мы хорошо считаем.

Понимаем, что сиюминутные вещи есть сиюминутные вещи. А есть вообще страна. Богатая, красивая — посмотрите вокруг! Я был почти..., никто в нашей стране не был в таком количестве стран, в котором был я. Честно говорю. Включая Президента и всех остальных. Ни один человек в этой стране не был в таком количестве стран, в котором был я...

Самая красивая страна — у нас с вами... Богатая. Всё здесь должно быть. И всё зависит от нас. Поэтому мы так на вас надеемся.

А то, что Сахаровского института не знают, к этому мы тоже спокойно относимся. Все иностранцы знают дорогу к Сахаровскому институту. Все до единого. А у себя внутри не знают. Потому что внутри героев не бывает. В собственной стране. Что же — спокойно к этому относимся.

[студенты подняли тост в память А.Д.Сахарова] Никакого принуждения. Кто хочет встает. Абсолютно никакого... Потому что очень сложный человек. Очень сложный. Но безусловно абсолютно, это — гений. Вы понимаете, не все разделяют это мнение...

Я еще раз на Соросовском форуме последнем, поскольку там всё не просто... Я им сказал, значит вот: не разделяю вашей точки зрения. Денег у вас много. Так? У Сороса. У Сороса, понимаете. А вот идеи хорошие вроде, но интерпретировать по разному можно. А я разделяю идеи Сахарова и постараюсь, чтобы наши студенты эти идеи тоже разделяли. Потому что они честные. Это всего значит, всего что значит: **в чем уверен, то и говоришь, и говоришь только то, в чем уверен.** Только и всего.

Лет через пять вы можете быть поймете, что это важно, важно в вашей жизни. Вот. Я хочу только вас спросить вот о чем. Я провел тут несколько бесед с выпускниками, другими людьми. Я думал — во благо института. Не все понятно... Многие люди создали себе кумиров. А это иногда страшно. Когда кумир предаёт...

Я скажу вам несколько откровенных вещей, которые будут полезны. Я спокойно отношусь к предательству молодых людей — когда ученик предаёт учителя. Они себя ищут. Отношусь к этому спокойно. Они все равно мне звонят. Когда моим ученикам становится 30, 35 лет, они напиваются, звонят по телефону и говорят, вот, говорят слова любви и так далее, понимая все... Не приемлю предательства учителем учеников! Это настоящее предательство, которое ничем нельзя оправдать. Не желаю вам этого и уверен, что от Сахаровского института ваши учителя никогда вас не предадут. Это первое важное положение.

Второе... Вы наверное знаете, что мы не в простой стране живем, нам очень трудно... И я уверен вы будете занимать те позиции, которые помогут тому делу, которое мы делаем. Абсолютно необычному делу. Для всего мира. Учитесь у нас весь мир. Вам это не видно. Я еще раз вам скажу: нельзя смотреть на Эльбрус, восходя на Эльбрус. Вы увидите там трещины, вы увидите безумный, страшный ветер, снег, которого нигде не видели. Понимаете? Смотрите на него издали. Тогда это будут прекрасные женские белоснежные груди. Не смотрите никогда на женщину после тридцати, близко, рядом, глаза в глаза. Вы увидите, увидите там морщинки. Отойдите. Она все равно красивая...

Для того, чтобы увидеть великое, надо отойти. То, что мы с вами делаем, это очень великое дело. Только вы еще не понимаете, потому что вы еще рядом с ним. Отойдите. У вас сейчас будет возможность отойти и увидеть.

Я хочу... надеюсь на вашу поддержку. Что вы поможете этому великому делу, которого во всем мире нет. Это в самом деле так. Поверьте..., я непростой человек.

Я хочу надеяться на вас. Мы настоящие... вот, семья? Да... или нет?... Да! Всё. Вот за это!

Вот за это!

ПИСЬМА

«Вполне возможно, что в Искраженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно и не быть готовым к этому»

Данный раздел включает уникальную переписку, которая только одним своим существованием несомненно свидетельствует о том неоспоримом факте, что Вечные Ценности могут во все века и эпохи подряд возникать внезапно, сразу и навсегда. Но поскольку подобное случается в крайней мизерном проценте жизней, то обыденное общественное сознание убеждено, что такого не только не может быть, но и, более того, не имеет никаких прав быть никогда.

Вдобавок, в нижеследующем материале можно найти и достаточно много дополнительных неизвестных сведений по уникальному духу той далекой эпохи, а также по связанным с ним аспектам психологии, науковедения, географии, истории, философии и пр.

Письма Саши Люцко здесь приведены полностью, которые сохранились в моем архиве. Мои же собственные письма представлены фрагментарно, поскольку их удалось скопировать только из сделанных лично Сашей Люцко необъятных и уникальных обобщающих его фото—литературных альбомов, в которые он включил, вероятно, только наилучшие найденные в жизни эпистолярные произведения.

Привет, Лешка! Уже не в первый раз с удовольствием читаю твое письмо, а ответить не было никакой возможности. Точно так же, как и побывать на встрече узункольцев, о которой подробный отчет тебе, наверное, сделала Данилка.

Но вот сейчас передо мной лежит переплетенная диссертация — дышать легче и можно спать и отвечать на письма.

Два дня назад ночью, когда было сделано все, захотелось выпить за этот акт. Кинулся к телефону, но вовремя вспомнил, что уже 3 часа. Элементарно поддали с Леркой и все.

Теперь, слушай. Опишу по порядочному, что вышло после того, как мы расстались¹. Утром двадцатого появилась машина, на которую грузились рюкзаки. Мы этого случая пропустить не могли. Пока две хилых девчонки, охраняя рюкзаки, отправились на грузовик, весь лагерный контингент двинулся пешком. Шествие возглавлял Борода (помнишь — значись с дальнего Востока?). Мы попытались обойти. Борода немедленноотреагировал: «Если шагом, то напрасно, батенька, стараетесь!» — и двинул быстрее. Черт, как он ходит, ноги как ступы в колесе. Бороду мы все же обошли и очень долго ждали у каменоломни под дождем, пока грузовик, наконец, привез вещи.

Состоялась грустная и сердечная церемония прощания. Мы с Леркой остались одни. Пошел восьмой час.

Нас было двое, стало быть, два плана перехода Хотю—тау. Мой — быть в Баксане сегодня, Леркин — завтра. Тогда я еще не знал, что мы действуем по Леркиному плану, и пошел темпом. В 12—ом часу мы были в 2—х км от тропы на перевал, кончается лес. Захотели есть. Пока варено варилось, а было оно с перцем, и Лера стала варить другое, пошел дождь. Пришлось поставить палатку, разленились (это в 2 часа дня!) и не пошли. Вспоминали тебя: был бы Лешка, он бы такого безволия не допустил! Нас развлекали мальчишки из нижних кош, мы с ними подружились, поговорили о науке, о танках... От них мы узнали, что в Во-

¹ В связи с окончанием смены мы с Лешкой сходили за 20 км в аул Хурзук и принесли два рюкзака муската, а потом в другую сторону — к кошевикам за бараном. Процедура выглядела так: нам в кош приводили баранов и спрашивали: «Хорош?». Самого хорошего тут же резали и освежали. Тут же при луне готовили шашлыки. В это время с перевала Далар пришли туристы, узнали, куда идти дальше. Мы их догнали у мостика через Мырды, ведущего в лагерь — под мостиком они налаживали переправу. Свесившись с перил выразили удивление, что они затеяли учебные занятия в два часа ночи. Только сейчас туристы увидели в пяти метрах мост. Лагерь не спал. Ждал... [Из Сашиного альбома 1967 года]

рошиловском коше (у самой тропы) двое суток ждут погоды Ленинградские туристы. Как позже выяснилось, они в свою очередь теми же мальчишками были информированы о том, что на Хотю-тау движутся два "страшных" альпиниста.

Ушба – мечта горвосходителя

цию. На леднике пришлось связаться. Туристы подняли руки вверх, а мы с Леркой их объявляли. Между двух ледопадов прошли совершенно ювелирно, лишь один раз я чуть-чуть провалился до колена. Потом пошли кряжи вулканические (с Эльбруса морены), на них марки. И вот мы подошли к тому месту, откуда был уже виден Старый кругозор. А на нем, к моему изумлению, стоял башенный кран, ездили машины, было множество людей: строили подъемную канатку на Приют-11. Но к этому времени тропа кончилась, слева были бараньи лбы, справа грандиозный ледопад Азау, а прямо "психологическая" сыпуха с концом в виде шестисотметровой стены. Делать ничего, однако, не оставалось, и после разведки мы пошли прямо. У меня патологическая боязнь камней, однако никакие предупреждения, ни личная слежка не помешали туристам спустить на меня пару килограмм. Но, слава богу, мы уже оказались в безопасном месте. Принимали благодарствия и выглядели дорогами.

Поразила цивилизация. Здесь от самого Кругозора начиналась дорога, потом асфальтированная, стеклобетонные гостиницы и т.д. Конечно, попили нарзан. Было совсем темно когда мы оказались в лагере. Мокрое от дождя, грязные и потные. Борька (наш родственник, который в Баксане работает врачом) ждал нас с вином и фруктами: помидоры, огурцы, настоящая картошка, яблоки, абрикосы! Мы здоровы.

Пришел начуч Юра Гави, стал спрашивать, как у нас дела. Оказалось, что на всем Кавказе, кроме Узункола, ни в каком лагере никто ничего не ходил! Представляешь! Разрядники в Безенги сделали одну двойку и все!

Юра сообщил, что на 28-е назначили штурм Эльбруса Кабардиниадой, а после 1-го обещают еще ухудшение погоды. Куда хуже? И так на улицу невозможно сунуть нос. Однако после, от наших друзей, мы услышали, что такие дальнейшие ухудшения могут. Был обвал, в результате которого не осталось целого поселка, пошли сели, в горах шторма, а наших друзей сняли в полуживом состоянии с 46.

Мы решили ждать. Тем более, что для подтверждения разряда мне нужна была двойка. И потом испытать себя на Эльбрусе было соблазнительным. Нас включили в альпиниаду Ка-

Утром погода не изменилась. Палатка за ночь вся промокла. Однако в 9 мы вышли. В Ворошиловском коше хотели купить брэнзу, однако кошевников там не оказалось (не живут). На соломе спали туристы и только дежурный разводил костер. Были приветствия. Юноши в принципе рвались на перевал, однако в такую погоду идти даже не помышляли, тем более что, кроме руководителя, в горах до сих пор никто не был. Мы предложили, если есть у них такое желание, провести их через перевал, если соберутся за полчаса. Так оно и получилось. Вышли на тропу. Трава высоченная, до пояса, вся мокрая и холодная. Сверху спустились две группы, рассказали, что двое суток ночевали на перевале, там идет снег, холодно, маршрут проходим, трещины в 100—150м. Мы послушали и пошли дальше. Скоро пошел мокрый снег, вся трава стала белой и скользкой.

Я очень давно (лет восемь назад) был на Хотю-тау и совершенно четко себе представлял, что с западной стороны снега нет. Однако этот год оказался аномальным. Был абсолютный туман, и я полагался на свою интуицию.

бардино—Балкарии (здесь почти все от участников и инструкторов до начучей — знакомые или друзья).

26-го вышли на ледовую базу (3800м). 27-го киношники строили из участников буквы, приветствия и т.д. Поскольку работники искусства на вершину лезть не рисковали, решено было для кино устроить манифестацию покорения вершины. Представь, тысячи человек с "ура", лозунгами, транспарантами, знаменами, довольные и улыбающиеся бегом штурмуют кашеру. К сожалению, на самом деле все выглядело немножко наоборот.

День акклиматизации окончили в палатках, пели песни (пришлось выучить «Вертикаль»), слушали приветственные радиogramмы со всего Союза. В час ночи по красной ракете был объявлен подъем. Из динамика сказали, что ледовый гигант благодушен и ждет своих покорителей. Да, такого еще не бывало: весь Эльбрус, от подножия до вершины стал белый, как молоко, на черном ночном небе, и *совершенно чистый* от облачности. В две колонны вышли на склон. Прошли Приют—11, стали подниматься выше. В голове все время стучала мысль: дойти, чего бы это ни стоило! Несмотря на мороз, горячку и т.д.

И вот у Приюта Пастухова (4800м) началась повальная горная болезнь². Вниз шло больше, чем вверх, люди обморозились. То, что казалось ранее демонстрацией, уже не существовало. У седловины спустились на носилках нашего командира колонны Абиля. В прошлом году, если помнишь, писали о мотоциклисте, который поднялся на Эльбрус. Так вот мотоциклиста с седловины спустили вниз, а мотоцикл на вершину поднял этот самый Абиль.

Дальше началось самое трудное: мороз -35°, ураганный ветер. Эти четверста метров вверх от седловины прошли только немногим более двухсот человек. Несмотря на маски, кожа на лице обгорела и слезала рваными кусками, некоторым на глаза делала новокаиновые повязки.

У меня от дыхания и от мороза маска превратилась в ледяной ком и ее пришлось сорвать. Те, кто шли на вершину, волокли на себе одного—двух, многие лежали в пятидесяти метрах отсюда, так и не сумев собрать волю для последнего рывка.

У нас как—то все обошлось. Были пуховки, правда на руки пришлось надеть шерстяные носки, и только у седловины сдавило виски. Но какая была панорама! Весь Кавказ от Казбека до моря! А вершины на хребте были меньше пупырышка. Нашел Гвандру и Далар, но они не оставили никакого впечатления — маленькие буторки! А на вершине стоял чудом не смывтый метелями мотоцикл, бюст Ленина (это мы принесли), Кирова (?) выкопали из заносов.

Потом длинный—длинный глассер! Было на что посмотреть: настоящая Апиева дорога! По обе стороны лежат без движения люди, которым уже все безразлично. Мы попали в погодное окно. Утром метелью занесло наши палатки на Ледовой базе.

Вот так. Дальше Кабарда миру на удивление устроила банкет с икрой, вином и пр. и пр. Времени у нас уже не было. В Безенги идти не было смысла, Лерка улетела самолетом. Я собрался идти через Донгуз—Орун на юг, но началась страшная непогода, одному идти было скучно. Очень тепло проводили ребята. Инструктора предлагали идти с ними на четверку. Много соблазнов. Но мое несчастье — моя диссертация, конечно, оказался в Минске.

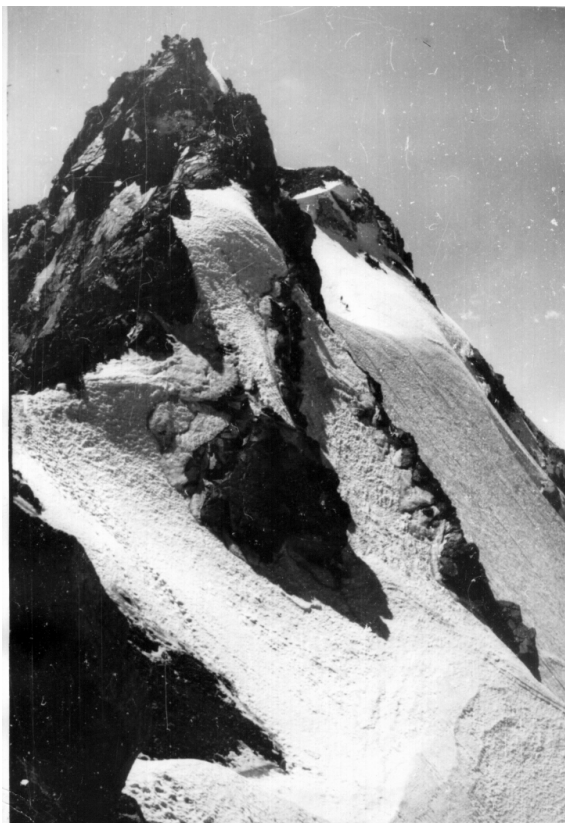
Такие пироги. Сейчас переезжаем на новую квартиру. Фотографии, как сам понимаешь, еще не делали. Тем более что в Минске сейчас, кроме цветной, никакой фотобумаги нет.

Была сделана проба. Конечно, это очень плохо, как видишь сам. Но пленки хороши, так что появится бумага — и фотографии будут. Думаю, что в Москву мне удастся выехать. Тогда всех вас непременно соберу. О ваших похождениях слышал от всех вместе и почти от каждого в отдельности.

По поводу планов. Они те же. Хочу на Памир. Кстати, из Москвы это сделать проще. Вот, ежели приеду, займемся. Наши ходили на пик Ленина. Рассказывали страсти не хуже, чем я тебе описал.

Вот так. Бери пример и пиши длинные письма. Привет от Лерки, Данилки, Оли и остальных. Да, на зиму тоже собираемся. Есть разные планы: Карелия, Кольский. Я за зимний Кавказ. На эту тему горят теперь и товарищи. Твой. [сентябрь 1967]

² Все время проводятся митинги, последний на седловине. После митинга... все спускаются вниз, на вершину идут только желающие. Шквальный ветер, порошкообразный, пескообразный снег в лицо, холодно. На вершину поднялось менее 140 альпинистов. С нами жетоны на 2000 человек, которые оставляются потомкам, если они придут сюда через 50 лет. На седловине просимся у Кахиани сходить и на западную вершину, но он только машет рукой: «Посмотрите, что делается! Лучше помогите спасателям». «Дорога» вниз вся заблевана, везде лежат по ее обочинам люди. Некоторых удается «взять» уговором, других поднимаем ледорубом. Один «дался» очень нелегко, плачет: «Знаешь, где я был? На самом верху!...» [Из Сашиного альбома 1967 года]

Связка—двойка на предвершинном снежнике в Сов. Воин в Баксане

надежды не теряю. Вот вроде и все пока. Привет всем, Лерке, Александру и, конечно, тебе!

До свидания. Леша. [22 сентября 1967] P.S. Посылаю свои шедевры (лучшие).

Здорово, Леха! Сегодня легко дышать, сегодня кончились попойки, кончился мой спорт. Жаль — завтра я уже буду работать под крик моего бэби.

Лерка родила девочку (по-видимому, Таньку) и уже сочиняю ей гороскоп. Я хотел сына, красивого и сильного, но звезды плохо расположились.

Правда, не все потеряно, ребенок развивается раньше времени, живой и подвижный. С полутора лет начну обучать ее языкам, а затем искусствам, и если это воспитание пойдет впрок, постараюсь, чтобы у моей дочери жизнь была такой, какую я не сумел сделать сам.

Пока же воднолыжники ждут ее у лыжников, туристы в походах, альпинисты в горах, а кафедра хочет ядерщика. В то же время друзья, отцы сынов спорт о руке, в доме сплошные праздники, а у Лерки в больнице сотни людей, так что администрация возмущается и не понимает, чей это ребенок.

Два шутника подарили розы и записку: «Что ж, Лерка, если такая, как ты, давай хоть миллион!»

23-го произошла защита, и после волнений, нервного напряжения, встречи оппонентов и моего рождения, на банкете я быстро отключился. Так что теперь уж я кандидат.

Лыжники притащили великолепные водные лыжи, скоростные — такой подарок не снился и богам!

Теперь я попробую описать нашу общую жизнь. Но трудно. Столько было народу в эти дни! Ты поймешь — такое количество праздников трудно перенести, и я устал.

Был Малек, пел. У него уже есть своя песня. Сейчас уехал в Карпаты. Ленька тоже на Карпатах. Туда же уехала Данилка. Почти все бросились в Карпаты — отдохнуть и кататься.

Привет, старина! Получил твое письмо. Обрадовался, конечно, здорово. Молодчина! Такое сочинение отгрохал. Я читал запоем. А фотографии просто чудо, правда это не мешает заметить, что с негативами надо обращаться поаккуратнее, а то после одного, двух печатаний будут одни царапины. А в общем здорово! Фото Доломитских озер прямо хоть сейчас на выставку. Вижу как тяжело тебе с бумагой. Посылаю 4 и 5 номер, печатай на здоровье, если будет время, а не будет — заставь кого-нибудь из наших, а то они совсем залянутся.

Да, совсем забыл. Горячо поздравляю с диссертацией. Ты, наверное, двужильный — такие горы ворочаешь. Но главное — не останавливаться на достигнутом!

Твоим рассказом, как уже говорил, зачитался. Слов нет. Жаль, что я с вами не полетел. Но такова жизнь. Ничего не попишешь — кусай локоток. Каб-Балкария, конечно, аферу провернула грандиозную. Здесь писали, что 2000 уверенно залезли и оставили свои имена где-то. Главное, "узункольцы" не подвели. Думал над твоими предложениями. Пока ничего сказать не могу. Может скоро перейду на другую работу. Подпольная лаборатория, молодые, веселые ребята, куча идей и энтузиазма. Начинать почти с нуля. Это по мне. Не знаю, как насчет отпуска, но

Приезжал Володя — наш стажер. Был чудесный вечер, мы тут попили, попили, погрустили. Были медики, Панков, Олюшка и [...] Тут всех и всего не опишешь! Даже наша Инна (инструктор) прислала письмо. Едет на Кавказ, ждет там летом всех.

Хочется, хочется, хочется... И так трудно теперь руководить планами! Думаю все же, что если не Австрия, то хоть на пару недель на Кавказ (про Памир теперь не говорю). А в мае, конечно, будет водный маршрут. Когда полностью созреет план, непременно уведомя.

Сессия уже кончилась, и теперь ты отдыхаешь? Как? Где?

Обнимаем. [февраль 1968]

Ну, Леха, я виноватый. Но поверь, до сих пор никакой ясности нет и поэтому даже это письмо преждевременное.

За это время был в Ленинграде. В разное время туда ездили еще трое из нашей секции. Все вояжи были связаны с обменом разрядных путевок на Памир. К сожалению, кончилось все неважно. Сделали кое-что по мелочам. В частности, приобрели одну путевку в Талгар (Тянь-Шань).

Теперь вопрос, куда ехать. Если в Талгар — с 3 июля и одному. В Алибек — с 22 июля и группой. Так что еще не решено. По-видимому, второе. После смены тогда еще будет Безенги. Кстати, в Нальчике можно будет все разузнать по поводу трудоустройства. Еще с 3 августа у нас будет школа горного туризма (в Домбае). Данилку вчера видел — путевки она, конечно, не достала, но поедет в школу. Ничего, на следующий год мы позаботились о большом количестве путевок — будет проще. Для разрядников заказали коллективную путевку (30 дней) в Аламушскую смену.

По поводу обмена Шхельды на Домбай. Знаешь, сделать это можно, но, по-видимому, ни к чему по таким причинам: 1) Шхельда — лагерь очень хороший, пожалуй, не хуже Алибека; 2) все равно у тебя не будет там знакомых, тем более, что в 4-ю смену у нас всего 3 или 4 путевки. Эти ребята тебе не знакомы.

Теперь по поводу личной жизни. Сама жизнь, в общем, бывает разная. Тренировки со студентами в связи с сессией прекращены. Начали тренировки разрядников. Время не очень удобное — 9.30 вечера, но самое оптимальное для всех. Тренируемся у Дворца Спорта на стадионе «Трудовые резервы», потом бежим до озера и купаемся. Так что потом трудно уснуть.

Танька совсем золотой ребенок. Вчера делали прививку. Пискнула раз и все.

Теперь у меня есть сложный вопрос, и, Леха, если можно, прошу помочь.

Дело такого свойства.

В моем институте меня сделали старшим научным. Я не противился, потому что пришлось бы мотивировать отказ, т.е. рассказать, что собираюсь увольняться. А это значит раньше времени вызвать грандиозный скандал.

Мои планы такие. До 1 сентября найти работу и уволиться сразу после отпуска. Теперь, куда уходить? Можно в университет, но без Сошина не хочется. У Сошина лаборатории не получилось, т.е. Гродно отпало. Может в Москву (ЦНИИУВ), но это тоже не по мне. Хочется поближе к горам или на восток.

Пока написано в Норильск. Но ничего хорошего оттуда не жду, и потом опять же — большой город! Про другую возможность в Нальчике (писал — институт геофизики) узнаю сам. Было бы очень здорово работать где-нибудь на Памире (скажем, на метеостанции л.Федченко). По-видимому, все памирские заведения (НИИ, лаборатории и пр.) подчиняются каким-то московским учреждениям. Каким? Видимо, институтам геофизики земли или метеорологии и т.д. На Памире и Тянь-Шане у меня связей нет. Если бы ехать туда, договорится бы можно, но специально туда меня не пустят. В Москве бы узнать — проще! Но опять — где? Если не очень трудно, в справочных, по телефону и т.д. Вот в этом просьба. Узнай. Если нельзя выяснить конкретно: возьмут — не возьмут, на куда и т.д., это я сделаю сам (приеду до лагеря на день-два). А вот адреса этих контор, по-видимому, узнать не очень тяжело. Было бы хорошо, а то времени у меня будет мало.

На всякий случай мои данные: 1) окончил Белорусский госуниверситет по кафедре ядерной физики физического факультета в 1963 году; 2) окончил заочно аспирантуру по специальности: физика атомного ядра и космических лучей; 3) защитил диссертацию по тематике: ядерная медицина; 4) с 1963 г. работал в НИИ онкологии и медрadiологии МЗ БССР на линейном ускорителе электронов и бетатроне; занимался дозиметрией, эксплуатацией установок, изотопной диагностикой, регистрацией низкоактивных γ - и β -образцов, а также их спектрометрией; 11 печатных работ; 5) последняя должность — старший научный сотрудник отдела высоких энергий того же института; 6) год рождения — 1941; 7) женат; жена, дочь; 8) занимаюсь альпинизмом, жена тоже (это нужно для заведений в горах).

Еще. Если кандидатской должности нет — не страшно. Нужно до 1 сентября трудоустроиться, потому что придется уходить в университет, а потом уходить сразу трудно.

Леха, если что-нибудь узнаешь, — всю жизнь у тебя в долгу. Тянет в горы и тяга уже не сезонная! Как только что-нибудь прояснится, сразу напишу. Твой. [май 1968]

Галя Черноглазова на тренировках в Серебряном бору и Опалихе перед чемпионатом Москвы 1968

Леха! Боюсь, что это письмо ты уже не получишь.
По крайней мере, ты уже сделал типичные для всего Баксана Виа-тау, Ирик-чат Восточная, траверс Сов.Воин — Кзгем-баши и, видимо, Гумачи, так что поздравляю разрядника! Стало быть, вышел из ранга "страшных альпинистов". Ну и что за впечатления от Баксана?

Наши вчера уехали в школу. Она в Домбае. О тебе договоренность есть, так что ежели пожелаешь, двигай на запад и обратись к Фольбу Иосифу Львовичу (начальник школы), Толику Антоневичу (нач.уч.) или к Хренову Вадиму Степановичу. Сообщии, что по моей рекомендации.

Школа началась 3-го. В Домбае она будет по обстоятельствам до 8—10-го. Если не успеешь, можно перехватить по пути группу Антоневица. Они идут двойку: п.Клухор — п.Нахар — п.Хотю-тау — п.Чинер-Азау — п.Басса. Если перевалишь Хотю-тау, то в Гондорае их можно встретить после Нахара.

Что у нас. Данилка с 8-го сдает на биофак. Олюшка едет в V смену в Уллу-тау или на Памир. У меня очень серьезная заваруха с трудоустройством. Позвонили еще из Москвы и сообщили, что есть договоренность с Федоровым из ФИАна о работе в их космической лаборатории на Тянь-шане. В понедельник буду звонить Федорову. Товарищ, который договаривался об этом, уезжает в Австрию и вернется 17—19. Значит, вероятно, нужно будет ехать в Москву числа 20-го.

А вчера меня вызвали к шефу и сообщили, что известно из Москвы, что собираюсь уходить в онкологию, и что в Ленинграде мне готовят квартиру и работу в ЦНИРРИ. Про Ленинград я еще ничего не знал.

В общем рассказай, что ухажу. Был небольшой скандал. Как-то все это кончается, я уже нечеловечески от всего устал. Но не плачу. Ладно, счастливых путешествий, жду (заедешь?). Приветов от всех. Саша. [июнь 1968]

Привет славному горовосходителю Сашке Люцко
от покорителя Эльбруса Восточная!!!

Вчера вернулся домой после головокружительного турне по черноморскому побережью. С двумя ленинградцами мы проехали от Зугдиди до Ялты в общей сложности 1400 км, не заплатив ни одной копейки, зато каждый день выпивали по литру вина. Конечная цель у нас была — ползти по скалам. Походили мы около Ялты, посмотрели на Ай-Петри, на Крестовую и закручинились: у нас с собой нет ни одного крюка, а без них там делать нечего. Вот так вот получается: ехали мы ехали, преодолевали трудности, питались подножным кормом, надеялись, а в Ялте пробыли всего сутки. Но зато впечатлений уйма — вся дорога — сплошное приключение. Перевалили мы через Донгуз-Орун, поднявшись сначала на чететском подъемнике. Перевал красивый, но здорово нас промочил. Внизу в коше я стрельнул маонию в пробирку, но пробирка, к сожалению, разбилась в переделках. Это было первое огорчение, так хотелось попить его дома. Второе огорчение было, когда нас прихватил жуткий понос от злоупотребления виноградом. Вообще в Ленинграде и арбузов наелся вволю, наплавался в море, накатался на всевозможном транспорте. В Крыму море, конечно, не сравнить с кавказским — вода чистая, внизу различные ландшафты открываются, плывешь как в кино. Правда, один минус — пограничники допекают. В местечке Карабахи мы с ними близко познакомились за нарушение закона о прописке.

В общем, сейчас сижу и вспоминаю. Письма твои, как ни странно, я получил, потому что мы сидели в лагере до 8-го числа, надеясь как-нибудь устроиться еще на смену. Но ничего не вышло. Вершины мы делали те, о которых ты написал: Кой-Авган, Виа-Тау, Вост.Ирик и Кзгем-Баши — Сов.Воин. Шли по протоптанным тропам. Единственно симпатичная верши-

на — это Сов.Воин. Да, меня одно время чуть не выгнали. Кой—Авган и Виа—Тау страшно неприятные вершины. Сыпуха. И я на Виа—Тау на стенке ухватился за здоровенный живой камушек. Он, конечно, улетел, а нашего инструктора бросило в дрожь. И потом на неофициальном разборе мне устроили головоломку. Оказалось, что со всех сторон я нехороший. В конце концов я признал некоторые замечания правильными и меня решили оставить на испытательный срок. В конце смены я несколько исправился, но все равно за скалы мне ввели тройку. Но я не обиделся — инструктор у нас был парень хороший, и, вообще, отделение отличное, ребята сильные.

После зачетного восхождения мы стали сколачивать группу на Эльбрус. Думали, что Коломенский не выпустит, но оказалось, что в лагере три новичка с Госзнака, которые хотят занести вымпел в честь 150—летия их шараги. В общем, нам повезло. Вышли, а погода вдруг начала портиться. Приехали в Терскол — дождь. Кое—как договорились с транспортером, залезли на него и поехали. Вот где страсти—то начались. Дождик, льет как из ведра, и чем выше, тем холоднее. Приехали на Ледовую базу, а у меня зуб на зуб не попадает, и руки не гнутся. Наскоро перекусили, обогрелись и уже в сумерки пошли к Приюту. Дошли без приключений, но мест оказалось мало и нас уложили на полу в столовой. На следующий день сбегали к скалам Пастухова. Погодка ничего. На обратном пути встретили группу немцев и австрийцев. Тоже акклиматизируются. Мы по сравнению с ними выглядели оборванцами — кругом вибрал, нейлон—жапон, пух гагачий. Мы, конечно, их поприветствовали, а они хватают фотоаппараты и ну щелкать: «Рус, рус, гуд!» Ну ладно, думаем. На следующий день в 2 подъем, в 3.5 выход. А немцы, черти, вышли в 1.00. Идем, погода портится. Подходим к скалам Пастухова — ветер с ног валит, ни черта не видно. Небольшой митинг, после чего поворачиваем. Приходим, ждем немцев. Час нету, два нету, три... В 12 появляются, еле на ногах держатся, но довольные — большой палец вверх: «Эльбрус, Эльбрус...» Но мотоцикл, говорят, не видели.

Мы страшно удручены, даже нашего начальника это задело за живое. Припасы кончаются, погода не улучшается, контрольный срок на носу... Решили выходить в любую погоду. Просыпаюсь в 0.00 — без перемен, пороша. Встаем в 2, скудно завтракаем, выходим. Видимость 30 метров. Подходим к скалам Пастухова и тут нам везет, погода проясняется, видно вершину. Идем в лоб. Проходим снежник и выходим на скалы. Девчонки начинают скисать. Погода портится. Народ устал. Решаем сделать привал, примерно за 200 м [по вертикали] до вершины. Организуем ударную группу для рубки ступеней. мне в цепочке идти надоело — выхожу вперед. Топчем ступени помаленьку, ветер в лицо, на щеках корка, маску давно выбросил, все время грею руки и ноги. Крутяк кончается, а вдали черная точка. Вершина! Бежим почти бегом. Но, стоп! Все тот же маленький подъем уходит куда—то в бесконечность. Психологический удар — сколько же можно идти? Стоим в трансе, руки и ноги почему—то перестали слушаться, дыхание сбилось. Побрели, еле переставляя ноги: десять шагов — остановка и опять десять шагов... И вдруг, в прорыве метели — мотоцикл. На почти ровном белом поле. Стоим, думаем: чего это такое. И вдруг до сознания доходит — это же настоящая вершина. Орем: Ура! Нас шестеро. Начинаем очищать мотоцикл от льда. Я щелканю несколько кадров замерзшими руками. Минут через 10 появляется основная группа. Вот это видеть — черти что. Еле переставляют ноги. Наконец, все пришли, без потерь. Записки не находим — бачок не отвернуть, наскоро пишем свою и привязываем. Панорамы, конечно, никакой, страшная метель. Съедаем остатки и спешно спускаемся на седло. Я уже промерз до костей, пуховик не помогает. Осторожно траверсируем склон, ищем путь подъема и вешки в тумане. На это у нас уходит часа три. Ребята на краю отчаяния. Но вот в просвете проглядываются знакомые скалы. Глиссируем вниз. У скал Пастухова погода проясняется, видно Приют. Поджидаем оставших и спускаемся. Внизу на нас матерно ругается начальник нашей спасслужбы. Восхождение длилось 15 часов.

Небольшой праздник. Ночуем и утром сбегаем вниз. В лагере нас встречает уже другая смена. Чувствуем себя героями. В результате этой эпопеи у меня стало очень красивое лицо и обмороженный палец.

Ну вот, вроде, и все. Писать много очень утомительно. Напиши, какие у тебя пироги. Кого увидишь, передавай привет. До свидания. Леша. [25.8.1968]

Леха! Ты не удивился? Мне удалось уехать в лагерь. Только чего это стоило!

Домбай вырослился в спортивный ноль. Новички тренируются на скалах, а вокруг — заезжие зеваки!

Мы вчера ходили на Чугхурские скалы (это подальше, чем до кичкинекольских ночевков!) А вообще спорту здесь мало, инструктор "скотину не мучают", а состав разрядников слабый.

Но хуже другое: вчера камнем мне отрубило кусок пальца и покалечило другой. А иначе было нельзя: если бы не мне, парню перебило бы ноги. Этот високосный год! Его еще нужно пережить! Сейчас мне удалось всех обмануть и завтра выхожу на тренировочную вершину. Но что будет после, на тройках? Рука у меня практически не рабочая, а культа имеет страшноватый вид — как бы избежать заражения. Тут есть врачи, они подпольно делают перевязки, но это все сочтется!...

Эх! Тут многих списали в новички. Если бы врач видел мою руку! А командир отряда оказался человеком. Все понял. Но пока о скальных маршрутах просил не заикаться.

За эти два дня, если не потеряю сознание на скальной работе, попробую доказать, что idiти смогу. Лешка, ты, наверное, лишь и поймешь эту трагедию.

Завтра ранний выход. Потом напишу еще. Если смогу, продолжим наш разговор. Может быть, через еще одну вершину дернем на Гондарай (где были прошлогодние сборы разрядников). Напиши, Леха, будет легче. Твой. [5.7.68]

Под северной стеной Шхары в Безенги

буду в Минске. Твой. [июль 1968]

Леха! Письмо получил от Анны Тимофеевны, где она сообщила, что ты в лагере.

Пишу уже в Нальчике. Я все-таки ходил. Только в Красной Звезде выпускали очень плохо: 16, 26 (руководство) и 3а. Вот и все.

Один из моих покалеченных пальцев уже в норме, другой будет в норме недели через две. На дюльфере я их не жалел. В Нальчике узнал о работе. В университете (у них база в Терсколе) нужен специалист по ядерной физике — доцент или и.о. доцента. Просиди написать в сентябре. Это меня устраивает.

Ну все, Леха! Писать мне пока тяжело. Счастливых восхождений. А погода, кажется, установилась. Через два дня

Леха! У нас какие-то письменные смещения. Надеялся, что смена у вас, как у людей, кончается 10-го и написал что-то 3-го. А потом получил твое письмо и понял, что разряд ты сделал раньше.

Открытку на лагерь мне тоже переслали. И где ты и что ходил после? (на Горького я уже не живу, пиши на Первомайку). Ждал тебя в Минск, но уже, в общем, видимо, ждать нечего.

Вернулись наши с третьей смены. Оказалось, что мы еще ничего, у них вообще одна двойка и все (если не считать семидневных ночевков под вершинами). Очень скверный нынче Кавказ, и Белоруссия тоже холодная необычно. Как-то все тускнеет и по-осеннему стынет. И чувствуешь, что в тебе ничего живого не осталось, одна схема: двигаешься, работаешь, ругаешься, радуешься, даже выходишь из себя... и как-то без органов чувств, без себя, кожей... А нужны крайние условия, на грани, жизнь с напряжением через себя, и тогда это жизнь без усталости.

А у меня все неясно. В Нальчик — может быть, на Тянь-Шань еще больше шансов, в Ленинграде тоже, и в университете здесь, но нигде определенно. Из Нальчика напишут, в Ленинград не хочу, о Тянь-Шане вот-вот позвонят. И живу на чемоданах. Скверно-скверно. А на этой работе все больше затягивают, так что вылезать с каждым часом все тяжелее.

Устроил скандал медикам в связи с их облучением больных, очень похожим на уголовное преступление. И вот нашел врагов, принимаются меры к изменению статуса-кво и нужно сидеть, и делать, делать...

По поводу моих работ тоже пишут, пишут, просят прислать действующие модели, а их нужно делать. И хуже всего, что отказать нельзя, люди слишком известные, да и чем я буду мотивировать отказ? Уходом? Так я же заявления не подавал...

И скоро запутаюсь, как Вронский.

И еще грызут сомнения, мучит совесть.

Уехать в горы. А куда же там Таньку? Ведь квартиры в горах не будет! Оставить здесь? Теща тяжело больна, куда ей еще Таньку? А Лера хочет работать, и никакого морального права запретить ей это я не имею. Скверно-скверно.

Ну да ладно. Жертвы все равно необходимы и будут.

Да, о чем мы говорили? Да, да, вспомнил... Сколько можно сказать! И ведь мало нового, больше того, что под спудом у каждого, но что шевелить, признать невозможно, и, наконец, — нехорошего: лежало бы тихо и никому не мешало... Ладно, еще успеем. Я, видимо, по

Тянь—Шаньскому делу скоро буду в Москве. Большой привет Анне Тимофеевне и спасибо. Я тронут, что она вот взяла и послала туда в лагерь. Все порывался ответить.

Пленки, стыдно сказать, проявил, но не напечатал. Действительно, времени нет.

Обо всех я написал в письме на лагерь, а теперь вспомнил снова, что ты его не получил. Ну, пока заново писать не буду. Очень поздно. Привет. Твой. [сентябрь 1968]

Леха! С Октябрем! Был в Москве. Жаль, что не было тебя³. Вообще у нас тут много нового и интересного. Напишу письмом. Большой привет и поздравления Анне Тимофеевне! Не пиши мне на старый адрес! — я там давно не живу. Саша. [04.11.1968]

Глубокоуважаемый вагоноуважатый!

Поздравляем с Новым Годом! Куда это ты закопался? Жаль, что в такой праздник, какой у нас сейчас здесь, ты околичиваешься где-то вне Белоруссии. Среди новогодних тостов у тебя один должен быть за 50 белорусских лет! С наступающим праздником Анну Тимофееву! Лера, Саша, Таня. [30.12.1968]

Здравствуй, Саша! В Москве сейчас стоит престранная погода. Яркое солнце, но прохладно. Голубое, голубое небо и мало людей в тихих переулках Арбата. Воздух какой-то густой и тягучий и какое-то блаженное, спокойное и странное существование. Наверное бушует луна, как она бушевала в то памятный день на Патриарших прудах, тревожа исколотую память Ивана Бездомного.

Почему-то тянет на Патриарши, в их тихие переулки, где уже никто не живет, и даже соседки—старушки почти все перемерли. А в тихие и непонятно чем тревожные ночи снятся странные сны, как будто я где-то в горах на альпийском плоскогорье в вершине ущелья. Пасутся овечки, зеленеет трава и чувство надвигающейся непогоды, бури, грозы, хотя все тихо и спокойно. А в моих снах уж если непогода — то это уже типа атомной атаки: тучи черные, всего метров двадцать над головой, молнии через каждый метр, смерчи носятся стеною, надо, по крайней мере, зарываться в землю поглубже, в гранитные подвалы. А вокруг никто ничего не подозревает, все спокойны, гуляют, блаженствуют.

И такая тоска навалилась. Захотелось скорее домой в тихую, теплую комнату, где можно сидеть с настольной лампой, пить чай в кресле и смотреть телевизор. Скорей, скорей, пора! Уже ползут по ущелью первые предвестники — барашки. А внизу струится и петляет шоссе, на нем уютно мигают фарами вереницы машин. Они едут вниз, в город, в тепло. Домой, вниз, домой!

Но, как это бывает во снах, не успели мы тронуться, как остановка, привал, обед. Мы в каком-то живописном каньоне. Буря здесь, наверное, уже прошла. Светит солнце. Отвесные скалы переливаются и искрятся в свежевывавшем снеге, небо изумрудное. Журчит кристальной воды ручеек. Через него мостик с перилами. Вдоль ручейка расстелены скатерти, на них вино и разные угощения, как на банкете. Берем и мы с тобой. Отходим в уголок, садимся на зеленую травку, прилоняемся к чему-то спиной. Молча смотрим на искрящиеся скальные стены, пьем неторопливо вино и опять смотрим, не в силах оторвать взор.

К нам подходит молодая парочка. Дамочка довольно бесцеремонно заявляет: «Я сяду с Сашей» — приходится подвинуться. Парень куда-то пристраивается сбоку, а она начинает тебе беспрерывно щебетать о чем-то настолько пустом в этом таинственном безмолвии, что наваливается чудовищная тоска, от которой никуда не деться.

Я смотрю на скалы. И что-то в них начинает казаться притворным, слащавым, приторным, ложным. И вдруг меня словно пронзает. Я вскакиваю. Ору: «Ведь это же все обман, ложь, неправда! Они же... нарисованные!!!» Я хватаюсь за край и начинаю лихорадочно отходить. И, о чудо, она отдирается! Но к своему ужасу я обнаруживаю, что под первой находится .. в точности же такая картина!!!

К о н е ц .

Как у тебя дела? Написал бы, что ли. Леше, Леше, Леше. [март 1969]

Пишем, потому что показалось, будто вы нас позабываете⁴, Алексей Павлович!

³ Я был тогда с харьковчанами на скалах Крестовой в Крыму, впервые в жизни пройдя ее 90-метровую отвесную стену.

⁴ Вторая половина 1969 была для меня драматичной и трагичной. Сначала в а/л «Узункол» нам, спартаковцам, поставили в инструктора безалаберную бабу с личными проблемами, из-за которой мы везде опаздывали. В конце концов начуч лагерь Пал Палыч Захаров настолько рассвирепел, что запретил нам все восхождения. Так мы не сходили ни одной вершины после целого года упорных тренировок и надежд. Затем в ноябре организовалась большая МЭИС-овская экспедиция в Грузинский Угол (напротив Казбека) для быстрого хождения на 2-ой разряд. Взлет с Военно-грузинской дороги по ущелью вверх за трое суток был стремительным и дерзким. Казалось, что теперь уже все в нашей власти (последний бросок мы доделывали уже ночью по крутым неизвестным ледникам без всякой страховки). Но при первом же восхождении случилась трагедия — в подходящей снизу к лагерю группе улетела по леднику всеобщая любимица отряда 17-летняя Юлия Ямпольская. Все это мы наблюдали с вершины. Затем мы вчетвером (чистые третьеразрядники!) спустили ее, упакованную в брезент, вниз на своих плечах, попарно сменяясь через каждые 10–15 минут, двое суток по внезапно выпавшему и удивительно ослепительному белоснежному покрывалу (инструкта-

Как-то происходит это в нашей эксцентричной жизни, что вся она, жизнь, в продезинфицированном виде до тошноты равномерна. Вот только в конце года обнаруживается, что происходят все-таки макросмещения, разрывы, разломы, горы подрастают, равнины выравниваются, где-то теплеет, а с норда наступает вечная мерзлота.

В горах, конечно, был. На этот раз исполнилось заветное — через 6 лет удалось снова посетить Безенги. И это все еще микропамир. Сходили на 2—26 и четыре тройки. С Кундуом—Мижирги удалось вернуться, хотя на вершине дважды трахнуло молнией, и на руке у меня до сих пор остался забинтованный знак. До разряда не хватило 1—3а. Выходили еще на 2 тройки, но спасработы их съели.

Две связки на траверсе Кзгем-баши в Баксане

Вообще устал: тридцать дней изо дня в день восхождения (а это все же Безенги, а там это делается в любую погоду). Ни одного дня отдыха! Но это потому что времени для демагогии, т.е. расслабления — нет, [] следующую ночь перекантовать как-нибудь с перебитыми ногами, а утром выходить в горы!

Год следующий уже распланирован. В мае у нас Баксан (подготовка новичков на значки и перевальный поход для разрядников). По-видимому поеду в школу, хотя есть еще возможность работать в Магадане. Не знаю, как это удастся совместить.

Работы снова невпро-ворот. К тому же и нужно сдать рукопись монографии. И в это время Коче-

тов со своим «Чего же ты хочешь?» Читал? Эта презренная кобыла — Порция Браун! Здесь закрытое собрание, на тракторном — нечто вроде забастовки, идеологическая борьба усиливается, а этот роман — лишь точка зрения! — своего рода назидание. Это надо понять! Моя философия в чем-то нехороша. Упанишады не годятся!

Когда будешь пить за Новый год, вспомни, что минчан много, а Минск все краснеет и его нужно иногда навещать.

Обнимаем! С Новым годом! Поздравь от нас мать! [декабрь 1969]

Здравствуй, Сашка! Решил написать тебе, а то я чувствую, что ты мне сам не догадаться черкануть. Наверное голова не тем занята. У меня же, скорее всего, в ближайшие полгода будет времени нуль. Хочется с тобой поговорить, поделиться некоторыми мыслями. Немного о наших с тобой горах. У нас здесь появилась книжка неизвестного тебе Станислава Лема «Сумма Технологии». С некоторой стороны страшная книга. Она подтверждает некоторые мои мысли, которые я хотел упрятать подальше, говоря себе, что все будет иначе. А вот теперь весь этот мирок, которым я хотел загородиться, пришел в смятение. Мне его жалко, но от реальности не закроешься («Платон мне друг, но истина дороже»).

Читаю я Лема, стараюсь найти противоречия, опровергнуть — и не могу! А обманывать я себя не хочу. По всей видимости, нет красивого и счастливого мира, где все люди будут красивы и счастливы, все сверхчеловеки, знающие суть вещей, контролирующие события. Цивилизация — это сверхсущество, которое набирает силу, развиваясь по своим законам, и люди уже не в состоянии диктовать ему свою волю. Обидно, что в будущем люди должны будут выкинуть все свои милые нелогичности в поведении, которые нам так сейчас дороги, и подчиниться строгой логике цивилизации.

Мне показалось, что я сделал тебе больно, когда начал говорить о детях и родительских чувствах. Мне тоже не хотелось в это верить. Я не говорю, конечно, что дети, если они будут там, не будут счастливы, все дело в том, как понимать это счастье. Пока будет необходи-

рья и весь отряд были заняты сворачиванием лагерей). Помню, как на ночевке Саша Подкам (вскоре также погибший в горах) намертво примерз спальником к стенке палатки. И только в самом низу нас сменил спасотряд с иголочки экипированных горных военных стрелков. А потом была ночевка в барак около дороги, где, разбудив, инструктора впервые напоили меня чаем со спиртом, долгая запайка цинкового гроба в Орджоникидзе и похороны на Вос-триковском кладбище... Поэтому, наверное, я долго ничего и не писал Саше.

мось в их появлении, для них будут делать все, и люди будут любить своих детей. Ну а потом... Человек преобразует сам себя и не известно, чем он станет.

Во мне борются чувства и рассудок, и черт знает в чью пользу все это закончится. Во всяком случае, мне нравится современный мир, и я не хочу в будущую цивилизацию, хотя мне, быть может, придется ее создавать.

Но хватит об этом. Поговорим о земном.

Я начал тренироваться регулярно и, несмотря на твои слова, поеду, видимо, в конце лета на сборы — делать второй разряд (от этой фразы тебя, наверное, передернуло — нет, конечно, просто поеду в самое большое чудо — горы!). На майские праздники хочу съездить полазить на ялтинские скалы. Если удастся.

Сашка, что случилось с Данилкой? Вернулась ли она из Приполярного? Если она жива и все кости у нее целы, то скажи, что я ее имя запишу на бумажке и порву на мелкие кусочки!

До свидания. Привет Лере, Танюшке и всем вашим. Леша. [апрель 1970]

Лешка, здорово! Вчера мы с тобой беседовали по телефону, а сегодня ужинали в лагере. Бумажное это дело — школа. Всего от нас затребовали более десятка документов. Утром будет собеседование с Мартыновым (прошлогодний науч Бezenги — в этом году у вас будет Кудинов). Он сегодня уже троих отчислил за незнание основ альпинизма. В общем, сначала от нас нужны знания, а потом им будут научать.

Хотел тебе написать хорошее письмо о мае на Кавказе, но в толкучке предтобездной не собрался, а сейчас уже не актуально. Напишу потом нынешние впечатления.

Пока по поводу вашей авантюры с перевальным в Бezenги. Прояви, Лешка, трезвость. Не отговаривая ни в коем случае, хочу только о том, на что здесь обратить внимание..

1). Перевалы из Балкарии — все, кроме одного, неклассифицированного ишачного прямо из Балкарии, каньонного типа! Отыскиваются с трудом. Это совсем не то, что перевалы, которые ты ходил, т.е. описание и подробный инструктаж совершенно необходим!

2). Из Балкарии в Бezenги п-лы: Дыхни-ауш — 26, несколько троечных и только один Коштан 16! Для вас годится только последний. Перевал из Чегема подходящий (неклассифицированный через Каргапильский хребет, неинтересный и нелогичный, ниже даже Селеша) и троечный, исключительно сложный Джораит — скальная страховка, крючья!)

3) По поводу Коштана. С востока бесснежный, подход каньонный, перевальная точка — широкая сыпуха. С запада снежный сначала, затем трава, ледник, по р.Думала до Ферлен. Если все известно и кто-нибудь его ходил раньше, при хорошей работе до лагеря 2 дня, при средней — 3. Если учесть возможные заходы не в ту степь — это может быть много дольше. Это учтите!

Из наших в Бezenги будут только 3 девочки. Все здоровые, как почти и более чем мужики.

Наташа Симоненко, с которой ты вчера разговаривал и договаривался. Если хорошо познакомишься, девка интересная, медица, может матом, цыкает сквозь зубы, физически здорова, хороший товарищ, III р. голый.

Галя Зелезинская — почти II разряд. Тоже медица (кандидат). Очень здорово лазит по скалам (I разряд). Физически здоровее никого не знаю. Очень хороший товарищ.

Анна Буйко. Из БГУ, математик, голый III. Физически тоже очень здорова, несмотря на внешнюю хрупкость. Очень вынослива. Ходила со мной в мае. Хорошая девчонка. Вот советую вам отделение: ты + 2 мужика + Наташа + Анна. Но, конечно, все решайте сами. Напиши, что придумали и как Бezenги! Привет, Твой. [июнь 1970]

Ночевки у Безенгийской стены

Здравствуйтесь Саша и Лера! Завтра в колледж, и дабы есть пока время и свежи воспоминания, решил я поведать удивительную историю об удивительном лагере «Безенги».

Что он преудивительный вы, я думаю, не сомневаетесь!?

Началось все страшно прозаично. Ваши девушки были так напуганы твоими, Саша, инструкциями, что через перевал идти наотрез отказались (кстати, ни в какую Думалу переть не надо было, есть прекрасный перевальчик под названием Чаннер, который опытными альпинистами — имеется в виду нами — проходится легко в тапочках и, главное, никаких тебе каньонов). И узнал я, конечно, об их решении почти накануне отъезда. Ну, делать нечего — поездом прямо в лагерь.

Дорога, конечно, была полна всяческих удивительных приключений, но долго ли, коротко ли — и я в лагере. Поначалу меня, почему-то, приняли неприветливо. Бумаги мои, которые я усердно предъявлял, мало кого заинтересовали. Очач Кубакиевич Рахаев [начлагеря], эдакий экзотический горец, сказал: «Вам, батенька, надо-де ехать обратно и переправить вашу квадратную печать на круглую, а то, понимаете ли, филькина грамота выходит!»

Долго мы с ним такую дипломатию разводили, но наконец, порешили послать в а/л Эльбрус участнику Люцко, всем лично совсем незнакомому, радиogramку на предмет выяснения. Текст сочинили, далее судьбы одного не знаю, но есть подозрения, что на этом дело и кончилось, но, тем не менее, после этой процедуры в лагерь я был условно принят.

Ну а потом начались там всякие занятия, нормативы и пошло... Приехали минчане и, опираясь на твои краткие характеристики, но, надо сказать, достаточно содержательные, я сразу определил, кто есть кто. Начали там суетиться, отделения всякие сколачивать. Симоненко сразу заявила, что отделение с двумя девчонками — это не отделение, и она сама пойдет искать правду, после чего нас осталось трое: я, Буйко и еще один минчанин, именуемый Тарасевич Виктор. После этого к нам присовокупили двух ворoshiловградцев: парня и девушку и временно отсутствующего инструктора, после чего отделение было сформировано. Ну а потом были там всякие занятия, завтраки-ужины, походы на Миссес-тау, но вот настал долгожданный день — день выхода в высокогорную зону. Собрались мы, взвалили рюкзаки и... пошли. Чтобы у вас сложилось правильное представление, замечу, что шли мы на 10 дней на австрийки [7 часов ходу по леднику]. Не хочу сказать, что рюкзаки были очень большие и что поход был очень длинный — нет, конечно, нет, ничто не может смутить бывалых альпинистов, тем более, что нас окрыляла мысль, что своим экспериментальным турецким походом мы открываем широкую дорогу участникам грядущих лет для многодневных выходов. Мы с честью выполнили свою задачу, придя первыми на австрийки. Второй пришла Наташа. Остальные участники из ее отделения, а также всего отряда, прибывали в течение всего оставшегося дня. Особого энтузиазма на бивуаке не наблюдалось.

В последующие дни мы ходили на занятия, варили еду, смотрели на безенгийскую стену, слушали рассказы бывалых альпинистов, а в перерывах ходили на вершины: пик Семеновского, Башка-Ауз-Башт, пик Варшавы — пик Селлы и наслаждались разборами восхождений. [тренером у нас был Галицкий, вечерами, глядя на усеянную высочайшими ледниками стену Шхары, он рассказывал, как они с командой несколько дней сидели под ней, составляя схему схода ледовых обвалов, а потом решили еще годик пожить]

По истечению положенного срока усталые, но довольные возвратились в лагерь. Там нас ждала весть, что приходит ваша школа [инструкторов из а/л Эльбрус]. Народ сразу засуетился, стали думать, чем будем ублажать, грибами ли, ягодами ли. Впоследствии, правда, выяснилось, что школа не придет, но, тем не менее, добрая весть сделала свое дело — грибы мы ели до конца смены.

Второй наш выход был в Теплый переулочек. Туда мы вспорхнули, как молодые орлы. Первая гора, на которую нам предстояло идти была Думала—тау по северной стене. Мне была уготовлена нелегкая доля руководителя. В описании было сказано, что там со всех сторон подстерегают лавины, а я их жуть как боюсь, но, тем не менее, вышел.

Снегу там — видимо-ни-видимо. Здоровенный такой отвесный снежник, но и мы не лыком шиты! Вышли ночью, обули кошки и полезли. Измотались невозможно, но дошли! Все лавины перехитрили. Кстати, там у нас в отделении такая удивительная ворошиловоградка. Все сомневается, туда ли мы идем, и время от времени с эдаким украинским акцентом спрашивает: «А можа нам не тудя? А можа вон тудя подём?» Вылезаше обессиленный на вершину и, нежно обнимая тур, смотришь на неторопливо поднимающуюся розовощекую женщину, которая, невинно улыбаясь, неожиданно говорит: «А можа эта не вершина? А можа подём вон тудя вон?»... В общем, удивительнейшая ворошиловоградка!

Следующей вершиной наш тренер (третий по счету, инструкторов у нас меняли как перчатки, но все нами оставались почему-то довольны [теперь инструктором у нас был Игорь Коркин, накануне вернувшийся с шестерки и делившийся впечатлениями: «Мы думали, что это что-то принципиально новое, а оказалось, что это просто очень много пятерок-6»]) выбрал Архимед по тысяче-му леднику, именуемому Арбузом: Ох уж этот Арбуз! Как раз накануне инструктора затащили на ночевки арбуз и дыню, и мы, наслаждаясь душистой мякотью, точили кошки.

Да, крутой лед — это прекрасно! Поговаривали, что будь он побольше — была бы четверка или даже пятерка. Первая веревка — 75—80°, шли на якорных крючьях. Впервые попробовал — понравилось, держат хорошо. Далее три веревки крутых ступеней. Причем внизу стоит народ, мерзнет, кричит: «Иди на передних!», а на передние встанешь — откидывает и падать страшно, вот и молотишь лед, а снизу опять кричат: «Мельче бей, осколки большие, больно!» — так и ковырялись: 4 веревки — 8 часов!

Далее 300 м на передних, еще небольшое снижение и выход на плато. Ну, думаем, здесь где-то должен быть и тур. Ан, не тут-то было — еще здоровенная балда, метров 300 по вертикали! Шеф сказал: «Здесь надо искать двойку—Б и повел куда-то в обход. Выперли черти—куда, страховки — нуль, внизу отвес метров 600. Ну, думаю, началось! Анна выворачивает чемоданчик и приземляется на двух парней, для которых я изображаю страховку. Я выбираю, куда лучше падать. Снизу слышатся стоны. Понемногу прихожу в себя. Веревка все еще лежит на том, что с трудом можно назвать выступом. Кажется, ребята выдержали. Подходят. С максимальной осторожностью преодолеваем недлинный внутренний угол и выходим на предвершинный жандарм. Поиски 2Б заняли слишком много времени, темнеет.

Вдвоем идем к вершине, остальные начинают спуск. Ночь застает нас на плато. Все предыдущие группы жаловались, что кулуаров с плато ведет много, а спускаться надо по одному. Убеждаемся, что в их словах есть доля истины. Народ, покрячавши во все кулуары, решил заночевать, укладываются под камушком и начинают дрожать. Мне не спится — мучительно ишу выхода. Восходит луна. Начинаю подбивать людей на предмет спуска. Проходит около часа. Наконец, решаем вылезти куда-нибудь, посмотреть, где мы? Вылезли, сели, глядя. Начинаются дебаты. Напротив хребет. Кто говорит, видит Гидан, кто говорит, нет — это Брно, в кто — что это Каргаташский хребет. Кстати, прекрасен вид гор в лунном свете, будет случай — непременно обрати внимание. Решаем все-таки, что это Гидан и начинаем спускаться. Спуск, занявший 4 часа, был полон приключений. По дороге мы миновали бесчисленное множество контрфорсов и каньонов вместо двух по описанию. В лагерь пришли с рассветом, как приведения. С радостью обнаружили, что в наших кастрюлях заботливыми соседями приготовлен суп и каша. С наслаждением насыщаемся. Послав немного, устанавливаем, что спускались, оказывается, все-таки, по описанию, но теперь ходят не сколько иначе. Но открытие этой истины почему-то никого не радует. Опять едим, еще немного спим и в середине дня спускаемся в лагерь. Бани, ужин и вечер с песнями! Это прекрасно! Потом было еще несколько таких приятных вечеров. Симоненко обычно мечтает: «Эх, сейчас бы на Камчатку махнуть!» или в позе трех охотников вспоминает: «А вот идем мы как-то пятерку по Приполярному...» Очень такие вот приятные вечера.

Потом сходили прогуляться на Салынан—баши, но уже пятерком — у Ани болело ребро от того камня. Инструктор, как полагается, опять новый. Эдакий кит. На маршруте все на нас покрикивал, а потом говорит: «Вы, вообще-то, ничего отделение, ходить можете». Ну особых там у нас приключений не было, если не считать того, что нас опять куда-то не туда завели, да пощипало нас немного за волосы на гребне в тумане этим проклятым электричеством, а на спуске мы углссировались до невозможности. Все были страшно довольны.

Рассказ мой понемногу подходит к концу. На юг никто не поехал, так как болеть не имели желания [была эпидемия холеры]. Ну и, пожалуй, отвели душу тем, что в Нальчике до невозможности обьелись арбузами. Потом разьехались, кто куда. По дороге домой меня заперли в концлагерь. Кругом автоматчики, ну, думаю, сейчас будут выводить и — в расход. Потом оказалось, что это была ошибка и поезд отправили дальше, к счастью со всеми пассажирами, включая и меня. Ну а Москва, конечно, все стоит и клокочет.

На этом заканчиваю. За время моего сочинительства Торпедо выиграло у Спартака, что отродно, как само по себе, так и потому, что ЦСКА вчера выиграло у Динамо, но для нас, наверное, это не имеет столь большого значения.

Прошу извинить за некоторые отступления от основной темы, которые были допущены в ущерб строгости изложения, а также за некоторую неровность стиля. Но я выражаю надежду, что это не помешает выяснить смысл хотя бы малой доли событий, происходивших в этом удивительном мире «Безенги» во вторую смену 1970 года.

Всем заинтересованным лицам мои наилучшие пожелания.

Жду не менее подробного повествования о школе в «Эльбрусе»

До свидания, Алексей. [июль 1970]

На висячем леднике: Архимед «по Арбузу» в Безенги

вот, чтобы придти через него в лагерь, нужно пройти, по крайней мере, еще один перевал на юг, например, Твистер — 16, или какой-нибудь из троечных, и тоже не в тапочках. По сим причинам я его вам и не рекомендовал.

Еще по поводу географии. Если на Арбуз вылезли, то сверху в сторону подъема — только гребень бокового отрога с Думалой, Гиданом, Укю. А вообще спускаются с Архимеда прямо к ночевкам. Это правильно — в плохую погоду увидеть трудновато.

Твое дело было уложено примерно так. Как-то вечером нашел меня Маслов и сообщил, что через 15 мин в Шхельде радиосвязь с Безенги. Дескать, беги, давай подтверждение. Так и было сделано. Вот и оказалось, что ты стал законником.

Жаль вообще, что кроме Салынана не побывали вы на настоящих тройках Безенги. Они в верховьях л. Кундгол—Мижирги. А так, наверное, район понравился, да?

Теперь про школу. Направляемся вечером по приезде в лагерь и удивляемся прелестному шоссе в Адыл-су. Выше оно в стадии стройки и идет за Джантуган дальше. Куда — еще не видно, зачем — никому не видно, а строится и ночь и день без выходных. Так до конца смены назначения мы не уяснили — секрет!

Так вот, зашли по дороге в Шхельду, обнялись с Граковичем, а он говорит, что дня три будет отсутствовать, так как сбегает на тренировочную. Потом выяснилось, что тренировочная была Шуровского по 56.

В лагере уже темновато, но знакомые разглядели — пути альпинистские пересекаются. По школе — треск пишущих машинок. Бегают начальник Маслов. Потребовали от нас с десятком бумажек, и стали мы подумывать, что попали в контуру. В 9 утра начались лекции. В перерывах едва успевали сдать зачеты и по теории, и по канатолазанию с прочими физическими препятствиями.

На следующем построении оказалось, что десяток школьников, кроме отчисленных, будут "условными". Отлегло, когда мы, минчане, стали законными.

Дня за три мы уже написали по общей тетради лекций мелким убористым почерком, а по школе стали организационным порядком собирать рубли на новые тетради.

И вот отправился в Скальную лабораторию. Там ты, конечно, бывал, так что писать будет нечего. Маршруты прекрасные и лазили много, но как-то не так. Думаю, что Безен-

Приветы, Лешка! Ответ мой не мог не задержаться, во-первых, потому что с моей стороны он должен быть не менее обстоятельным, а во-вторых, жизнь стала более суровой.

Прежде всего, к трем темам, которыми приходится заниматься, и рукописи, срок сотворения которой истекает, добавилась еще одна монография и 4 спецкурса. Последние очень разные и требуют очень много времени. Кроме означенных причин сижу на чемоданах и со дня на день жду переселения в новую, уже построенную квартиру, так что если на конверте увидишь новый адрес, ты ему доверяй.

Для начала по поводу твоей повести, где нужны уточнения.

Перевал Цаннер, который ты бы прошел не иначе, как в тапочках, я ходил 7 раз (в последний раз — нынешней весной), правда, в триконях. Поэтому, где он находится, в общем, представляю. Так

гийская школа скал дала мне много больше. Это, правда, сильно зависит от тренера. Канторович в этом смысле (он, я слышал, опять был в Безенги), конечно, мужик замечательный.

Раннее утро, дождит. Высовываемся из наших палаток на окраине и видим, как шагают школьники на *ихельбу* [спецфолькер] — вниз метров сто, потом вверх столько же, а у женщин траверс со спуском. Идет мимо Аркин и говорит: — Великий педагог Маслов: куда сказано, туда и ходят!

В субботу вернулись в лагерь и начались "спасательная" неделя. Утром мотали трос и растили веревки. И вот настал день соревнований, а Маслов был главсудей. Минчан допустили только судить: у одного из них до 1р не было тройки, у другого разряд не подтверждался с 65г. Протекции тоже под рукой не было, так как Гракович в это время был развешен в гамачках на шестерке (северная стена Чатына).

Комедия началась с утра. Прежде всего, когда влезли на скалы, не оказалось нужного числа веревок. Маслов тихо свирепел. Накануне ему еще указали на одну опасную полочку, но он решил, что она на месте. Худшее, конечно, случилось, так как ни случиться не могло. Трехчасовая трасса со стометровыми спусками, подъемами и перестегиванием носилок выматала до предела (троих на трассе отливали водичкой и приводили в чувство). А та самая полочка была последней. Девку в рюкзаке подняли на 56 м, спустили, а потом с полки уронили на скалы, так что от нее еще много осталось.

В лагере мы выпустили газету. В частности, туда вошел проект условно-пострадавшего для спассоревнования по классу А: голова бронированная, бюст нецелованной стали с двумя ручками, зад — кирпичная кладка.

В это примерно время нам разметили восхождения. Это, конечно, были Гумачи и Виа-тау. Последнюю наше отделение имело честь преодолеть 28 раз. Стали артачиться. Навстречу пошли так: не хотите по 2а, так туда на нее же по 2б.

В газете это было изображено в виде карты с советскими горами (Гумачами, Виа-тауми), японо-болгарскими (эти из нашего лагеря ходили, куда хотели) и Турцией (см. ниже турецкий поход). В комментарии отмечались мастерские ВИА-восхождения по северо-южной стене (VI—VII кат.) и пр. И еще на столбе повесили объявление: «Меняем два Виа-тау (а и б) на один Джантуган (без б)!» В газете нашли отражения и другие поучительные события. Результаты сказались — сделали нам Четгет-тау-чану.

Пошли наверх. Около Джантугана присели передохнуть и переждать очередной взрыв. Прибегает минер и спрашивает: А вам что, ваши рюкзаки не нужны. Пришлось перетаскивать их с места взрыва, после которого начался четырехдневный дождь. По этому дождю мы лазили на Кашка-тау и проводили "условные методические занятия". Обычно к трем часам они кончались, а в четыре под тем же дождем мы, стоя, слушали лекции.

Иногда из лагеря приходил Маслов и удивлялся: «Разве они мокунут? А я им плащи выдал». Пришлось его на ночь оставить в палатке. На следующий день появилось солнце и было разрешено высушить продукты и вещи.

А потом мы, почти сухие, пошли на снег и горы. Под Четгетом на 3800 нарыли пещер, не проявляя особенно рвения сверх программы, и когда влезли вовнутрь, началась гроза. Утром, часам к 12 молоко стало расползаться и наверняка бы расползлось к контрольному сроку 18ч., в который мы должны были быть в лагере, но рисковать не стали и спустились вниз, осуществив со многими подобающими предосторожностями, при соответствующей страховке тренеров — змс-ов покорение Гумачев.

В этот выход наш тренер Стельмах сходил на вечер в лагерь пройтись по женщинам. Утром вернулся и сообщил интересную новость: газета исчезла при пикантных обстоятельствах. Маслов мечет икру, так как похоже, что похищение организовано претендующим на его роль в школе Антоновичем.

После этого я стал готовиться к упаковке рюкзака, однако просто так выдворить меня было трудно, так как защита состояла из Жирнова, посылавшего мне по вечерам в палатку чай, Сапогина, Мартынова и проч. и проч. Все же оппозиция созрела.

Дело усугубилось турецким походом. Маршрут пролегал по пехотным тропам: п.Местийский — п.Башиль — п.Семи — п.Н.Цаннер. Жаль, что испытали мы это удовольствие примерно столько же раз, сколько и Виа-тау, но утешал запах ваших грибов.

Маслов прочитал технический план: «От камня *n* до трещины *l* — 2б, максимум — 30 минут, от спуска *i* до подъема *j* — час 15, максимум — час 20 минут, придете вы в пункт Ю в 9, максимум — в 10 часов вечера...»

Сели в машины и поехали в Адыр-су. Разумеется, уже шел дождь. Потом от машины отвалилось два колеса. В а/л Уллу-тау пришли к обеду и в первый раз по-настоящему поели уллу-таусский обед из неразворованных кабардинами продуктов — с мясом и пирожным! Так что перед выходом Угаров нас проинструктировал: «Я скажу, за хороши гостеприимство и вкусна обед альплагерю Уллу-тау — физкульт — привет! А вы кричите — привет, привет, привет!» Мы прокричали, правда не три раза. После этого пошел дождь.

Утром Местийский перевал преодолели, но на спуске была такая нуда, что терпеть было трудно. Причина выяснилась чуть позже — Аркин лежал на пуховках без сознания.

Реакция школы станет понятнее, если учесть, почти у всех в Безенги родные люди, и, кроме того, там должна была состояться встреча всех четырех начучей Безенги, двое из которых (Жирнов и Мартынов) валились туда, не покладая ног.

Мы с парой товарищей предложили услуги в транспортировке Аркина, но после непродолжительного тренерского совета с окончательным выяснением состояния болезни началась общие транспортировочные работы. На создание носилок ушло 10 ледорубов и масса репшура. Спускали вниз по Лекзыру в Местию по бескрайним живым осыпям.

Вывотанные, к вечеру, вернее, в крошечной тьме, свалились прямо на камни. Спали по той же системе, по которой транспортировали. Аркин был очень плох. Боялись всего. Неожиданно утром он пошел ногами. Внизу на тропе уже ждала лошадь, на которой он добрался до аэродрома, куда прилетел на вертолете Маслов. Мы сходили к Мише Хергиани, а потом долго ехали в Дайру.

Следующий день прошел в походах. Нервозность нарастала. При обсуждении ругань между тренерами стала явной и матерной. В конце концов половина ушла через Бечо, а мы с Филимоновым на Ах-су. Спускались без присядки. И хорошо, потому что только без-5-минут-темно вышли на тропу, где, конечно, пошел дождь. Дорогу шупали фонарями и всем, чем можно.

В этот же день был тренерский совет, вернее, сплошная ругань. Вызвали Антоновича, вмешалась федерация. Нам это было мимо ушей, так как результат школы — одна 16 — мало радовал. Маслов поскрипел и написал резолюцию: совершить восхождение в условиях устойчивой погоды.

Поэтому когда опять пошел дождь, мы пришли к Жинову сдать экзамены досрочно. В ответ он сказал: «Слушай, Саша, все злые, хочешь идти — дуй быстрее из лагеря. Сдашь потом». Мы так и сделали. Когда прошли Рыжие камни, на нас не было сухой кожи. Вечером вдруг открылся Эльбрус.

Эх, и приятно ходить с Граковичем. Сбегали в 6 часов (перед нами за 18). Устроили там «ура». Так я закрыл разряд. Прибежали в лагерь. Сдали экзамены. Покупались в Шхельде. В час дня увидел меня наш Стельмах: Ты что, уже вернулся? — и жуткое удивление в глазах. А Маслов ему говорит: Не только вернулся, но и экзамены уже сдал!

Вечером вручили нам бумажки. На построении Маслов сообщил, что в связи с нездоровым состоянием умов, он решил поступить демократически: бумажки, дескать, получили, можете на бояться, предлагается устроить разбор смены. Мы, конечно, наговорили 3 короба: и про неспортивный характер школы, и про дидактику и про проч. Были товарищи из федерации и все зафиксировали. Стало ясно, что школа будет обсуждаться в Москве и очень сурово. Это должно переменить ее полностью.

На прощание мы устроили банкет. Долго собирали тренеров. За три дня они так переругались, что прятались по всем углам, дабы друг друга не видеть. Однако всем хотелось разрядки, и она наступила. Аркина выбрали тамадой. Красиво говорит Аркин и приятно. Знаешь, что сказал? — В моем возрасте люди сентиментальны, я привык к вам — Сашам, Володам... Отвекать тяжело. — и предоставил мне слово.

Поначалу я потерялся, потому что не привык говорить, не успевши поддаться. В общем, что-то получилось о комплексе люди-горы. И это задало тон и тему дальнейшим тостам. Встал один дурак и поднял тост за руины (Аркин, предвзятой лекции Кизеля, Боровикова и пр., говорил, что по очереди представляет нам руины советского альпинизма), которые нам много дали. А потом выступил Емельянов: «Выпьем за вас, чтобы вы на неходячих руинах построили светлое будущее советского альпинизма!» Тут и была развязка. Кгаров поставил точки над "i". Все продолжалось всю ночь.

Утром все разъехались. Маслов остался с 3-ми тренерами. Как оказалось, следующую смену из-за их недостатка задержали на 8 дней.

Такие вот пироги!

Я уже пишу два часа. Пора готовить лекцию. Привет Лешка! Пиши. Все наши еще в горах (почти), поэтому ничего пока ни о чем не пишу. Привет от Анны и Земзikenой! Твой. [сентябрь 1970]

Лешка! Привет и поздравления! Мы уже — в собственной квартире. Пока без газа и горячей воды. Зато катаемся на лифте. Ты пиши! Или приезжай. Ждем Аркина с Филимоновым где-то на 5.11. Было бы здорово! Таня, Саша, Лера. [5.11.1970]

Лешка! С Новым годом! Почему заглох? Приглашаем в Минск на район 20-х чисел. Задно отметим мне 30 лет. В Москву приеду после сессии. Попьем и покупаем мороженое. Привет и поздравления Анне Тимофеевне! Таня, Лера, Саша. [28.12.1970]

Здравствуй, Саша! О, этот патологически немошный человеческий разум! Как ему трудно отказаться от старых представлений, даже под натиском очевидных фактов.

Попав впервые в горы я подумал: «Как это прекрасно! Здесь совсем иначе, чем на равнине. Здесь такие прекрасные и мудрые люди. С ними рядом чувствуешь себя почти богом!»

Но можно ли чувствовать себя чистым, сильным, обретшим цель и смысл, если внизу такие же смертные, как и ты, не знают цели и живут, руководствуясь выгодой или отчаянием! Отличается ли горосхождение от последнего работника или пьянчуги только тем, что посвящает все свое свободное время и энергию одному из самых бессмысленных занятий?

Да и разве горы не плоть от плоти остального мира со всеми своими противоречиями? Привлеченные, быть может, сначала красотами и идеалами, мы быстро о них забываем и живем сегодняшним днем, попадая в зависимость к вещам, положению, карьере, а таким основным понятиям, как скажем, безопасность, коллективизм, взаимовыручка теряют смысл, потому что о них вспоминают, когда это выгодно или безвредно. Лучше промолчать, чем пересказать себе, ведь все обошлось, а на карту надо ставить так много!

К счастью не все думают подобным образом! Понравилась в этой части стоял вопрос: потерпеть и промолчать, чтобы получить то, что положено, или попытаться отстоять свое понимание безопасности горосхождений, хотя борьба предстояла неравная.

Я выбрал последнее и рад, что мне удалось защитить свою позицию, хотя и пришлось много потерять. Но теряя обретаешь, обретаешь свободу.

В будущем сезоне я вряд ли поеду в лагерь. В горы надо ехать со сплоченным и хорошо знакомым коллективом. Такого коллектива пока нет. В спартаковском обществе не все ладно. Раньше я не понимал, почему оттуда ушли такие люди как Абалаков, Шатаев, Чередова и другие. Теперь многое становится ясным.

Напиши, как твои дела. Собираешься ли приехать, как обычно, зимой в столицу?

Поздравляю с наступающим Новым Годом тебя, Лерку, Татьяну и всех наших общих знакомых.

Желаю счастья, здоровья, энергии, успеха и выполнения всех ваших планов в Новом Году. До свидания, Ваш Алексей Кулаичев. [25.12.71]

С Новым годом, Лешка! С високосным, в которых все сбывается! Где был, что делал, почему не пишешь и не приезжаешь в Минск посмотреть на нашу квартиру?

Я стажировался в Шхельде до 16-го. Сходил пару четверок. Лерка работала в библиотеке. Татьяна купалась в бассейне и крутилась на спортплощадке — утирала нос новичкам!

Весной собираемся с Граковичем сделать ряд восхождений в Баксане (в р-не Сакашиля). Про лето — предлагают работать в Узунколе. Хочется на Памир.

Книжку кончил. Вozил ее в Ленинград шефу, затем сдал в издательство. На это ушло полдня. Вторую половину дня в Москве звонил тебе (не дозвонился). Провожали меня товарищи по Шхельде.

Приезжай и пиши. Пойдем со мной в поход по Белоруссии (конец января — начало февраля). Там в конце на оз.Швакшты ожидается большой шабаш. Со снежными пещерами, Аркиным и пр.

Счастливо, поздравления Анне Тимофеевне! Твои Таня, Лера, Саша. [25.12.71]

Зимний поход Минск—Нарочь [январь 1972, походный журнал]

День первый (27 января).

— Туризм интересен как социальное явление. Вот каждый идет, смотрит на нас и думает: хорошо, что я не такой уж дурак (это Саша разглаголетывает, когда мы стоим в туннеле, ожидая остальных наших ребят). — Последний пришел Витя Курикевич. Это же надо, сел на испорченный автобус! Нет только Наполеона (Саша Миронова). Его мы и не дождались. А у него в рюкзаке все сухое молоко, четыре банки тушенки, халва, гречка, рис и самое главное: аптечка. Теперь уж хочешь, не хочешь, а болеть не разрешается.

В поезде тепло, укачивает. Кажется, только-только задремали, а тут Сашкин голос возвращает тебя к действительности. Ах да, мы же не дома. Пора выходить. При выходе четко организовали транспортировку рюкзаков. Еще не совсем развиднело, но Саша Люцко успел заметить, что снега тут навалом. Хотя через некоторое время пришлось убедиться в совершенно обратном. Только разгонишься, приготовишься принять на свои щеки обжигающий ветер... ан нет, натыкаешься на черные бугры земли. И опять — не едешь на лыжах, а идешь на них. Наконец, нам это надоело, и теперь уже лыжи поехали на нас.

Ну и мороз! Вон уже виднеются какие-то постройки. Скорее туда. Расположились на ферме. Одни говорят, что мы здесь завтракали, другие — что обедали. Ну да это не так уж важно. И опять: то мы на лыжах, то лыжи на нас.

Нам говорят, что за той вон горкой будет Селец. А горка, которая на карте в 320 м обозначена и из-за которой мы делали такой крюк, на фоне подобных холмов почти и не возвышается над ними. Вот и верь картам.

А в школе был урок... Учительница ужасно громким голосом говорила о стоимости шарфиков, пирожков с мясом, и сколько стоит один и сколько стоят 20. Разместились мы хорошо. Саша с Алексеем сходили за группой Сиротина в Богущи. А тут еще подошел Толик Курлович со своими жлобами. [Тепл.]

День второй (29 января).

Жлобы оказались еще те! Во-первых, испортили два примуса, во-вторых, сорвали урок у восьми-классников. К 9 утра наши две группы вымелись на улицу, а Курловичи, дружно крикнув "до свидания", остались доваривать завтрак.

Да! Сегодня разверзлись, наконец, хляби небесные, падает снег, а мы — на лыжах! Прошли целых 700 метров до большака. Этот Сморгонский большак весь в пупырышках и идет себе по полю прямо поперек ветра. Ну и пусть себе идет: скоро автобус на Криво. Сиротинцы стали слоником, заднюю деталь которого талантливо изобразил Стась. Этот слоний зад с разбегу взял Валера, и... взрелась в дорогу (у слона все остальное было мелко). Пришлось встать нам. Без зазрения совести можно сказать, что наша мужская команда выиграла "слона". Это было сделать легко, потому что у Миши (представитель противников) перевешивало обмороженное ухо, и он всегда падал на правую сторону.

Приехал автобус, приторопозил, увидел наше барахло (которого хватало бы на два эшелона) и чesанул так, что наверняка был в Сморгоне до расписания. Э-эх! Стали мы на лыжи и в невеселом расположении духа поехали вперед и только вперед. Вдруг подъехал автомобиль и предложил помощь. Мы в минуту загрузились и стали смотреть в небосвод, потирая холодеющие на ветру члены. А ветер крепчал. Открытый кузов отнюдь не согрел. Однако лучше плохо ехать...

Скоро показались промышленные объекты: сморгонская химия набирает силу в новой пятилетке! На автовокзале решили искать школу (мы все время ищем школы). В СШ-2 — директор по фамилии Страх. Принял очень приветливо, позвонил в школу—интернат, где нам обещали ночлег, и устроил агитбеседы.

В интернате предоставили нам двухкомнатную обитель с кроватями и матрацами. Все это хорошо, но сегодня по плану — холодная свадьба под мостом. Интересно узнать мнение участников. Правильно, в новичках мы не ошиблись: кроме горячей головы — Коли, все хотят тепла и уюта. Значит, ночуем здесь.

На летучке решили: Лешка, Стас, Таня, Володя Сиротин и я идем к Страху выступать перед учениками. Коля Евменчиков с Витей идут на мост собирать группу Тита и остальных сумасшедших (как-то Бреган), остальные под руководством Верушки Шабуни беседуют в интернате с 9 и 10-классниками.

Мы уходим к 13 часам в СШ-2. Разделились так: Леша и Стась (один представляет муленду московскую организацию — лаборатория информационных процессов, другой — диамант теломассообмен) идут в один девятый и представит их зауч; мы, университетские — в другой. Входи. Директор говорит, кто мы такие, и предоставляет слово. Лихорадочно соображаю, о чем говорить — ни мысли в голове! У нас с Таней загорелась борьба за единственную откликнувшуюся душу: эта душа металась между физической и лирикой. Уже в коридоре душа с безоблачными глазами стал терзать меня, начиная с фотонной ракеты. Договорились с ним, что Таня его стихи посмотрит. Директор долго извинялся за свою фамилию и написал нам бумажку с благодарностями и печатью.

По пути домой делились впечатлениями. Стась, говорят, развернулся во всю. Лешка поговорить вообще мастак (в их лаборатории больше ничем и не занимаются).

Приходим и узнаем жуткие вещи. Оказывается, Евменчиков перед выходом на мост тоже решил выступить. И вот что примерно сообщил ученикам и местным учителям: «У нас так распределяют: если плохо учился — в школу, среднее — на завод. Остальные идут в аспирантуру.» На всякий случай не особенно раскладывались, ожидая выдворения. В общем, мы бы не жалели: ветер стих, падает снег... (Пишу в неизвестной деревне, в неизвестной школе с неизвестными координатами. В соседней — учительской — крутят Есенина. И хочется быть слабым... Тес — уличают в многословии — будем скромными, тем более, что принесли обед).

Итак, участники разлагаются, а нужно делать свадьбу: Кац Митник изображает телепата — жулик! Стась перед ним преклоняется. Евменчиков ходит по азимуту — ишут массы. Собирают компанию для производства свадебного обеда: делаем draniki, бабу, пирог и пр. Следим за Верой — норовит все пересолить. Сира [Сиротин] шевелит ушами и жарит draniki.

Появляются Евменчиков. Сообщил, что на мосту холодно и есть сторожка с патрулем. Вдруг заваливается Титник с поморженными щеками и приводит всех своих жлобов. Радостные встречи!

Итак, нас почти 30! — По числу dranikov. С едой — порядок. Мало, зато вкусно! Интересно, почему это люди все главные события связывают с едой? Может быть, это главное у человека общественное удовольствие, как у кошки валерьянка? Но мы — не просто люди и хотим развлечений. Выгоняем Шабуно и обсуждаем зрелища. Мозги совсем не информационные, хочется есть и ничего не получается — даже «Отедь!» Придётся без «Отедь». Шабуня требует супу. Удовлетворен. Горят свечи. Шабуней гоняют из угла в угол. Жора оделся в две шубы наыворот и думает, что похож на йети. Наспех венчает и вот, наконец, едим еду! Пента кричит что горько. Шабуня демонстративно ест суп. Наконец, когда пригрозил, глюкает Верку в щеку. — Ну и любовь в нашем веке!

Сира с Жорой начали дуэтом. И это было прекрасно! Потом Сира вошел в экстаз! И это тоже было прекрасно. Наш завхозчасти пошел спать, а я инструктирую руководителя на следующий день — Колю Митника.

А Сира поет. И опять хочется быть слабым. Наши ребятишки развесили уши. Хорошо поет Сира! Мы с ним еще будем петь в Щелково, на Ивашихе и в горах! [Людско]

День третий (30 января)

Итак, день третий. Начался он достаточно приемлемо. За два дня и две ночи немного смирился с потерей всего молока и половины тушенки, поутру выпер из Евменчикова завхоза трешку (расплатя за банкет) и в конце группы тронулся в путь. Командир у нас сегодня — Коля Митник. Очень резко пробегаем через весь город, проносимся мимо указателя «Молодечно». Еще 3 км по шоссе и... в раздумье останавливаемся. В Молодечно-то нам делать совершенно нечего... После переговоров с местным населением меняем курс на 140 град. Без особых приключений форсируем Вилию и, чтобы отметить это событие, тут же делаем "круг почта" по лесу, протяженностью км 2. Н-да... В ближайшей деревне выясняем: за 2 часа удалились от Сморгони на ... 3 км. Если так пойдет дальше, то в Русском Селе мы будем, в лучшем случае, через 20 часов. Погода начинает портится (пишу лежа на животе на полу школы. Вдруг в лицо летят комья снега. Считая этот случай нетипичным для закрытого помещения, продолжаю писать. Снег продолжает сыпаться. Поднимаю голову. Надо мною стоит Алешка и с невинным видом стряхивает ботинки. Ну, погоди...). Да, о погоде. Снегопад усиливается, поднимается ветер. Коля упрямо ведет нас вперед в неизвестные (можно сказать, в полном смысле этого слова) дали. Маршрут нам напоминает траекторию бронебойной частицы. Зиги меняются зигами, километры остаются позади, а до цели, кажется, все дальше. Саша Людско с загадочной улыбкой идет сзади и упорно старается ни во что не вмешиваться. Около 6 часов вечера в третьей по счету деревне, которая должна оказаться (но опять же не оказывается) Русским Селом, решили ночевать. По дороге к школе (за неимением леса холодную ночевку отменили) выручаем застрявший самосвал. Наконец-то крыша над головой. Дежурные ушли готовить обедо-ужину, оставшиеся гоняют чай. Разгорелся спор по поводу того, сколько мы прошли. По карте — 15 км, я считаю, что 20—22, остальные — мин.30. Что ж, будущее нас рассудит... (Со спалника со сна, перешел в учительскую). После ужина — разбор дня. Масса пишек сылется на Колину голову, но он, кажется, не обиделся. Критика дружеская, ничего, кроме пользы от нее не будет. День окончен. Завтра — ранний подъем и снова дорога (вернее, бездорожье). Заходит Лешка, предлагает идти спать. Что ж, вынемем его совету... [?]

В 9.50 вышли из Сморгони в направлении Мицкевичью Реку Вилию перешли по льду в км пяти от моста, напротив д.Прилессинка. До Прилессины шли 2 часа. Затем дошли до д.Колена, которая находится от Прилессинки на расстоянии 1.5 км. Дальше пошли через лес в направлении на Мицкевичи. По дороге встретили еще одну деревню, которая находится на расстоянии 1 км от Мицкевичи. Мицкевичи оставили слева и пошли в северо-восточном направлении в сторону д. Русское Село. По дороге прошли д.Новоселки и заночевали в д.Заболотье в школе. На ночлег остановились в 17.50. [Митник]

День четвертый (31 января)

Итак, последний день января. погода разыгралась не на шутку. Сегодня мы встали на редкость поздно. Сильный ветер, пурга не позволяют нам с утра продолжить наш поход и по приказу командира мы остаемся в Заболотской школе до обеда! К наше радости занятия в школе отменены и нас из нее не выгоняют. Сразу после завтрака, чтобы не терять зря время Саша и Леша начинают занятия по практической работе с веревкой. Все вяжут различные узлы, налаживают систему полиспаст для натягивания веревки при переправах. За этим, очень полезным для будущих альпинистов занятиями проходит около двух часов. Затем самое интересное, в конце занятий проходят соревнования по перестежке на перилах. Победил Володя с временем 2 мин 5 сек. Наша Татьяна сорвалась на самом опасном участке и наступила нашему завхозу на спину, что вызвало, как не странно, его возмущение, хотя он и являлся естественным ограждением на данном маршруте.

Часов в 11 решили, что несмотря на продолжающийся буран, имеет смысл продолжить наш путь. Уже к 12 часам готов обед и мы приступаем к одному из труднейших испытаний первой половины дня — поеданию перловой каши. Саша Людско уклонился от этого испытания. Он ушел к директору школы узнать поподробней, как проходит наш маршрут. Остальные участники в это время применяли все спосо-

бы, чтобы осилить это огромное количество каши: просто каша, каша с сахаром, каша с чаем и различные комбинации из этих пар. Все это позволило нам съесть около 2/3 всего количества. Но пора в путь, уже в 14.10 выходим из деревни, в которой провели около 20 часов. Сильный ветер бьет в правое ухо, поэмка такая сильная, что успевает замести лыжню идущего впереди. Сегодня мы идем на редкость прямо. Но все-таки мы сделали один небольшой полукруг, что заставляет нас досрочно остановиться на ночевке в деревне Пелевцы. Ужин. Решаем лечь спать, ведь завтра у нас ранний выход. [Курн.]

В 14.20 вышли из Заболотное и двинулись в сторону д. _____. Обошли Русское Село слева и двинулись по булыжному шоссе Вилейка—Сморгош. Перешли его и двинулись в направлении к Иже. Дошли до д. Поповцы и остановились на ночлег в 17.45. [Вершин.]

День первый, а может быть пятый? (1 февраля)

День начался необычно рано. И начался с неприятностей: прожжены штаны у завхоза. Завхоз шокирован, но быстро приходит в себя и на месте прожога появляется прекрасная зеленая заплатка. Она радует глаз участников и наполняет их сердца оптимизмом. Все с удовольствием съедают варено из макаронных изделий и на кастрюлю кофе не остается сил. Саша (то есть завхоз) произносит со зловещей улыбкой: Урежу пайки, — и кофе исчезает. Поставлена задача: догнать график движения (запланированный лыжи). При выезде из деревни нас привычно обьяла собака. Она тоже что-нибудь подумала (не очень лестное) о нас.

Идем по красивейшему лесу. Погода хорошая. Встает солнце. Сделав небольшой крюк (чего не сделала еще для тренировки-подготовки) добраемся до д. Ижи. В деревне пытаемся добыть кусочек (чем больше — тем лучше) хлеба. Нам дарят полбуханки твердого как камень хлеба. Грешно жаловаться. Выбираемся из Ижей. Находится попутчик — собака. Оказывается и собака может понять туристов. Но в других деревнях понятливых собак не было.

За 1—1.5 км до д. Слобода поймаем лыжа у Сашки—завхоза и все с грустными лицами, но с ликованием в душе (пишу не о себе, помогла телепатия) добираются до деревни и устраивают перекус. Населись вдоволь, даже остался чай.

Собравшись с силами, выходим в путь — до магазина. В магазине покупаем гречку (а может рис) и тут появляется возможность часть пути проехать. Во время поездки узнаем новости: мы не люди, а чемпионы! Высаживаемся из машины и довольно долго идем. По пути встречаються блиндажи (по утверждению Коли — времен 1 мировой войны). Алексей старается не отставать на вновь приобретенных лыжах. Далее продвигаемся по болоту (кочка на кочке) и, наконец, выходим на возвышенность, ведущую к школе. Все ринулись вниз, пытаясь изобразить что-то похожее на скоростной спуск. Однако не получилось — более половины группы оказалось на снегу. Леша Старой по недоброй привычке сломал лыжу. Подбегаем к школе. Толпы встречающих нет, нас принимают недружелюбно. Устраиваемся в школе, разыскав директора (он отдал соответствующее распоряжение). Добываем Алексею лыжи (очередная пара), едим и читаем (рассказывает Саша) лекцию в интернате школы. Готовимся ко сну. [АСмек.]

День, начавшийся с прожженных брюк, не мог кончиться пугево. После Ижи сломал лыжу, в Слободе вместо гречки подсунили 1 кг риса, а вечером опять путешествовали с Лешкой в поисках лыжи. По моему, для единички он уже установил абсолютный рекорд — 3 лыжи за 2 дня. Не отстают и другие участники — за 5 дней группа сожрала 10-дневный запас сахара и 3 литра вневплогового варенья. Что день грядущий нам готовит? ... [завхоз]

В 3.10 ночи просыпается наш сегодняшний командир от холода. Одедась, но все равно согреться не может и дрожащим голосом говорит мне с Виктором (дежурным): Давайте встанем и будем готовить еду, я приму активнейшее участие, только бы посидеть немного у огня. Потом, намного подумав, предложила в случае холодной ночевки всем людям спать в одной Виткиной палатке (трехместная)! Сделав еще пару предложений, она, наконец, успокоилась. [Митник]

Из Поповцев вышли в 8.15. Перешли речку. Идем на север по довольно четкому ориентиру — дороге. Кругом лес, в основном сосновый. Где-то через полкм пошли по санному следу. Через 1 час были в застенке Грибки. Это где-то, как нам сказали, 4—5 км от Топовцев. Взошло солнце. Идти веселее. Однако и по дороге нельзя идти без сомнений. Развилка! Сворачиваем налево. Вторая развилка. Опять сворачиваем налево. И вот итог: вместо Ижи — [?].

День шестой (2 февраля)

*«Мы прошли через многие беды,
через эти болота прошли...»
«Мы вместе грабили одну и ту же хату...»*

[из народного фольклора]

Бедные сельские школы. Сколько их было на нашей памяти! Гостеприимно, с детской наивностью распахивающие свои двери перед ордой столичных варваров, которая с необычайной быстротой превращала обитель цивилизации в продыmlенное пепелище.

А наутро варвары, неуклюже заметая свои следы, устремляются в туманную даль на поиск новых жертв. Оснащенные последними достижениями цивилизации и экипированные по последнему слову техники эти глубоко невежественные, несмотря на всю свою ученость, люди, находящиеся во власти абсолютно бессмысленных и явно патологических устремлений, бродят туда и сюда, сея хаос и разрушение!

О, бедное человечество!

О, несчастная его доля!

Справочные данные:

За 6 дней похода полностью сломаны 3 лыжи и 2 палки, утеряны плоскогубцы, закопчены все кастрюли, съедено множество ценных продуктов, сожжены дрова в 4 школах, проведена дезинформация школьников в 3-х старших классах, неоднократно злонамеренно использовано гостеприимство местного населения в вопросах запасаания провизией. [Алексей]

Вечер 1.2.72 — вечер 2.2.72.

Людюк нещадно треплется в интернете. Обед стынет. Время идет. С этого все и началось...

Наспех нажравшиеся участники вместо того, чтобы спать и восстанавливать силы до 12 часов ночи рассказывают анекдоты и дурачат друг-друга идиотскими загадками. Все это приводит к тому, что процесс просыпания затягивается с 6 часов по плану до без 15 восьмь! Дети, пришедшие в спортзал с ужасом взирают на заспанные рожи "квартирантов".

Кое-как запихнув в себя завтрак, вся кодла выкатывается на просторы чудесного озера Нарочь под лучи слепящего солнца.

Но очарование природы действует на воспаленные мозги не долго. Пройдя полпути по примерно прямой линии, толпа, сбив с толку неопытного руководителя, начинает шатания от одного места в другое. В конце устав от этого занятия, народ снова вывалился на лед озера и, развалившись у берега, долго изощрялся в различных развлечениях.

В это время бедный руководитель шлепался в ближайшую деревню на предмет выяснения диспозиций или еще чего-то. Вернувшись, он с трудом, после долгих уговоров, поднял наполовину разложившихся участников на исполнение великих дел. Но приключения на этом не закончились. Поколесив не более двух часов по снегам и лесам, группа с удивительной легкостью забилась в одной из деревень в хату и, пользуясь гостеприимством хозяйки, нажалась до невменяемого состояния. Каким образом после этого удалось совершить еще двухчасовой переход, для всех до сих пор остается загадкой.

В конце этого перехода бродячие авантюристы с привычной уверенностью заменили холодную ночевку на начальную сельскую школу. Наскорю разбросав вещи по всем имеющимся углам, участники устроили злонамеренно спроваженный и ничем не обоснованный шабаш, который закончился возлияниями кофе гляссе и др. [Алексей]

В этот день у Алеши был день рождения [на 3 дня раньше]. Он это предусмотрел и захватил с собой из города бутылочку коньяка. Наш завхоз с Таней побежали в магазин за «Юбилейной» и конфетами, но уже было поздно — магазин закрыли. Тогда решили использовать половину спирта. Все приготовили. За уничтожением первого сделали разборку (каждый вечер). Затем был первый тост за Алешу. Таня вспомнила, что она по дороге случайно прихватила сосновую веточку с шишками. Ее она поднесла Алексею. Второй тост был за гостеприимный белорусский народ. После этого, поговорив немного, улеглись все спать. [Митник]

День седьмой (3 февраля)

Сегодня мы встали в 6.15. Покинули шереметьевскую школу в 7.30. Затем поехали в Засвирь, где ночевала группа Сиротина и Титкина. Они еще спали. Мы их разбудили, а сами пошли смотреть в монастырь забальзамированного человека, который уже там находится около 450 лет. Только у него одна нога, вторую отрезали немцы во время войны, желая узнать тайну балзама польского. После осмотра монастыря все три группы отправились вместе на озеро Швашты. По дороге один участник группы Титкина сломал лыжу. Ему ее починили на месте и двинулись дальше. По дороге пару раз делали перекус и несколько привалов. На каждом привале Жора доставал из чехла гитару и пел песни. Часам к четырем мы выбрались на шоссе, которое вело к озеру. К озеру подъехали часов в пять. Решили для ночевки поискать школу, так как на холодную останавливаться было поздно. Школу начальную нашли в д.Бояре. Саша Люцко с кем-то съездил в соседнюю деревню за 3 км от Бояр за ключом к учительской. Поужинали, попили и легли спать. [Митник]

А потом еще пели песни. Хорошие, спокойные песни. У Жоржика закрываются глаза, но пальцы его не знают усталости. Усталость разливается по всему телу, и только гитара возвращает тебя из полусонного состояния. А все-таки хорошие у нас ребята... [Тешин.]

«Страшный сон» (навесный посещением костела в с.Засвирь)

Как считали древние, все события, которые могли бы произойти — уже произошли, все поступки людей — уже совершены, и история, бессмысленно совершая круговорот вещей, только непрерывно повторяет уже произошедшее.

И придут потомки Ваших потомков, которые не будут знать, о чем Вы думали и чем Вы жили, о чем мечтали и что любили. И они придут в Ваши святыни и разрушат их, и заплотуют их, и забросают окурками и огрызками.

И не в силах понять, что Вы любили, во что верили и что строили, они будут разламывать Ваши гробы и отрывать куски от Ваших скелетов, чтобы проанализировать их своей наукой.

И не добившись ничего, они будут кричать и топтать ногами и скажут, что Вы были злые, грубые и кровожадные и Ваши идеалы — обман.

Они будут правы, потому что они только повторяют то, что делали Вы и сотни поколений до Вас.

«Две реальности» (вечер 3.2.72)

Ребята сидят в сельской школе и поют прекрасные песни, а утром сюда придут дети и учитель будет строго спрашивать их уроки. И ни те и ни другие не ощущают, что в этом же доме протекает другая, в чем-то своеобразная, но в то же время единая в своем существе жизнь. Эти две реальности почти не соприкасаются друг с другом, и слабое человеческое сознание не в силах понять их единство. [Алексей]

В порядке дискуссии. Еще без названия...

Этот плотник на одной ноге в углу костела с провалившимися глазами — разве это не «свидетельство большого заблуждения нашего и чуткости Литературы» (см. «Беднее ли чувства?»)? Значит и в глухое, холодное и грязное, мракобесное средневековые любили и, быть может, приличнее, чем мы?

Каждый день и каждую минуту мы включаем "рацию" в анализ поступков. И в стремлении упростить себе жизнь строим себе максимально простую и, по возможности, наиболее универсальную руководящую схему (это называют мировоззрением). Чего же бывает проще — оценка факта? (плохо для схемы — хорошо ли!) теперь весь сор, включая подозрительность — настроение, чувства, между прочим, любовь — проще выкинуть и не оценивать. Постыдно не совершать над собой самосуд: суроветь и грубеть, если скребются кошки... Это усложненное самовыражение? Самобичевание? Вещевое отношение к среде? Приспособление?

Тогда почему повальное устремление в горы, в лес и глушь с елками и палками? И еще гитары и песни?

Может быть, это и есть самовыражение и самосродство? И даже нелегальный способ издать вопль слабости, внешне прилично оставаясь грубым и сильным?

Такая точка зрения... А можно ни в чем не копаться... [Люцко]

День восьмой и девятый (4 февраля)

Первыми встали мы, затем группа «Свирь», за ними остальные. Спали вповалку 30 чел на один класс. Так что яблоку не было где упасть. Встали, кое-как собравшись, направились на кухню. Сварили 2 кастрюли рожков на 30 чел. Попало каждому по черпачку, после которого ложки даже заблестели (так их облизывали). Потом кофе с хлебом и маслом. Солнце давно встало. На улице тишина. Вообще отличная погода. После "сытного" завтрака долго вспоминали этот завтрак и проклинали его. Кое-как выбрались на улицу и двинулись к озеру. Наша группа пошла впереди. Придя на перешеек, нашли хорошее место, где много снега и расположились. Все с удовольствием взялись за кастрюли, миски и другие приспособления и начали строить пещеры. Саша—завхоз приготовил вкусный обед, который после завтрака показался чем-то великолепным. Погода была отличная, светило солнышко. Кругом стоял лес. Местечко у нас отличное. После обеда мы, т.е. Вова, Таня, Андрей и я, начали строить зал для посвящения новичков, а что там будет... ух страшно! (я же новичок). Саша Люцко пошел с ребятами строить полосу препятствий тоже для нас (новичков). Ох, страшно!

В это время я ездил в деревню искать сажу для факелов. Солжарк нашел и встретил группу «3+2», которая была зла на всех нас (им жители деревни Бояры сказали, что мы уехали в Минск, так как испугались холодной ночевки. Но мы не такие). Приехали мы на место ночевки, поужинали и сделали открытие слета: был поднят флаг под звуки песни, руководители групп сдали рапорта Люцко, и все группы прошли с факелами... После этого мы подложили дров в костер, чтобы он не погас до завтрашнего утра, и улеглись спать. Группы Титкина и Сиротина еще долго пели песни у костра. Расположилась наша группа в двух палатках. Спать было сравнительно тепло. В три часа ночи я проснулся от холода и решил немного побегать. Одел ботинки не на те ноги, поэтому они мне жали, выскочил из палатки, пробежался и подложил дров в костер. Все группы спали мертвым сном за исключением одной, которая на завтра утром же смоталась.

Утром дежурил Саша Люцко и Ермишин Валера. Завтрак они нам приготовили отличный. Затем они дали нам банку и попросили, чтобы всех продуктов по две ложки высыпали в эту банку. И так в каждой группе. Не знали мы, что это на нашу голову. Ведь из этого всего сварили нам какую-то похлебку и кормили нас, посвящая в туристы, и еще били и мазали сажей. Но это все прошло весело и интересно. После этого мы начали штурмовать полосу препятствий. Команда нашей группы заняла второе место. Потом награждение под крики участников и спуск флага под звуки песни. Так мы смотали удочки. На попутке мы доехали до д.Нарочь, а оттуда на автобусе в Минск. Автобус был почти пустой. По дороге мы израсходовали все запасы спирта и к этому принесли еще сухое вино и бутылку «Юбилейной» Ехали мы тремя группами. Вечером в 10.45 приехали в Минск. На вокзале Аня отдала Ермишину лыжи, чтобы он их сдал, а в ботинках ушла домой (надо же!). Так окончился наш поход. [Митник]

Я уже неделю на куличках, Лешка. Попал в удивительную компанию: встаем в семь и работаем до 10—11 вечера. Работа адава, но польза несомненная. Во-первых, пресс стал стальным, кисти развиваются не по дням, а по минутам; во-вторых, ни одной лишней мысли, все чисто и ясно. Все нацелено на балки, опалубки, бетон и арматуру, сквозь которую не просочится никакая гнилая философия. Рядом, за высоким забором под охраной трудятся ЗК, кругом грязь, бетонная пыль и великолепный вид на Авачинский и Кортский вулканы.

На сопках там-сям лежит снег, даже в городе. Сыро, дождя нет — просто висит тяжелый туман, в котором характерно, как-то неприятно рокочут моторы самолетов и вертолетов. Солнце было единожды. Даже прилетел я сюда в тумане, так и не увидев Охотского моря. Да, Камчатку видел только с самолета. Хочешь, лучше расскажу о полете, тем более что это было удивительно и неповторимо.

Так вот, в Москве нас еще долго не выпускали, а затем привезли в Домодедово прямо на летное поле, выпустили и отпустили болтаться по аэропорту. Спустя время, объявили, что наш рейс объединяется с рейсом до Хабаровска.

На Ту-114 я раньше не летал. Громадная машина. Все время казалось, что находишься на плане полета: Ханты—Мансийск, Подкаменная Тунгуска...

Удивительно короткая ночь. Быстро стемнело и также быстро в 11 часов вечера начался рассвет. Только-только был ужин и вот уже завтрак, а за иллюминатором болота без края, тайга, какие-то гигантские реки, горные кражи, а на самом горизонте снежные горы.

В 12 часов покружили над Амуром с баржами и пароходами и сели в Хабаровске. Здесь утро, холодно, грязно. Люди в ватниках, в спецовках, сапогах — все забито. Чувствуется, что авиация здесь практически единственный и основной транспорт, как у нас электричка.

Наш рейс для начала перенесли на 6 часов московского времени, и я поехал в город. Городок маленький с поразительно большим количеством лозунгов и транспарантов, развешенных в самых невероятных местах. Погулял по центральной улице из конца в конец, на что потребовалось 20 минут, которая уперлась в парк с пляжем на берегу Амура. На часах 2 ночи, хочется спать, а сюда толпами идет народ, купаются, загорают. Громадная река, на другой стороне какие-то цепи холмов.

В аэропорту о нас забыли совсем. Если помнишь, в нашем рейсе была большая компания с рюкзаками. Они пошли скандалить, в результате чего нас снова объединили с очередным рейсом до Петропавловска. Сразу после взлета самолет вошел в плотные облака. Только через 3 с небольшим часа внезапно молокое исчезло и открылись незабываемые картины камчатского пейзажа — живые вулканы, океан и маленький городок Петропавловск на берегу Авачинской бухты. В самолет вошли пограничники, проверили документы.

12 часов московских, 9 вечера местных. Холодно, промозглость, ранняя весна. Натянул анорак, но помогает мало. Автобус катит по узкой дороге мимо Кортского и Авачинской сопки. В автобусе много поддавших и вдрызг пьяная женщина. Пьют здесь, по-видимому, жестоко. Народ приветливый. Пригласили сразу в гости, но тороплюсь искать свою рабочую компанию.

Нашел. И вот неделя. Голова в бетоне, подушка тоже. А завтра воскресенье, работать будем недолго, пойдем в баню, посмотрим город и океан. И опять полезут в голову гнилые мысли. А мыслить здесь не с кем. Работают и спят — так было у рабов всех народов, за исключением индусских, где и рабство-то было вырожденное.

Не хватает, Лешка, тебя. За пять лет я к тебе привык. Для меня ты — концентрат всего того, что должно быть, что порознь у многих моих друзей, отобранных по отдельным ценным признакам.

После зимы я решил было, что мы никогда больше видаться не будем. Хотелось начать жизнь новую, многотрудную и переоценить ценности. К счастью, индусы отсоветовали: человек должен творить свою карму и не заимствовать надуманную, чужую.

Все спят, а кто не спит, требует темноты. Счастливо. Напиши, здесь скучно.

Твой. [27.6.72.]¹

25 апреля 1973 года. Очередного года Черного Дракона.

Ситуация внезапно изменилась. Моя помощь срочно потребовалась Вооруженным Силам. Колесо Сансары опять возвратилось к тому исходному положению, из которого его принудительно и противоестественно вывели осенью прошлого года.

Как сказано: «Преходящи лишь тела этого Вечного, неразрушимого и неизмеримого». Так не будем ослепленно цепляться за это переходящее, стараюсь удержать его, помня, что гунь движутся среди гун. Ведь все, что будет, оно все равно будет.

В году будут достаточно времени для размышлений, а здесь мне его не хватало.

Буду писать письма.

Желаю твердости и уверенности.

До встречи через год. Целую, Алексей.

По тайге в выпетшем генеральском френче шел человек. Поношенные офицерские сапоги мягко ступали по влажной почве. Рассеянный взгляд тусклых глаз был устремлен вдаль, где между сосен мерцало яркое весеннее солнце. Человек нес бревно...

Это бревно было теперь единственным смыслом его существования. Его честью и достоинством. Здесь в далекой, загадочной стране, где земля, люди и обычаи так резко отличались от всего привычного и родного.

Генерал увидел его сразу, когда оно лежало в общей куче, заваленное сверху другими стволами. Не слишком тяжелое, чтобы нести взвывая, но и не слишком легкое, чтобы привлечь к себе внимание охраны. Он терпеливо ждал в стороне, стараясь остаться незамеченным, пока снимут верхние стволы и бревно можно будет спокойно взвалить на спину. Теперь он испытывал некоторое удовлетворение от удачно выполненной операции. От того, что теперь можно неторопливо шагать, сохраняя безразличие к окружающим, погрузиться в себя.

Изредка, тут и там также медленно и неторопливо двигались солдаты и офицеры некогда доблестного соединения — гордость и слава нации. Теперь они все были равны — серые, оборванные, заросшие щетиной. Дешевая рабочая сила. Разношерстная, обезличенная масса, которая потеряла все и не имела ничего. Собиравшаяся вечерами в бараках, сбивавшаяся в кучки-кланы, пережевывавшая скудные новости и слухи. Слухи о завтрашнем дне, о желанных переменах, о далекой побежденной родине.

Масса ждала решения своего будущего. Решения, которое не зависело от ее воли.

Все это уже мало волновало генерала. Мучительные размышления бессонными ночами, ожесточенные обсуждения причин поражения остались далеко позади. На смену им пришла апатия и монотонный изнурительный труд и безразличное ожидание. Ожидание конца этого кошмара.

¹ При встрече в Москве Саша был страшно усталым и подавленным, вспоминая о грязных сторонах межличностных отношений на этой шабашке. На заработанные деньги он повел нас с Галей в ресторан «Бега», где оглушительно играл оркестр. В этом же году я защитил диплом. Затем летом Саша пригласил меня на Рижское взморье, где под моросящим дождем мы около недели провели с ним в его изумительной капроновой солнечной палатке. Потом поехали на оз.Нарочь. В сентябре я уехал на соревнования в Крым, где выиграл в паре с Володей Парфеновым первенство Москвы в связках, а после ноябрьских проводов наших с Курского вокзала на скальные восхождения в Крым (куда поехал и 17-летний Андрияша Ханкевич) окончательно связал свою жизнь с Галей

Генерал гордо и медленно нес бревно.

Свое бревно.

Вперед в неизвестность.

(сюжет для небольшого рассказа, стройбат, г.Москва)

P.S. Мое положение не выяснилось до конца. Так что по этому адресу пока не пиши. Излагаю некоторые, безусловно не всеобъемлющие размышления. Подробнее позднее. До свидания, Алексей. [июль 1973]

Здравствуй, Сашка! Соскучился по вестям от тебя. Как там у вас на гражданке? Приходится ли все еще вести основную научную деятельность во время ночных переездов, или же появилась какая-нибудь новая, доселе неизвестная форма работы? Гладко ли идет неизбежное диалектическое движение вперед, или же трудности нарастают как снежный ком? Как там Лера? Закончила ли изложение походных впечатлений, и спокойствие уже воцарилось в вашем доме? А может быть я зря тебя спрашиваю? Шляешься где-нибудь в горах Эверестов, наплевав на все мирские заботы и наслаждаешься чудесным неземным обаянием!

После долгих мытарств я надел голубые пагоны. Работа не ахти какая интеллектуальная, но зато есть время на самосозерцание. Знакомлюсь со средой. Перечитал все свои запасы.

Недавно приезжал в Москву свататься. Для Галкиных родителей это было полной неожиданностью. Но они старики крепкие — выстояли. Теперь древний общественный механизм включен и все идет уже само собой. Сразу же появилась куча заинтересованных лиц, кто-то что-то делает, добивается, ищет... Как говорит Зен: «Сиди спокойно, делая Ничего. Придет весна и трава вырастет сама собой».

8 сентября приеду еще раз для участия в небольшом представлении. Постараюсь хорошо сыграть свою роль. Будет уйма стариков, всем будет интересно: «А ведь и мы в молодости были ух какие!» Сможешь ли ты приехать? Один или с Лерой? Если нет, то я надеюсь, у нас будет время, чтобы заехать в Минск. Пиши.

В заключении просьба насчет книг. Если есть что-нибудь на твой взгляд для меня интересное — присылай по почте. Специальное или популярное. Хорошо бы на английском. И еще по темам: физиология беременности, развитие малышей, уход и воспитание. Быть может у вас что-нибудь сохранилось.

Жду известий. До свидания. А.К. [август 1973]

Солдату дано три дня увольнительных на оформление личных дел

«Советский Союз», 21 августа. Лешка! Черти—что. Завтра утром будем фотографироваться на фоне Японии и сниматься в кино — на фоне гейш. Вокруг Японское море, кругом плавают селдки, а на глубине в 4 тыс. ползают крабы...

Вчера оставили Владивосток. Приехали пыльные, за 500 км из тайги. Встретились в номере с московскими товарищами, сообщившими приятные новости: предложено мне мои методики опробовать на о.Врангеля. Просят ехать туда на 2 года. Жаль. Шефу, с которым плывем, нужна моя докторская в эти же сроки. Вот. С каждым днем все интереснее. Завтра — пролив Лаперуза: слева Сахалин, справа (в 10—15 км) — Хоккайдо, послезавтра Курилы, потом Камчатские вулканы. Мы тут в Японском море накупились, нахлебались самой соленой в мире воды, загорели и стали красивые. А дела идут нормально. Еще две недели — и жизнь станет скучна и удивительна: нужно учить студентов.

Мы, наверное, будем делать жизнь самостоятельно: в одной половине ее гуны можно двигать своими руками. Вся путаница во второй половине, где никакой человек не властен, где вообще мало человеческого — и все от Брамана: кожа, кама... Где-то там расположено и удивление первой и другими половинками.

Отбывали тревогу: готовность на живучесть судна. Выскочили из бара и одели плавки на случай настоящей тревоги. Рассказали, что в этом море кроме селенок плавают акулы и прочие разные гады. Есть надежда, что наше гигантское судно будет идти на дно долго. На двое суток водки хватит. Если утром увижу гейш — опишу.

23 августа. Гейш не было — все на работе. Хоккайдо был в 12 ч. ночи сахалинского времени. Из иллюминатора увидели яркий маяк. Решили — остров. Потом еще много маяков и зарево над японским городом Вакканай. А слева — маяк на сахалинском мысе Крийлон. Вовсю вертятся моторы — это чтобы не врезаться в берег гейш. Так и проплыли пролив Лаперуза. Утром был сильный шторм, так что даже в наш иллюминатор (восьмизатжная высота) бьет волна. Пришлось его задраить.

Сегодня снова крутятся локоаторы, а штурманы смотрят в свои астролэбии — верный признак близкой земли. И правда, сначала справа, а потом и слева высоченные сопки Курил в облаках.

Только что вернулись из музыкального салона, где плавсостав давал концерт для пассажиров. Там был фокусник Шлея Шаки, который снимал рубашку, не снимая пиджака, а бабы несли яйца. Ночь ясная и звездная. Завтра — Камчатка. Живу на 9 часов быстрее тебя, до Лас-Вегаса ближе, чем до тебя. Твой. [24.8.73]

«Печальная пора — очей очарованье!»

Здравствуй, Сашка! Что ты там пропал! Вернулся ли с Камчатки или решил захватить на Хоккайдо? Или уже зимуешь на Врангеле и мои письма лежат недвижимо в груди прочей корреспонденции? Как это тебе удалось упорядочить гуны в одну сторону несмотря на то, что в другой части они еще движутся среди гун?

Я уже изменил свое семейное положение. Борьба, которую мы вели с конца мая завершилась успехом. Враг временно отступил и затаился. Но сладость победы исчезает в тот момент, когда ее достигнешь. Так устроен человек исходя из потребностей расы.

В суматохе трех дней, которые всемогущие боги мне милостиво послали, я все—таки успел заметить... Что что—то неуловимо изменилось. Мир стал немножко другим. Пока я здесь, связанный с ног до головы навязанными нечеловеческими отношениями, действиями, мыслями, что—то там наверху произошло, случилось. Появилась какая—то другая, новая картина мира. Почти такая же, как и прежде. Но в чем—то уже неуловимо измененная. Но в чем? [сентябрь 1973]

Саша, дорогой ты мой предприниматель и искатель приключений,

Здравствуй! Что—то нет от тебя слухов уже прорву времени. Не перевернул ли с ног на голову твою карму этот жестокий год Черного Дракона. Черные мысли, словно черви подземные буравят мою голову. Откликнись, Христа ради!

Пишу тебе с караула. Как много в этом слове для сердца воина сплелось! Так много этих пустых, бессмысленных терминов, которые, сколько их не употребляй, не станут ближе, человечней. Там вам кажется маразмом, что существуют караулы, наряды, вечерние поверки, отбои, увольнительные, которые для кого—то имеют существенное значение. Что кто—то серьезно думает о них и подчиняет им свои действия. Что есть деды, помозки, солбоины, салаги (местный фольклор). Что кому—то положено драить сортиры, относить посуду со стола, брать пищу в последнюю очередь, а кому—то — спать на нижней койке, стоять во второй шеренге... и что это — самое главное в жизни, ее смысл.

Час назад наряд ехал в битком набитой караульной машине, в темноте несчадно курил и махрово матерился, мордуя судьбу, коварного старшину, который не выдал свитера и теплые портянки, и мимоходом все, что подвернется под руку.

А потом он ввалился в жаркую караулку, загоготал, разбился на куски и опять начал несчадно дымить и материться. И никакой тебе Ионагами Равалпинди! И нет на свете благоденственных земель, где, погружившись в самосозерцание, брахманы владеют органами чувств.

Смотраться бы в край ледников и кислородного голодания и просто говорить с прекрасными и разными людьми. Или окупаться с головой в проблемы временных циклов и внеземных цивилизаций и не заботиться о том, что где—то есть мир, в котором до этого никому дела нет.

Начитался я уже до оскомины марксистских газетенок Англии и Америки (мне их шлопот пачками), разобрался, наконец, в теореме Геделя о неполноте любой достаточно сильной непротиворечивой теории, алгоритмах Маркова, машинах Тюринга, привел в порядок фило-

софские записи и кучу всего. Читается здесь легко и это единственное спасение (а потом такой благодатной возможности не будет).

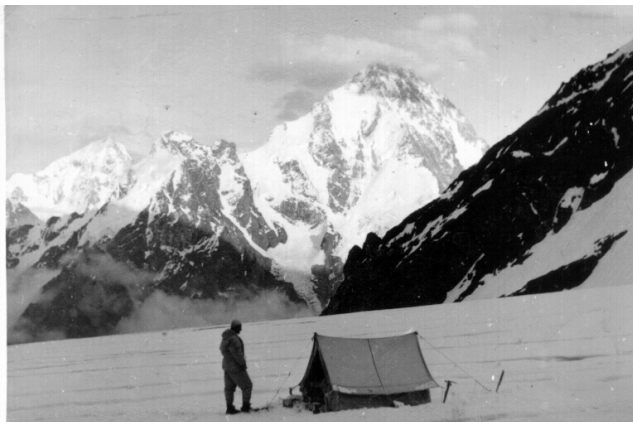
Что еще можно сказать о себе? Галке медленно, но неотвратимо подходит время рожать. Поэтому все мои мысли там. А в здешней иерархии я нахожусь на самой низшей ступени, и возможности существенно ограничены, а метод возгонки или пас в сторону в этом сбалансированном мире неэффективен. Есть отчетливо бросить курить и предаться садхане.

Впереди много сугубо практических, мирских проблем в условиях полной свободы выбора и неопределенности. Примерно как у тебя пять лет назад. Хорошо, что я тоже научился управлять гунами в одной части (может быть несколько отличной от твоей) или мне это только кажется из-за авидьи.

Скоро в дозор. Буду встречать рассвет. Низкое, белесое солнце над дымящейся снежной пустыней. Почти как два года назад. Только в руках не лыжные палки, а карабин. Крепко целую старина. Пиши. Леша Кулаичев. [декабрь 1973]

Здравствуй, Сашка! Спасибо за телеграмму. Во первых строках моего письма хочу остановиться на некоторых вопросах орфографии и синтаксиса, кои способствовали бы дешифровке вышеприсланного изречения, начертанного на одном из известных тебе восточных языков. Смысл оногo безусловно содержит ту частичку относительной истины, которая, как мы считаем в зависимости от настроения и по своему глубокому невежеству, отражает истину абсолютную.

Итак:

Одинокaя ночевкa у вершинy в верховьях Безенги

последнем месте глагол—связка³⁾;

3) дополнение в винительном и дательном падежах образуется от косвенной формы существительного при помощи послеслога , который стоит после существительного⁴⁾;

4) настоящее время образуется при помощи глагола "быть" ⁵⁾ в настоящем времени

(1 л.ед.ч.) и причастия настоящего времени смыслового глагола⁶⁾.

На этом я умолкаю, дабы не омрачить радость поиска скрытого смысла. Тем более, что ты получил то, что просил, так что выкарабкиваясь, как хочешь, если желание еще не угасло.

Во вторых строках моего письма хочу сосредоточить внимание на одной пришедшей мне в голову импровизации.

«Плод созрел и Его надо сорвать. Никто не знает, Каков Он На Вкус и Что Он Такое. Только, что Он Поспевает, наберясь соков, и сострадание не позволяет пройти мимо и увидеть, как он чернеет, покрываясь язвами, перезрелый. Плоды в Этом Мире появляются, чтобы их срывали вовремя, и срывать Их должны те, которые родились для Этого. Пусть же они будут достойны Этого Шага и, поскольку будущее плода скрыто, — наберутся мужества и терпения, чтобы встретить любые неожиданности на этом Пути. Поскольку опасность таится в том, что в страхе перед тьмой Неизвестности можно начать галлюцинировать, ища опоры, принимая мираж за Действительность и Действительность за мираж. Так пусть откроются глаза и уши и очистится мозг и разум для приема неизвестного».

Основная идея этого бреда, наверное, в том, что будущее от нас скрыто. Лишь в редкие минуты просветления оно становится доступным нашим органам чувств. Но в силу своей природы мы не осмеливаемся верить в эту способность и быстро теряем Знание, не умея отличить и выделить его в калейдоскопе меняющихся чувств и настроений. Иногда помогает формализовать Ситуацию, набравшись смелости определить все детали, чтобы увидеть весь

1) русское обращение, записанное правильно нерусскими буквами, должно было бы выглядеть так: **स्तारिना**¹⁾; но, если быть последовательным, надо обратиться на хинди, скажем:

²⁾;
2) построение как вопросительного, так и повествовательного предложения такое: подлежащее, (вопросительное местоимение в вопросительном предложении), сказуемое, дополнение, обстоятельство, и на

лес, в котором так быстро надоедает блуждать, не зная направления, сверху хотя бы одним глазом:

हम क्या करेंगे ?

На 23 февраля, наверное, выберусь в Москву в последний раз перед дембелем. Тогда в мае мы и постараемся определить Неопределимое.

До свидания. Пиши формализовано. Лешка. [февраль 1974]

-
- ¹⁾ вместо надо употребить лигатуру ;
- ²⁾ звательная форма высокого стиля из санскрита от ;
- ³⁾ глагол-связка применяется для образования некоторых форм времени;
- ⁴⁾ косвенная форма от ;
- ⁵⁾ в хинди большое многообразие форм времени, поэтому и по способу их образования он ближе, скажем, английскому и немецкому, чем к русскому;
- ⁶⁾ инфинитив смыслового глагола имеет окончание ; причастие настоящего времени приобретает окончание **ता** (инфинитив , причастие н.в. **समझता**).
- ⁷⁾ будущее первое время от глагола в 1 л. ед.ч. при помощи окончания .
-

Было много праздников, Алексей Павлович! Со всеми! Я недавно вернулся из экспедиции и получил твоё лаконичное послание. Не очень понял — требуется офицерское собрание? Звони 24–77–83. Пока все как было.

Очень много езжу, правда без прежнего воодушевления. Неделью назад, во время остановки в Теплом Стане и проездом наблюдал вашу дачу.

Самое спокойное время — сейчас и до июля. Если не съезжу в Москву, значит буду дома. Потом поедом с гималайским отрядом на п.Коммунизма, после чего на Восток, как обычно. В сентябре большая суэта — Томск, Алма-Ата, что-то еще... А дальше не знаю.

Вот. Каков вопрос — таков ответ, даже пространнее.

Звони и (или) пиши. Привет Анне Тимофеевне, Гале (если помнит)¹. [21.5.76.]

Здравствуй, Сашка! Чудесный рождественский подарок! Очень рад и большое спасибо!

Неуловимые мгновения вечности, мы их творим изредка, мимоходом и непреднамеренно, а потом внезапно ощущаем, что именно в них действительно жил и живешь, и именно их вдруг ощущаешь как единственную реальность. А все предшествующее и следующее, хотя оно прожито намеренно-целенаправленно, не оставляет следов и воспринимается как небытие. Как овладеть этой способностью жить! Откуда приходит и куда вдруг исчезает она, эти окна... в куда?

Со мною то же происходит... Идей у человека до жалости мало, а борьбы за их воплощение неизмеримо невероятно!

Поэтому длинное и грустное отступление... Огромное количество оплачиваемого времени сейчас трачу на личную и объективно никому не нужную идею, потому что, если не сделать, пока есть желание, не сделаешь никогда! А не принесет она ничего, кроме, может быть, некоторого идеального удовлетворения. И показывая она, насколько жалок человек даже в своих незначительных желаниях!

А борьба идет с вычислительной техникой [речь идет о супер-ЭВМ БЭСМ-6], которая настолько же расширила возможности интеллекта, насколько же безнадежно закалила его мышление, приковав его к невообразимому множеству мелочей!!!

¹ Довольно сухое письмо после годичного перерыва. Подозреваю, что именно летом 1975 и возникла та резкость, о которой Саша один раз вскользь упомянул, но которая в моей памяти не осталась. Примерно реконструировать события можно так. После теплой встречи мы поехали ночевать ко мне на дачу в Востриково. При луне и полном штиле мы переплыли наш пруд, покорили в свободном стиле забор, еще посидели в домике и разговаривали. Саша, как это нередко бывало, начал рассказывать самое сокровенное и горькое. Постепенно он настолько пропитался тягостными мыслями, что загнал себя в совершенно безысходное отчаяние. И здесь-то я, вероятно, внезапно и резко вспыхнул. Помню только, что затем я вышел из дома и долго смотрел на звездное небо. Наутро мы пошли через лес к Марку Дюргеру в Теплый Стан. Лето в тот год было на редкость буйное, и мы пробирались через травы по пояс, как в джунглях. У Марка с его женой мы долго сидели, пили чай и вино, шутили, слушали удивительные рассказы Марка об Антарктиде, строили планы — ничто не напоминало о нанесенной Саше ране...

Итак, для реализации идеи удобен некоторый язык, но где он есть, там не дают более 5 мин в сутки и 3 м бумаги на выдачу, и не бьют более 10 п/к. Наконец, найдено место, но там нет транслятора, который есть в другом месте, но нужен еще редактор, который в третьем месте. Поэтому просишь ленту с транслятором (а своей пока нет) и едешь просить возможности дописать редактор. Но для записи нужно составлять программу, а в ней вдруг ошибки, и в набивке вдруг ошибки, и вдруг не учел особенностей системы, в которой пускаешь и которые знает только ее разработчик и то не всегда. И просишь, просишь, просишь пустить еще разок, а времени ноль, и бегаешь, бегаешь, бегаешь, вверх—вниз, вверх—вниз... Но, наконец, лента сформирована. Но оказывается, что там, где собирался работать, свободных лент нет вообще и неукomплектована полностью машина, поэтому ограничения на тракты и листы памяти, а транслятор жрет ресурсов до черта, потому что разработчик сидит на машине с дисковым вариантом операционной системы. Поэтому ищешь: Христа ради, продайте ленту где—нибудь и проявляешь интеллектуальную эквилибристику для влезания в имеющиеся ресурсы.

Ведическая богиня Лакшми,
Приполярный Урал — июль 1976

Подъем на перевал к верховьям Катунь, без
челнока, рюкзаки 32 кг, 1978

Далее информация к размышлению: оказывается, скажем, что в отличие от прямой, параметры эллипса нельзя выразить в явном виде через координаты двух его точек — нужна итерация, а эллипсов 19 штук! И к тому же нельзя в явном виде выразить координаты точки пересечения двух эллипсов через их параметры, а таких точек 33 штуки, значит опять итерация итераций! Вот тебе и простая задачка по аналитической геометрии! Но есть еще глобальные и вложенные друг в друга 5 итераций по этим 19 эллипсам! Так что получается, что есть некоторая точка, в которой положение каждой молекулы зависит от всех остальных. И эту точку надо поддержать в руках и не растрясать!

Но чтобы это все отладить (а времени как всегда мало и будет еще меньше), текст должен быть обзорным, а следовательно — компактен за счет структурирования и вложенности. А для этого опять надо хорошо помучиться! Но это еще не все. Объем получаемых числовых данных — огромен. А еще огромное из-за того, что точно не знаешь, что хочешь получить, и значит надо исследовать все возможности. Единственный выход — графическое представление! (Еще интересное сведение из графики: эллипс нельзя построить иначе как по точкам, поэтому ни в одном, даже самом солидном издании, не найдешь истинного эллипса — везде взамен рисуют овалы). А задача графического представления на алфавитном печатающем устройстве — похлеще любой итерации!!!

И в результате, скорее всего, ничего толком не найдешь, на что можно опереть несчастный разум, только лишь смутные ассоциации!!! Такое с каждым происходит...

Но все—таки приятно, что можешь, плюнув на отчаяние, довести до конца небольшую работу, интересную, быть может, всего нескольким людям!

Дорогие Саша, Лера и Танюшка! Поздравляем вас всех с Рождеством Христовым и Новым Годом.

И желаем, хотя бы изредка, видеть вас, слышать и говорить, и читать ваши письма!!! До свидания, Леша, Галя, Юлия. [декабрь 1976]

Даже интереса нет — попробуйте найти Матроса Железняка! [новое наше место жительства] Старый адрес — надежно, тем более, что рядом любимая «Маяковская»!

С Первомаем, дорогие Алешка и Галя! Стоило начать — и вот минчане вас мучили всю зиму и, по-видимому (т.к. из Антарктиды к празднику вернется Марк и много совместных дел), снова помучат. Так что пока покатайтесь на байдарках...!

Завели мы у Горького (бюст или памятник — ни разу на него толком не смотрел) беседы, но т.к. все мы любим поговорить, времени нужно много... И необходимо даже, ибо затеял я снова повороты, а у жизни при этом бывают острые углы и, Лешка, — ты мой духовник.

Днями праздновали с Леркой десятилетний цикл нашей совместной мучительной жизни. Исключительно с шампанским, а от него я пьянею, потому что давно пью только водку. Немножко бегая на всякий случай, потому что судьба может забросить не только на Восток, но и на семитысячник. Обнимаем. [май 1977]

Алешка! Ты не пишешь, поэтому и я тоже. Сразу о деле.

У нас складываются неплохие отношения с Дальним Востоком. Днями был здесь проф. Симонов — начальник Восточной экспедиции геофака МГУ, он же — научный руководитель лаборатории математического моделирования, где работает Гракович. В процессе переговоров за одной из рюмок я ему предложил поговорить с тобой о переходе к ним. Так что тебе должен позвонить Робсман Вадим Александрович (его правая рука и левая нога).

Ситуация у них такая. Есть Одра на базе МГУ, сейчас покупается очень примитивная немецкая машина. Идей они (особенно, Вадим) генерируют много, но толковых работ практически нет и что конкретно нужно делать, они, по-моему, плохо себе представляют. Мы им в этом поможем.

Плюсы такие: 1) поездки на Дальний Восток и другие места; 2) возможности для самодовольствования велики, т.к. потребуются не только решать, но, сколько понимаю, ставить задачи — по отношению к интересным вещам (я им рекомендовал тебя как мыслителя); 3) на первых порах масса свободного времени для обдумывания и формулировки задач, вхождения в курс и пр.; 4) самое тесное сотрудничество с Минском — по сути, совместная работа (если это, конечно, плюс).

Минусы: 1) оклад, по-видимому, прежний; 2) работа над собой в смысле состыковки с инородным географическим мышлением (Симонов, правда, считает, что Вадим — математик, но он скорее добрый и отзывчивый демагог).

Взвесь. Я бы рискнул. В твоём статусе — самое время поэкспериментировать (по индусам — смысла существования нету, не лучше ли заниматься тем, что интересно!).

В очередной понедельник у меня очередной индусский семинар. Если ты напишешь, своими новыми индологическими сведениями непременно поделюсь. Для сведения: Симонов Юрий Гаврилович, Робсман Вадим (если представится по отчеству — Александрович). На встречу с указанными лицами для ведения денежных бесед в присутствии Капицы я приеду 24—25 декабря.

Всего тебе. Твой. Привет Анне Тимофеевне, Гале. [ноябрь 1977]

Р.С. Только что получил письмо Аркина. 13 дек. ему и Кизельмо московские альпинисты уstraивают проводы. Просит приехать. Я вряд ли сумею сделать это, т.к. через 10 дней ехать снова. Пошлю, по-видимому, все почтой. Такое дело, надо бросать лекции...

С Новым Годом, дорогой Алексей Павлович! Я ничего писать не буду, равно как и желать, т.к. надеюсь, что вы с Галей и мы здесь все вместе встретим и проводим Н.У. в Минске. 30-го по нашему белорусскому телевидению в 21.30 состоится новогодняя передача моего изготовления, в которой можно наблюдать многих известных тебе людей (в т.ч. Данилку, Панкова, Чуланова). Так что приезжай до.

Будем в Новогоднюю ночь колядовать! Новогодние поздравления Анне Тимофеевне!

Саша. [24.12.1977]

Здравствуй Сашка! Теплится надежда, что мое письмо застанет тебя в Минске. Потому что ты не заехал по пути во Владик, а меня трудно было застать. На Арбате я не бывал. А жил только в Востряково. Теперь я на Железняк.

С Катуню мы вернулись живыми. Кажется, что мы там не были. Может быть это был сон длиною в восемь календарных дней. Единственно, что помнится, — это страшная усталость, когда все равно, жив ты или нет. Катунь была совсем не такая, как мы ее себе представляли, несмотря на все ее описания, и совсем не такая, как ее теперь можно представить.

¹ В предыдущем году мы с Галей, после отказа всех наших друзей, предприняли первый уникальный пятирочный одиночный байдарочный поход по Приполярному Уралу из Азии в Европу через Салехард, Обь, Халмерью, Народу, Кожим, в котором стояла ослепительно теплая погода, и мы не видели ни одного живого человека 10 дней. Стартовый взлетный вес рюкзаков у нас был 110 кг на двоих. Отец тогда обзвонил все погран- и спасслужбы, чтобы нас любыми средствами остановили.

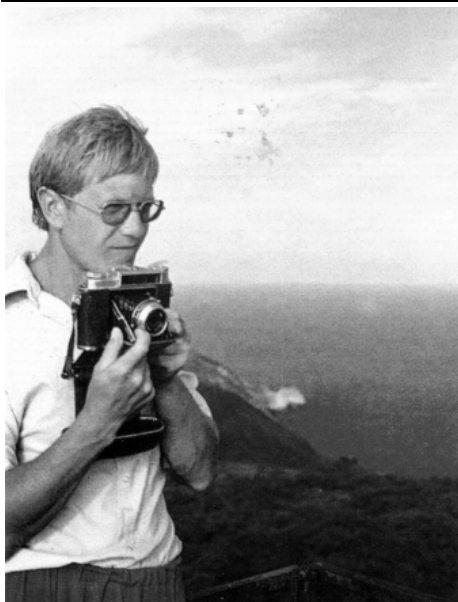
И не было никакой радости, когда мы ее все-таки прошли [в одиноком салюте-двойке с Галей после предыдущих четырех одиночных походов по водным пятеркам], несмотря на непогоду, несмотря на то, что за все время не повезло поговорить практически ни с одним человеком.

Неужели все наши мечты таковы, что их воплощение, столь нами желанное, превратится волею судьбы в фетиш. Впечатляет нас своей реальностью только то, что случается спонтанно, помимо нашей воли и желания.

После воплощения этой мечты осталась только пустота. Причем пустота, которая не тяготит, а пустота пустоты. В этом году исполнились почти все мои планы. Наконец, я сделал памятник Виталику Шиманову [погиб в горах два года назад и два лета я тесал 800-кг камень уральского змеявика на даче в Востряково]. И кроме меня никто бы не довел это до конца. И вся двухлетняя работа неожиданно завершилась в двое суток перед отъездом, когда все вдруг неожиданно получилось. Я почувствовал себя Мастером, который все может, если захочет. Но и это особенно не радовало, потому что ничего не хотелось. Где тот бог, которому жалко homo sapiens — царя природы.

Москва, Леша. [3.8.78]

*«Нас осталось мало — мы да наша боль,
Нас немного и врагов немного...»*

А.М.Люцко на Дальнем Востоке, 1975

Дорогой Алешка! Галя и сынишка! Мне так и не удастся сделать прилично Ваши портреты. Только настроение — такое оно и было: было все быстро, переменчиво, грустно и хорошо.

Со мною вот что происходит: Гостил Аркин, были альпинистские фильмы спортивного кинофестиваля со всеми кинорежиссерами со всякими задушевными с ними беседами, депрессии (в том числе и глубочайшие), письма, телеграммы и радости от тропиков до Антарктиды и очень тревожные и страшные даже из Владивостока и бездна еще всего!

Приходят разнообразные не те. И те. И эти. И хорошо, и плохо. И радостно и грустно. И тепло и холодно. И бог те чего еще успеет принести до своего последнего издыхания год Зеленого Дракона!

Менять ли с первого дня будущего года мировоззрение, жить ли в нем, или? Может, правда, порчу я окружающих людей, друзей, «причем, самых лучших»?

Независимо от мировоззрения.... нет, мировоззрение и создается, кажется, не для мук собственных, не для борьбы с собой, а все-таки для счастья!

Желаем вам счастья! И уюта, и тепла! Их всегда желают, только все равно их не хватает! А если хватает, пусть будет еще на чуточку больше!

Пишите, звоните, приезжайте! Целуем, С Новым годом! Где-то в январе на 7—10 дней поеду во Владивосток. Через Москву. А времени очень мало. Его (времени) нам нужно много. [декабрь 1978]

Дорогой Алешка!

Подзамело меня немножко.

На этот раз не просто — всеvery далеко.

Боюсь, что не хватит на этот раз субквантомеханического арийского способа общения. Грозит потеря морды лица. В сущности брошены почти готовая диссертация, грядущая гос-премия, работа, дом, родина. Все — ради чувственного каприза, обиды, боязни потерять эту самую морду лица. Захотелось. Я, подлец, обычно делал, чего хотел. Правда, в данный раз неоправдано.

Больше так отчаянно не напишу. Что положено — расхлебаю. Однако пару ночей было страшно, до пота.

Ехалось так долго, что лица попутчиков всего поезда стали знакомыми, особенно курящие. Много неудачников. Один выпил бутылку чернил, рассказал нехитрую историю. Жена делала самоаборт, умерла. Сына оставил сестре. Съездил по письму к знакомой в Рыбинск. Там его поняли и пытались женить, но оказался сын у невесты большого возраста. И занавески не понравились. Сам шофер. Оставил машину у родственников. Там зарезали свинью. Выпил. Права отобрали. — Летит в Омск, устройсь? Все рассказал философски просто: такая жизнь.

"Альпинисты" оказались шведскими вояжерами. Из Находки поплывут загорать на Филиппины: порножурналист, водитель автокара, полисмен, и безработный сын фермеров. Родители продали два из 4-х имевшихся автомобилей, чтобы сын погрелся за рубежом. Была большая практика в английском. Правда, сносно говорил только журналист.

Россия показалась из вагона неухоженной, огромной и сильно пьющей. Но вот я прибыл в солнечный мой город. Теперь были встречи.

Это писано давно. Пора поздравлять с Новым годом, что и делаю с большим удовольствием. Приехал соседний доктор из США, так что опять написать не удалось — крепко пили.

Сегодня вернулся из Хабаровска, где выключивал аппаратуру. Там много снега, а у нас — фи! На лыжах не покатаешься. В общем, с Новым Годом! Твой.

Пусть год будет небольшой, но хороший! С событиями и встречами! Целую вас всех и обнимаю. Анну Тимофеевну и от меня поздравьте! Саша. [11.1.1979]

Здравствуй, Саша! Ждал тебя в конце января, но у тебя, видимо, какие-то осложнения. Собирался, собирался, собирался и, наконец, собрался навалиться и вывалить в письмо.

Трудно представить, как ты там поживаешь, о чем думаешь, что чувствуешь. Человек вырастает и постепенно, неуловимо своим существованием создает вокруг себя своеобразный мир со множеством тонких связей, которые тем самым являются частью его самого. Как можно жить долго оторвано от всего этого, я себе сейчас себе на могу представить. Для этого нужно ограничение отчаяния и настолько глубокое проникновение в сущность вещей и отношений, которое возможно, например, в философии чань (это, кстати, сейчас совсем близко от тебя).

Я же как только приезжаю в какой-нибудь город, сразу же чувствую неудобство и бессмысленность пребывания там. И неудержимо тянет домой, когда можно прийти после дневной беготни к себе и заняться каким-либо любимым делом. А Галка будет временами ворчать, что ты мало занимаешься с сыном, что тебе нужна одна работа, и нужно жить по другому, что кто-то живет иначе. И мне самому будет совестно, что я действительно мало занимаюсь с сыном и от работы нет просвета. А в воскресенье, забыв угрозыния вести, — схватить лыжи и прокатиться тридцаточку по прекрасной лыжне за 2,5 с небольшим часа, еле волоча ноги домой и с огромным желанием хоть что-нибудь пожрать.

Вот также к этому есть еще и другие сведения. Написал я, наконец, рукопись, изготовил документацию по 12 пунктам в 2-х экз., а все затянулось. Паша все никак не спешит договориться с оппонентами. У него какая-то глобальная идея организации под этим предлогом долгосрочных контактов. По этой же причине тянется и оформление внедрений. Мне все это уже надоело и осточертело. Тем более и работа — давно пройденный и пережитый этап (чего?).

Недавно проводили междугородний семинар «Модели и имитаторы сложных форм деятельности». Напалков в своей секции «алгоритмические модели мозга» вдоволь наговорился о том, как одни алгоритмы порождают другие и так до бесконечности, и вся эта штука творится в мозгу человека. Правда, кроме единомышленников там, кажется, никто и не был. Интересный фильм о своей тележке показал Охотинский. Амосов долго и увлекательно рассуждал о стимулах и эмоциях, как он выражается: «отдельных экземпляров». Приехали также его сотрудники: Касаткин, Дима Галенко и молодые, но новые ребята. Меня всегда поражала атмосфера терпимости и доброжелательности, существующая в их лаборатории. Так Галенко, например, отказался от необходимого для всех выступления, потому что в нем упоминались результаты Куссуля, а Куссуль занят и не приехал. В этой атмосфере им удаются удивительные вещи, которые в отличие от наших, требуют еще и выбивания дефицитных материалов, проектирования и изготовления электроники. И вообще говоря, по-моему, они ближе всех в мире к действительному моделированию мозга. Хотя у них тоже много проблем и трудностей, которые они умело скрывают. Удивляет также манера просто держаться, без всякой погони за контактами и знакомствами, характерной для такого рода симпозиумов.

Ну что, времени у меня сейчас и больше, желания поехать поменьше, и возвращаюсь к своему старому прерванному занятию — геометрико-математическим упражнениям. Давно у меня складывается мысль сделать кино. Хотя бы небольшой мультфильм, в идеале — цветной, показывающий динамику решения на сфере. Но для этого нужно очень много расчетов, надо работать в субботу и воскресенье, когда никого нет, и не переводить на это бумагу рулонами. Конечно, идеальной была бы видеозапись с цветного дисплея, но где его взять, их в стране единицы и большинство — на закрытых фирмах. Чтобы это организовать нужно много, много свободного времени и много везения.

Но сейчас, прежде всего, надо довести программу. Пока она работает только до относительного радиуса шара к радиусу янтры ≥ 2 при точности вычислений 4 знака. В других случаях идут сбои из-за сложной взаимосвязи параметров, которую не так то легко осмыслить. Еще надо резко снизить время счета, которое сейчас составляет 3 мин. на 1 рис.

А при воображении динамика должна быть впечатляющая! Янтра возникает из точки на шаре, ее радиус растет и при приближении к диаметру сферы составляющие эллипсы выпучиваются, внешний радиус растет, в нем появляется новая звезда, предшествующая исчезает на радиусе шара, и такой калейдоскоп повторяется снова в одном, а затем и в другом порядке (на противоположенной стороне шара), когда все исчезает в точке. При хорошем цветном разрешении от такой игры трудно будет оторваться. Общее название может, например, звучать так: «Рождение и смерть Вселенной».

Но это уже область грез. Отлажу программу, а там займусь разговорами. Хотелось бы, конечно, пробраться на какую-нибудь студию и организовать фильм минут на 10—15 с рассказом, экскурсом в историю и т.д.

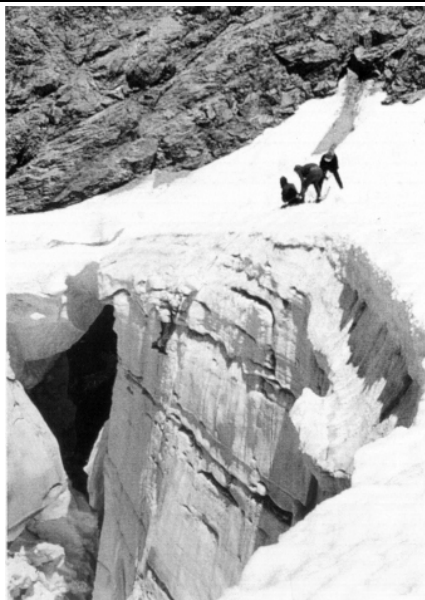
Ну вот, вроде, и все, что я набрался сил вывалить (редко, но сразу). А может быть что-нибудь появится (или не появится). Ведь я все-таки надеюсь на твой приезд, хотя бы до мая.

Привет всем старым знакомым и незнакомым.

Держись за край земли, если будет трясти.

С пожеланием удачи, Леша. [23—28 января 1979]

Память у нас несовершенна в своей избирательности.

Памир—1976, испытания портативной метеостанции А.М.Люцко

Ну вот тебе, Лешик, и дальневосточный привет! Текст с янтрами и мантрами, наконец, достиг Пасифика [один из первых вариантов статьи], и сейчас я испытываю чувство глубокой удовлетворенности: все же средне-европейскому арию прямо сказанная, изложенная (наложенная) мысль понятней и родней, нежели посланная умозрительно в состоянии медитации (мешает цветочек слева [на почтовом листке с 60-летием Октября], не ясно — где писать). В твоё рождение напился, поболтался у моря, подумал, но ничего не получилось. Однако, если пришел-таки пакет, значит хорошо реципиент, а на восток телепатический радиус действия больше!

Связей я действительно себе насоздавал: и тончайших и кратчайших, толщиной в кулак. В итоге обмотался так, что стало невозможно двигать ни рукой, ни мыслью. Во время освобождения пришлось рубить и по живому, ибо, как справедливо ты заметил, связи стали частью сомы.

«Огромное ли отчаяние», «глубокое ли проникновение в сущность вещей» мною двигало? — Не знаю. Известно, правда, что от глубокомыслия до легкомыслия тоже один шаг. Впрочем, такова карма, а я здесь ни при чем.

Сейчас стало легче: пожухнув, опадает трава, которой начал было зарастать. Из-под нее иногда можно наблюдать собственную морду лица.

Арабы ли, индусы ли изобрели ноль? Каждый арий должен изобрести свой ноль! Я это сделал, старина! Не обремененный, не связанный, заново рожденный, не обладающий ничем, кроме нуля, борюсь с собственной физической немощностью, ленностью, по-звериному-первобытному с бытом, строю новое мировоззрение, дом, в котором буду работать и обрабатывать другими связями — прекрасно, Лешка! Всякий ли может сказать, что пережил два рождения на глазах родившихся однажды! Так что в минуту скорби я буду помнить, что являюсь дваждырожденным.

Таково вступление.

Кратко нынешнюю жизнь можно делить на бодрствование (~18 часов), когда светит солнце и отправляются все человеческие потребности, а также ночную (~6 ч.), когда вижу сны, оставленных друзей, разговариваю с ними, думаю. Первая, в свою очередь, состоит из служебной и бытовой частей.

Институт переселился в новый корпус, но строители еще шныряют, все подряд воруют (у меня даже огнетушитель), по-прежнему много мусора. У меня здесь 3 комнаты, на которые из ГипроНИИ поступило 3 тома новых проектов. Так что, вселившись в новые помещения, начинаю все снова ломать, делать перегородки, другие двери, другое отопление, вентиляцию, сантехнику, электроподводы и пр., в соответствии с другим назначением, оставляя от всего сооруженного только стены. Кроме того, отправляю функции снабженца — добываю аппаратуру, оборудование и т.п. Мебели и холодильников дали много, но я один, правда, дваждырожденный! Сочинил программу будущих работ, скоро ее обсудили, но я опять же в единственном числе на всю эту большую лабораторию: зав. без лаб'ы.

Влияние океана имеет и такое последствие: люди привыкли к валюте, тряпкам и не в ладах с отечественным рублем. Отсюда — неспешность, все со дня на день откладывается на завтра. С образованием тоже плохо: головы, как правило, пустые, но с запросами. И все подряд — спокойны, как Бодхисаттвы! Правда, один наш сотрудник перерезал себе вены, пробравшись в лабораторию ночью, но это — не чистый эксперимент, т.к. в этом участвует женщина.

Праздники — это когда идем в лес (он здесь лиственный), встречаемся с альпинистами (их всего во Владивостоке 5 шт), бываем на дискотеке, смотрим фильм «Легенда о динозавре» (это про японских птеродактилей, которые пожирают молодых девушек и выплевывают их ошарованные ножи) или когда приходят гости. Ну, в этом случае — пьем.

Быт таков. С тех пор как Оводовы ушли в Индийский океан (сейчас они возвращаются от Мадагаскара через Маврикий, острова, Коломбо) у меня на матовственности их сын — десятиклассник. Его зовут Сережа, и он полюбил девушку. Сначала они сидели друг против друга и могли смотреть друг на друга часов по двадцать. Ежедневно. Родители, однако, очень просили, чтобы не было от этого сидения внуков. Поэтому пришлось занять ребенка, что потребовало от меня бездны времени. Четыре раза в неделю занимался с ним спортом (в результате я стал поневоле слишком здоровым, т.к. даже в студенческие времена тренировался поменьше), потом английским, науками и просто воспитанием.

Мне дали трехкомнатную квартиру рядом с работой, Оводовыми, между морем и лесом. Пока туда не выезжаю, т.к. поставить чего-нибудь, кроме пепельницы и книжек, нечего. А сама требует удобств и уюта, а также кофе. Наверное, поселилось после приезда Оводовых (26 апреля).

Приехать все время собираюсь. Как только выметутся от меня строители, так и приеду. Хочу подарить тебе перепечатку еще одной Yogi, которую привезли из Сингапура. Здесь много всякой литературы, в том числе о чань, но не успеваю обработать.

Пришли водопроводчики, так что на этом кончаю. Пиши — здесь так мало информации! И вообще, твои письма — радость. Доставь радость близнему, расположенному далеко!

Целую, привет Гале! Анне Тимофеевне! С днем мужчин и женщин! [22.2.1979]

Привет, Алеша! Yesterday and some days ago I'd any practice in English with doctor Whister and now catch myself in разговаривании не по-нашему.

Привезли вертолетом с (из-под) Корженевской на поляну Сулоева. В первый раз за месяц получил почту — толстенную папку! К удивлению, и твое письмо. Даже в Минске оно шло долго (мой адрес переменили еще три года назад). Так часто шлем письма! В последнюю встречу показалось мне, что тягостны и неприятны тебе эти встречи. Потому и сказал, если вспомнишь, что дальше — все в твоих руках. Захочешь — позвонишь, напишешь, приедешь. Но сам.

И вот, спустя все, одно письмо из фразы, а теперь из нескольких. В это время бывал в Москве много раз. Звонил. У Гали долго интересовались — кто, потом повесили трубку. На работе сначала пошли звать, потом спросили — кто, ответили, что нет и не будет.

6 августа приезжали в Минск с Памира, назад во Владивосток звонил на работу еще. Спросили, кто, ответили, что ты в длительной командировке.

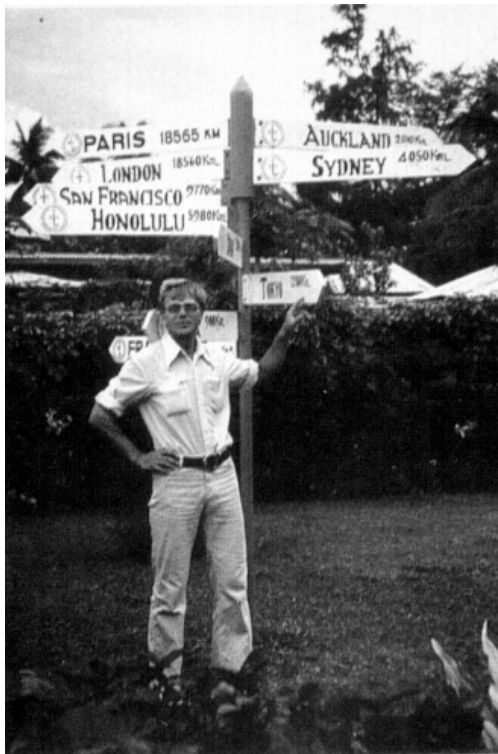
Вот и не понимаю ничего. Нужно ли позвонить еще или это неправильно. И что значат письма? Не тяжело ли тебе, случилось ли что? А?

В первую неделю сентября проездом буду в Москве, т.к. назначена встреча с Хохловым [ректор МГУ]. Попытаюсь позвонить еще. В последний раз, только не знаю, куда. Ты бы прислал телеграмму по указанному на конверте адресу.

Сейчас я южнее Владивостока, в бухте Витязь, куда завтра привезут нашу аппаратуру. Если успеем, будем возить ее по островам.

А вообще поменялось многое. Не все. На Корженевской у вершины (с 7050м) нас сбросило лавиной. Ушли вниз. Для счастья всегда должно чего-то не хватать! Японское море — прозрачное до страха при купании. На моем столе сушат звезду. Пьем кофе и слушаем менестрелей.

Но вот и лето уж к концу... Люцко. [1.9.79]

«С ума сойти — до Лондона 18600 км, даже до Токио — 12100!», Нукуалофе, королевство Тонга

токе не ясно, чем вы там занимаетесь. Здесь у нас темп совершенно жуткий. Дни так и мелькают. Встал, «Доброе утрочко!», сходил на работу, еще поработал, и еще невозможно, «Спокойной ночи!», «С Первомая!», «С Новым годом!»

Помимо собственно работы ишу и готовлю будущих сотрудников, читаю лекции в университете, пишу телесценарии. Вот и в следующее воскресенье будет запись новогодней передачи, а требуют уже февральскую, первоапрельскую...

Лешик, не получается нам первомайский поход, т.к. в начале мая я, по-видимому, уйду в рейс на 5 месяцев. Послушай, каков маршрут: Гавайские острова, Галапагос, Панама, Эквадор, Колумбия, Малые Антилы (и остров Гваделупа), Куба, Ямайка, о-ва Лайн в центр. части Тихого океана, Япония. Забыл, еще Багамы... Отказаться не хватило духу. Сейчас оформляются документы. Правда, мало ли чего бывает!

Лера в начале января будет проездом в Минск. Если позвонит, то обменяетесь жизненными подробностями. Счастливого Нового Года обезьяны! Будет он вопреки повышенной солнечной активности и высокосным!

Не болейте. Целую от имени Тани, Леры. Саша. [26.12.79]

Дорогой Лешка! Получил «Поток сознания» от 12 марта. Ощутил, что для такого творчества ты созрел — максимум концентрации воли с синусоидальным расслаблением после защиты! Мне особенно близки «Осколки реальности». Опять же этот засранец Миша!

Жаль, что мир материальной материи, а так бы — мордой в багульник и наблюдать надвигающийся муссон. На Шамаре море выбросило несколько грузовиков спицулы, гребешков и трепангов. Старатели добывают их без трудов машинами, а океан беднеет...

Сейчас у меня куча белорусов. Один недавно приезжал в отпуск проверить, так ли здесь скверно, как я там его предупреждал. Хотел парень делить с нами трудности, шлет меня, разыскивает по приезду в первый день, пишет и пишет. Спросил, есть ли у него девушка. — Есть. — Ну и что она вам говорит? — Говорит, либо я, либо — твой Владивосток. — Зачем же вы ко мне пришли?

Ну вот, был здесь две недели. Все ему нравится, в лаборатории все дигал и украшал, вечерами смотрел влюбленными глазами... — Ну, что ж, Коля, подумай еще. Зарплата будет

С октябрём, дорогие Кулаичевы! Ждали—ждали тебя, Лешка, смотреть олимпийский объект, опоздали и получили выговор от генерала. Так и полетели. Здесь навалились дела: сломан [...] счетчик, все стояло без движения, лекции мои в университете замещались другими и т.д. и т.п. А тут еще оказалось, что в институте можно построить сауну. Естественно, как же нам без нее? А нетерпеливее всех ожидало телевидение.

Из Петропавловска приехал большой альпинист Юра Слезин, и мы пошли совершать траверс южно-сихоталинских однотысячников. Красиво сверху — тайга желтая, алая, зеленая, вдали синяя, за ней Находка и серебряное море. На спуске тропы не оказалось. Ломая ноги и деревья, спустились к скалистой речке. Около нее до полуночи жгли костер и беседовали. А потом спали на опавших листьях.

Во Владивостоке еще тепло, в Уссурийском заливе можно купаться, но считается уже неприличным. Татьяна виснет на трубе для подтягивания. Сейчас я ей наподдам, т.к. сегодня ехать в Хабаровск чего-то петь (на все праздники), а собираться, конечно, она не начинала. Мы с мамочкой тоже собирались куда-нибудь поехать, но получили предупреждение, что придет охотовед из Ю-Сахалинска, еще кто-то. Вот и будем сидеть, писать сценарии и гулять.

Плохо все—таки без вас, пишите. [7.11.79]

С наступлением Нового года, дорогие Кулаичевы! Сведений от вас никаких не поступает. У нас на востоке не поступает. У нас на востоке не поступает. У нас на востоке не поступает.

вдвое меньше, жилья не будет почти никогда... И вот продает машину и в июле собирается к нам. — Подумай еще раз, Коля! А если все же приедешь, то уж 3 года — ни звука, ни жалобы!

Еще приехала Алла Михайловна. Кандидат наук, лет за 40! Тоже — романтик со стажем. Когда-то мы с Валиком Граковичем по ошибке сводили ее, ни разу гор не видавшую, на 36. Начинали вместе горные работы. И вот теперь провели по конкурсу, меняет она свою квартиру, ташит сюда мужа — главного архитектора и тоже всему радуется. Сейчас у нее "рыбья оргия". После минской мойвы у нее какая-то нечеловеческая жадность на рыбу: потребляет ее до вздутия живота: селедки, ах, какие селедки! А это — лососи! Миленькие!

Вот так создается белорусская община на Дальнем Востоке, с которой необходимо своротить горы и достичь дна Великого океана! Работы, конечно, столько, сколько бывало лишь в лучшие времена! Однако ж усталость от брэнности и горные ностальгии, печали о весенних ночах и труды!...

В связи с печальными событиями, которые нас окружили, рейс отложен до октября и, конечно, в другие тропики (южнее от штата Гавайи). Надо бы съездить на запад, да по любой раскладке — недосуг. Вот попросился к Белкину—Машкову на Фортамбек в августе.

А вы сейчас по нашему весеннему маршруту? Когда увидимся? Чтобы ты рассказывал свои сказки, и мы бы оба смеялись... Привет Гале, целую. [24.04.80]

С октябрем, дорогой Лешка и твоя огромная семья! Возможно вы уже живете в такой же огромной квартире, тогда еще один, отдельные поздравления!

Мы третий день в Сингапуре, представляющем собой огромную небоскребно-китайскую лавку с мыслимыми и немислимыми товарами всего света, тысячами судов джонок, нероглифов, регалий... Впрочем, религия общая — honey [мед]!

Праздник отметим в южном полушарии, выпьем за вас, которые на суше.

Целую, Саша. [6.11.80]

Дорогой Алешка! Вы уже, по-видимому, давно остепенившись, живете в отдельной многокомнатной квартире. И как всякий буржуазный человек о друзьях юности ты позабыл. Для напоминания посылаю несколько фотографий из несчетного числа, запечатлевших забываемые мгновения моего пребывания в Микронезии, Полинезии и Меланезии (пояснения на оборотах). Описывать ничего не буду (понаписал много, включая лирические стихи — надо же!). Слишком много пришлось бы писать. Возможно расскажу при проезде в Минск в начале июля (если вы еще где-нибудь существуете). Целую, Гале привет! И Анне Тимофеевне! [9.4.81]¹

Дорогой Леша! По случаю праздника — большие сердечные поздравления и привет! Пишу на пароме — это теперь мое самое обычное местопребывание, т.к. работая завлабом двух лабораторий, езжу между ними. В конце года вынужден на день-два приехать в Москву. С 1 апреля собирался в рейс на 2.5 месяца. Все-таки пиши, например, привык ли к новой квартире. Привет и поздравления семье. От моей семье — твоей. Саша. [9.11.81]

Здравствуй, Саша! Что-то давно от тебя нет известий. Вернулся ли ты из морской прогулки или задержался где-нибудь на маленьком тихом островке на оставшееся время? Может осерчал на что-то или впал в черную безысходную депрессию. Врать не буду, не знаю. А депрессия — дело обычное. Уж очень мы к себе серьезно относимся. И здесь я как все. Чуть не получилась или не знаешь, что завтра делать, или сегодня пойти не к кому, а чем заняться не придумаешь — и все. Конец света. Потому что смысл жизни сразу теряется. И не чьей-нибудь, а нашей. А до чужого смысла нам дела нет, так руки до него никак не доходят.

Или еще хуже, когда совсем. Ну что-то там запретили делать. Или не проявили нужного интереса. Или обозвали как-то даже. А уж так хотелось! Думал, буду это делать, так уж точно, наконец, себя зауважаю. Потому что это никто и никогда или не так здорово. Или какой-нибудь более прыткий уехал в другую сторону. Себе смысл искать. И все за ним смотрят, так как в этом тоже можно смысл найти. Для тех, кто смотрит. Ну вот, в таком случае уже совсем хана. Или в запой, или в петлю. Но до петли добираться, как правило, не успеваешь. Потому что, опять-таки, считаешь себя значительным. Ведь петля — конец (как полагают некоторые). А конец, значит — ни смысла, ни бессмыслия. Скучно.

И тут что-то щелкает. Вроде смысл какой-то появляется, или устал может быть. Человек существо слабое. Мысли бегут как муравьишки. Одна не долетала до конца, а ей уже навстречу другая. А той уже и след простыл. Но как этот щелчок происходит, сколько не боюсь, никак не поймаю. Вот и сейчас. Скука. Делать нечего. Ни одной путевой мысли. Письмо какое-то надо писать. А зачем. Может быть и никого уже нет нигде. А написал две строчки и, вроде бы, полегчало. Смыслишко какой-то, вроде, появился. А какой — черт его знает.

Или вот статью собрался презентовать. В самый солидный журнал [речь идет о ж. «Прогрессивное»]. Где одна элита. Выше которого некуда. И рад-радешенек, что прорвался. Четыре года пороги обивал. Доказывал, что придумал самое новое. Которое еще никто и никогда, или не так здорово. И что это будет полезно до безобразия. Всем или, по крайней мере, почти каждому. И слушал, что, вроде бы, ничего, но лучше бы как-нибудь по другому,

¹ По приезде Саша много и восторженно рассказывал об островах, а также об оборотных и грязных сторонах человеческих взаимоотношений в рейсе, не упомянутых в его книге.

потому что ничего не понятно. И переделывал, исправлял понятливее. Но в сторону не сворачивал, нисколько. И теоремы доказал все, что нужно. И что же в результате. Пробился! На самый верх. Со свиным рылом! И что же. Опять тоска. Никто на руках не носит. Не аплодируют. А вместо этого надо думать, что делать дальше. А это не хочется. Потому что зачем же делать, если столько сделал, а никому не нужно. Потому что всем нужен смысл. А как его дать, если сам никак не найдешь.

И вот думаю, может быть послать, потому что больше некому. Не в том смысле, что дураков больше нет. А в том, что некуда и все тут. Ну, думаю, пошло, ну и что? А ничего, хоть на полке полегит — и то приятно. Все-таки не у себя. А у другого, может быть, и не полегит даже. И вот такие мысли все время. Поэтому подумать про что-то другое просто некогда. Когда же думать о другом, если голова все время занята думами о прошлом или о будущем. На настоящее совсем не остается сил. Приходится ждать, когда оно станет прошлым. Тогда и думаешь, и думаешь, до того, что хоть в петлю. Но тут происходит щелчок, который мне поймать никак не удается.

Ну вот думаю, на этот раз как-то выкрутился. Что-то придумал, что-то сделал, что-то посмотрел, с кем-то поговорил, куда-то съездил. И в следующий раз, глядишь, что-то подвратится, бог даст. А что, если кончится все? Все перепробуешь, пересмотришь, переговоришь. Или, скажем, на основании собственного громадного опыта уже можешь заранее сказать, что, где, как, когда с тобой будет. И что почувствуешь. Вот это да! Это, брат, парадокс будет. Потому что человек привык в будущем или прошлом, так как их нет, а настоящего он боится, так оно есть.

А когда будущее уйдет в прошлое и останется одно настоящее. Что же это будет. Куда денется человек? И кто вместо него будет? Шарада!

Вот так мы и живем. Дышим, загораем, кушаем витамины, мечтаем и вспоминаем. А я вот пишу письмо во Владик. Потому что писать больше некому. Такое письмо. А другим надо писать другие письма. А может никому этих писем не нужно? Но мы это оставим до другого письма. Потому что сил никаких больше нету, ни писать, ни читать. И бумага кончается. А в конце надо написать: «До свидания», так полагается. А.К. [20.7.82, 19.00]

С Новым годом, дорогие Кулаичевы. Прошу прощения, но дозвониться перед отъездом не сумел. Уточнюю маршрут рейса: Сингапур, Бирма и рифы Вьетнама. Новый Год встречаем на МЭСе, во втором этапе недостроенного бунгала. Желаем трансцендентного счастья. Пусть его будет — целая тарелка! [декабрь 1982]

Дорогой Лешка! Вторую неделю стоим в Севастополе. Салоники заказаны на 18 мая, так что даже с учетом лощманской проводки в Босфоре уходить раньше 15 мая незачем. Погрузки, бумаги, приказы и другая суета. Позавчера возил целую компанию на южный берег. Посмотрели как тренируются скалолазы на Крестовой... А завтра съезжу на 3 дня в Минск.

Все хорошо складывается: подбил Марка и Чуланова — ехать в экспедицию на Памир. Они вот поедут, а мне пришлось — в тропики. Владивосток засасывает и все труднее выбраться. Оброс лабораторией, а в этом году Татьяна поступает на восточный ф-т ДВГУ и, если попадет, — еще 5 лет... Трудно не от неустroенности и романтики: друзья остались в Минске и еще в Москве. На Дальний восток я приехал в том возрасте, когда друзей уже не заводят...

Наш график: Солоники (Греция) — 18–29 мая, п.Массауа (Эфиопия) — 27–29 мая — 4 июня, Дар-эс-Салам, Занзибар — 12–13 июня и 21 июня, п.Бейра (Мозамбик) — 26–27 июня, п.Моамбик — 3 июля, п.Диего-Суарес (Мадагаскар) — 5–6 июля, п.Эльвиль (Мадагаскар) — 14–15 июля, п.Момбаса (Кения) или Порт-Луи (Маврикий) — 17–19 июля, Виктория (Сейшельские о-ва) — 22–23 июля и 29 июля, Сингапур — 11–15 августа, Владивосток — 26 августа.

Нам можно послать радиogramму (обычная телеграмма с адресом: Владивосток 19 НИС Профессор Богоров, Люцко) и даже письма (на обычном конверте).

Обнимаю, поздравляю с маем и днем Победы! И хорошего теплого лета. Привет Гале. Саша. [06.5.85]

С Новым годом, Лешечка! Не знаю о тебе ничего, поэтому пишу о нас. Был в Африке, теперь в рейс ушла Лера. Только что закончил монографию и ненавижу буквы, По-видимому буду на диком Западе. Тогда и поговорим о вечном.

А вечное — счастье, которое бывает, но уходит мгновенно. Давит бремя лет.

Желаю счастливых мгновение! Обнимаю Галю, тебя, жму руку. Твой.¹ [28.11.85]

Послесловие очевидца

Тогда мы еще не знали, что эта, поначалу казавшаяся совсем вовсе абсолютно не страшной и не тотальной Чернобыльская «авария» принесет

¹ Это — последнее письмо, полученное от Саши, всего за 5 месяцев до Чернобыльской катастрофы.

решающий перелом во все вокруг (см. А.М.Люцко. «Чернобыльское десятилетие»). И что именно от нее взывается небывалый, но кратковременный всеобщий эмоциональный порыв к свободе от застоя и лжи (когда вся страна будет сутками напролет слушать все заседания Верховного Совета и читать все газеты). Но именно на крыльях этого подъема руками беспринципных и алчных плебеев из второго номенклатурного эшелона будет бездумно, сразу и наповал уничтожена Великая Евразийская Держава, чего не удалось даже Великому нордическому завоевателю Адольфу Гитлеру с его тысячелетним Рейхом и несметными танковыми дивизиями! И все это огромное достояние, построенное всеми неисчислимыми народами Евразии во многих десятилетиях крови и страданий, буквально за два года будет разрушено, разграблено и распродано безвозвратно. И наступит всеобщая нищета и вымирание, приближающиеся к ужасающему голоду тридцатых годов. И всех нас, как щепки в буране разбросает по миру, и перестанем мы встречаться и говорить друг с другом.

Великий Амбу из ашрама Шри Ауробиндо

Через год Саша один-одинешенек бросит все, с таким многолетним феноменальным трудом созданное, на пике своей научной и материальной отдачи возвратится (но не как блудный сын с своему богатому отцу) на свою несчастную и одинокую Родину в Минск. Несколько раз звонит, но заезжать к нам в гости избегает. Я приезжаю в Минск еще трижды: зимой 1990 (с Володей Веялкиным реконструируем Сашину квартиру), летом 1990 (на слаломный олимпийский канал, где с эмоциями самосплавления с Сашей и Данилкой) и летом 1991 (на канал с нашей командой каякёров, а Саша показывает мне предполагаемое здание своего будущего института, но замкнутость все отчетливее чувствуете).

Спасибо тебе большое, Саша за чудесный и неожиданный подарок. Теперь, благодаря тебе, у меня почти весь избранный Булгаков, которого я могу видеть хоть каждый день. Зато я не могу видеть тебя даже в 365 раз реже. Ох уж эти вечно занятые, недоступные, загадочные русские! Чем это они все всё время заняты? Как я их непонимаю!

И я вспоминаю то время, когда у тебя было время. Когда мы жили на песке под соснами и упивались далекой сказочной сказкой. Кусочек этой сказки – фотографии Амбу из рук самого Амбу и кусочек этой бумаги, созданной руками сказочников из Sri Aurobindo Hand-made Paper Factory, Pondicherry.

Мне кажется, я уже писал тебе такое письмо. Или мне сейчас кажется, что я его тебе пишу? Твой, Леха. 25.4.98. Вечно жду ответа.

«Магия глаз» Шри Паранджпи, Коляпур — январь 1989

Здравствуй, Саша! Говорят, что у тебя юбилей. Видимся мы с тобой редко, а говорим — почти никогда, поэтому я плохо представляю, что тебе можно пожелать.

С другой стороны, к такому рубежу человек уже имеет все, что желал.

С третьей стороны, мы все уже по пояс в говне, а не исключено, что будем и по уши. Поэтому пожелать выбраться одному, или вдвоем—втроем — как-то язык не поворачивается.

Из экспедиции в Индию я вывез подозрение, что все наши взгляды, начиная с бытовых и кончая высшими, — чудовищны!

Но это не самое печальное. Печальнее то, что мы даже не в состоянии осознать всю чудовищность наших взглядов.

Если ты это прекрасно знаешь — мне тебе пожелать нечего.

Если ты так не считаешь, то я искренне желаю тебе не изменять этой точке зрения.

Если же ты, как и я, об этом догадываешься, то я пожелаю тебе в оставшийся половине твоей жизни двигаться по пути осознания чудовищности наших взглядов.

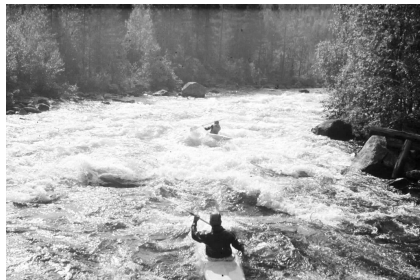
Твой искренний брат, Леша. [последнее письмо на 50—летие от 23.1.1991]

После танков августа 1991 случилась предельная обида на друга за молчание.

Не пишу и не звоню до начала августа 1993, когда, чувствуя нарастание мрака, пишу антиельцинскую статью в Советскую Россию (не опубликована), копию отсылаю Саше без подписи (для анонимности прошу отправить Женю Волкова из Бердянска). В октябре ельцинские танки расстреливают Российский Парламент (все исполнители затем нашли свою расплату в Чечне) — после трансляции по телевизору бегу туда бегом (с окраины до центра 15 км, транспорт не ходит), а там под крупно—пулеметную канонаду застаю массовую оргию радостно—восторженно—гуляющей *золотой молодежи*. Молчу все ожесточеннее. В январе 1995 не выдерживаю, звоню поздравить с днем рождения. Чтобы понадежнее забыть, каждый из нас сочиняет для себя о **Друге** подходящую примитивно—бытовую оправдательную легенду. Это — наша совместная дань окружающей плебейской пропаганде. И оба мы в этом крайне преуспели — наконец—то доказали сами себе, что и без друг друга существовать можем! Последний раз в мае 1996 года из какого—то там неизвестного мне минского института радиозкологии раздается звонок по поводу полученного ими моего статистического пакета STADIA. Спрашиваю, между прочим, а не знают ли они такого Сашу Люцко, он ведь тоже радиолог — через минуту к телефону подходит сам ректор института, Саша! Летом этого же года выходит первое издание моей монографии по прикладной статистике с мучительно созданным *феноменологическим* приложением, и я упрямо жду более года, надеясь, что ее появление в Минске разорвет, наконец—то, стену отчуждения. 13 октября 1997 года не выдерживаю, звоню в институт преподавателям и узнаю, что прошло уже ровно 40 дней...

Саша, еще только родившись, уже знал навсегда и безусловно, что жизнь предоставляется исключительно для великих свершений, которые надо неумолимо искать и делать каждую минуту всей своей жизни. И отсюда же он абсолютно не способен был допустить, что могут быть еще и другие — и они другие, для которых жизнь — ежеминутное мучение, которые не знают, зачем она появилась и почему они в ней оказались, и кото-

рые от этого постепенно становились все более мрачными, озлобленными, со жгучей завистью ко всем ближним и далеким, годами от отчаяния оттачивающими искусство лжи, мести, предательства, обмана... Он был совершенно убежден, что энергией, напором и яркими великими идеями он просто обязан вздыбить и одухотворить даже самую безнадежную трясину. Получая же из этой трясины внезапные, прямые и жесткие удары на своем полном разгоне, Саша оказывался в полнейшем замешательстве — вся его парадигма мироздания в один момент рушилась, наступала пора беспросветного отчаяния и приходилось прилагать нечеловеческие усилия, чтобы возродить свое неповторимое мирозосерцание. И каждый раз он это делал... Много раз он говорил мне, что вот наконец-то настала реальная возможность соединить вместе всех, горящих вечным огнем, и этот объединенный огонь уже никакими злыми силами нельзя будет потушить...

Жизнь, проведенная в порога